

ПОРОК

ЛИХИЕ 90-Е

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Виталина Дэн

Виталина Дэн

Порок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66592168

SelfPub; 2021

Аннотация

Лихие 90-е. Горячее время. Темное. Беспощадное. Царствует эпоха голода, разрухи и нищеты. Страна обросла руинами, на которых стоит вьевшийся кровью пропагандистский штамп, а материальное и мертвое крепко переплелись между собой. Денис Туманов уже в подростковом возрасте осознал, что нужно крутиться и выкарабкиваться из убогости, которая его окружала и зловонием впитывалась в него. А тут еще так вовремя Туману поступает сомнительное предложение войти в одну из молодых группировок. Он не задумываясь принимает его. Ведь представился шанс сорвать куш. И для него совсем не имеет значения, что он наплюет на закон и переступит его, поскольку сама власть в свое время о нем забыла.

Содержит нецензурную брань.

Виталина Дэн

Порок

Пролог

Торопливо перебирала ногами, вышагивая по мокрому убитому асфальту, и в тишине улицы звонко отстукивала своими пятисантиметровыми каблучками.

– Веееришь, не верииишь, я лишь одно тебе скажууу, – не веришь, свои сомненья не тая, – улыбаясь крутила головой по сторонам и вслух напевала себе под нос одну из песен, не боясь быть услышанной, потому как на город опустились сумерки и никого рядом со мной не было. – Нааа-на-на-нааа, – хихикнула и немного подпрыгнула вверх, взбивая свои пышные белоснежные блестящие волосы.

Теребя пальцами один конец шифонового голубого шарфика, повязанного на шее, закусила нижнюю губу и вновь вернулась мыслями к построению своего будущего. Но внезапно в одну секунду застопорилась, когда черная машина визгливо просвистела передо мной покрывками, перегораживая путь.

Первоначально меня одолело недоумение и ступор... Мозг еще не в силах оценить происходящее из-за резкого выброса адреналина в кровь.

Уверена, что это из-за того, что на тебя сейчас чуть не налетела машина?

Таращусь округлившимися загнанными глазами на черный BMW M5 и даю трезвый ответ своему подсознанию.

Нет...

Так какого черта ты до сих пор стоишь, ведь он еще не вышел из нее?! Поздно... У тебя была минута.

Она бы меня не спасла...

Молодой темноволосый парень лениво выбрался из салона авто и оказался стоящим ко мне спиной, задерживая свое внимание на мирно лежащей линии беспросветно-холодного горизонта.

Он – безучастный, равнодушный, отрешенный. И я – дрожащая, одеревеневшая. Щеки запылали, но вразрез этому чувству меня окатила лавина холода и ужаса. В солнечном сплетении все сжалось в скрюченный комок и с запозданием ухнуло в пятки.

Долгая доля секунды, и он расслабленно разворачивается ко мне, встречаясь со мной взглядами.

Его глаза... Неживые. Мертвые. Неподвижные. Глаза, отражающие металлический холод острого лезвия ножа. Карие глаза цвета растопленного шоколада смотрели сквозь меня, но просверливали мою душу. Пугающие глаза, обладающие эффектом оцепенения, пленили каждого: воздействовали на тебя, не отпускали с места, вводили в транс.

Почва уходит из-под ног, сердце колотится, как дурное, а реальность смазывается в размытое пятно.

Делаю шаг назад, но неосмотрительно оступаю. Засты-

ваю. Каменю. От его потемневших глаз и просочившейся в уголках губ тени насмешки. Он, не отпуская моего взгляда, своим будто бы прицеливается... возводит курок.

И вот он, момент...

В голове простреливает сильной болью. Это понимание... осознание моей скорой неминуемой гибели. Уничтожение моей жизни... Разрушение моих планов, мечтаний, фантазий, существования.

Я стараюсь держаться и не показывать ему всей своей слабости, но в противовес моим желаниям и жалким попыткам слезы каплями стекают по щекам.

Шатаюсь, как маятник на ветру, словно я нахожусь на краю глубокой бездонной черной пропасти. Рефлекторно сжимаю в кулаки покалывающие безвольные пальцы и начинаю дышать. Глубоко. Часто.

Вдох-выдох. Смотрим друг другу в глаза.

Вдох-выдох. Оба неподвижно стоим, как будто мраморные статуи.

Вдох-выдох. Реанимирую свой онемевший язык.

– Денис... – шелест моего голоса доносится до него на небольшом расстоянии. – Я тебя... прошу... – шепот насквозь пропитан мольбой.

Но он смотрит все так же, не отрываясь от меня. Без капли сочувствия или сострадания.

Ублюдок!

– Одумайся, – с искренностью заглядывая ему в глаза,

всем видом говорила, что я не хочу. – Денис...

И это мой конец... Секундная стрелка двинулась вперед. Последняя минута моей жизни. Нынешней... Отсчет пошел.

Его глаза загорелись предвкушением, а у меня с губ слетает неслышный испуганный стон. Но на самом деле в глотке застрял истошный вопль.

Оглушительный выстрел из ствола пистолета его нацеленных на меня вот уже вечность глаз. Свинцовая гильза эхом ударяется об асфальт, распространяя вонючий пороховой дым в виде его убийственной страшной энергетики.

Звон... Грубый звон его голоса в ушах. Свист. Шаг ко мне, и напеваемый жуткий свист, чередующийся со словами песни.

– Крутится, вертится шар голубой, – нарочно стреляет глазами на мой шарфик на шее и вытаскивает из кармана своих черных трико платок со стеклянной бутылочкой.

Вдох-выдох. Панический. Громкий. Под его ироничный пересвист.

– Прошу, не делай...

– Крутится, вертится над головооой, – выливает хлороформ на ткань, находясь уже практически рядом со мной. Очередной протяжный звук. – Крутится, вертится, хочет упасть, – сделал последний шаг и грудью оказался ко мне вплотную. Свист над моей головой, и вот уже его зябкие глаза на уровне моих говорят о многом. – Кавалер барышню хочет украсть...

Насильно прижимает платок к моему рту и носу и уверенно держит за затылок, обездвигивая меня. А я и не думала рыпаться, потому как это бесполезно. Не убегу. Не скроюсь. Приговор был ясен до того, как он вышел из машины.

Медленно прячу под веками расфокусированный пьяный взгляд, проваливаясь в тягучую невесомость.

Здравствуй, новая жизнь... Не ждала? Так и я тебя не желала.

Глава 1

В одном из городов России. 1991 год. Денис. 16 лет.

– Туман, стопорни-и-и! – отчаянно рыкнул мне сквозь плотно стиснутые челюсти Птичьев и, находясь на одиноком пустыре около небольшого пруда, начал настороженно отступать от надвигающегося к нему меня. – Ты сам посуди, как бы ты на моем месте поступил?! Я как и ты! Мы с тобой пешки в большой игре! – он нервно сглотнул, не отрывая своего загнанного взгляда от моего: пустого, безразличного, сощуренного из-за бьющихся об мою непроницаемую рожу тяжелых капель сильного дождя.

Пернатый пятился назад ближе к затхлой тинистой воде, тяжело перебирая конечностями в грязных кедах, и уже предугадывал плачевный итог этого дня для себя.

– Ты кому накидываешь, Птичьев? – подошел к нему впритык и склонил голову к правому плечу, изучающе впиваясь в его расширенные глаза. – Я же тебе сказал: не мель-

теши у меня под ногами. Не капай мне на мозги. Ты ж знаешь, чем это чревато, – неслышно проговорил в холод раннего вечера и, задумчиво глядя на него, медленно прошелся языком по верхним зубам.

Откровенно усмехнулся от его стягивающей все лицо загнутой обреченности. Повесил голову и задумчиво изрек ему с подрагивающими уголками губ:

– Нет, пернатый... У тебя разыграло чувство собственного превосходства, – смотрел на свою раскрытую, мокрую от дождя ладонь и широко разведенные пальцы. Сжал кулак и сильно натянул зажившую за эти два месяца кожу на костяшках. – Ты решил за мой счет стремно выползти в первые ряды. Ты, хуеплет, надумал со мной мериться елдаком. Задумал подергать меня за яйца, – исподлобья плавно кинул на него изменившийся пытливый взгляд. – Заебешься, птица.

И на этих словах я резко прописываю обсосу кулаком в харю, с первого удара разбивая левую скулу и откидывая его к пруду. Он машинально конвульсивно дергает головой, но спустя секунды, благодаря бесчисленной практике за этот год, приходит в себя и бросается на меня с озверевшим оскалом. Мгновение, и он в досягаемой от меня близости. Удар отрывистый, мощный, хлесткий. Отточенный прямой в нос: так, чтобы уверенно с хрустом сломать до громкого болезненного рева.

– Сука-а-а-а-а! – горько завыл.

– Это я еще добрый, – криво повел краешком губ в нечто

похожее на улыбку. – Ты ж заметил, я явился к тебе с пустыми руками... – спокойно уточнил. – А? Кстати... А ты в какой руке держал нож в тот вечер? Ты правша или левша? – нахмурился, немного склонившись к нему. – Да похуй, если честно, – повернул голову и сплюнул в болотистую воду.

– Туман? Дай сказать... – выставил он в останавливающем жесте свою окровавленную лапу.

– Ну правая, так правая.

Безразлично передернул плечами и, схватив его за вытянутую конечность, вывернул ее назад, выгибая все его тело дугой до судороги. Он во все горло заорал и попытался сделать мне подсечку, но рефлексы сработали быстрее меня. Второй смачный удар пришелся ногой под дых, придавливая его к сырому месиву черной земли. Уткнулся рожей в вонючую жижу, пытаясь отхватить побольше кислорода, но вперемешку с воздухом приходилось жрать и грязь.

– Давай я в последний раз тебе напомню, что лучше не стоит мне переходить дорогу?

– ААААА... Ту-у-ума-а-ан, харэ-э-э-э! – хрипло завопил он, когда я, стоя с его выкрученной назад рукой, принялся ломать каждый палец в разные стороны.

– С чего вдруг? – искренне удивился, приподнимая бровь. – Я же не попросил тебя сделать мне отсос. Я же не заложил тебе за щеку!

– АААА... Пидо-о-ор!

– Но я тебя все равно опущу. Ты ж знаешь мои методы.

Вон позади стоят пацаны. Слава пойдет, стоит нам только переступить черту города, – пытался заглянуть ему в глаза, но бросил это гиблое дело и перешел после пяти пальцев на запястье.

– Сука, не смеей! – бульканье в его горле переплетено с паническим страхом и хрипом.

– Птичьев, только для тебя. Только сегодня. Сделаю быстро. Уговорил, – кивнул и резко сломал предплечье, когда ногой ударил его в руку. – Да не визжи ты, как скотина, – брезгливо поморщился. – Еще не закончили, – пошел к головке плечевой кости.

Мой удар. Характерный треск плечевого сустава. Его прерывистый обессиленный рык вперемешку с рыданием, перетекающим в мучительный стон, балансирующий на грани реальности.

– Ты отключиться решил раньше времени, что ли? – недоуменно спросил у него, больно схватив его за перепачканные в дерьме из грязи и крови патлы на башке. – Рано еще, фуфел.

– Пошел... ты... ссуук... – с усилием неслышно выдавил он, оскаливая черные, забитые землей зубы.

– Алёёёё? – на расстоянии сбоку от нас с раскатистым свистом позвал меня Кот.

Упираясь руками в свои колени, лениво перевел взгляд на Макса. Единственного человека, который отчасти – если так можно было сказать – приходился мне в этой жизни другом.

Своеобразный, покоренный, стгнивший, как и я, но он был подобием приятеля. Ближнего.

Кот развел руками, мол, говоря: тормози. Сквозь дождь не вижу его хари, но без труда разгадываю его действие.

Помрачнев, непонимающе свел брови на переносице и, стиснув до скрипа зубы, с прищуром все еще вглядывался в Макса.

Ну все, так все...

Выпрямился во весь рост и словил на себе расфокусированный нечеткий взгляд стеклообразных зеленых глаз, подобных вонючей тинистой воде в пруду.

– Ту-уман... – слабо прохрипел он, когда я из спортивных штанов вынул член.

– Одупись, пернатый, – равнодушно усмехнулся и начал поливать мочой его рожу.

– МММММ, – замычал он, прикрывшись от меня здоровой рукой, и сунул репу в месиво лужи.

– И впредь чтобы я тебя не видел. Ни тебя, ни твоих псов. Иначе я начну резать. Радиикально, – беззаботно улыбнувшись, стряхнул хуй и снова спрятал его в трико.

Уже отошел от него, как в спину прилетела разъяренная угроза, наполненная униженным тоном:

– Ты за это ответишь! – выплюнул Птичьев на грани истерики.

Не поворачиваясь к нему, мерзко гоготнул про себя, зная, что за этого опущенного черта уже никто не впишется. Но я

и так заранее осознавал, что в любом случае перед Бариним мне придется держать ответ, так как я пошел напрямик в обход него. Но случай двухмесячной давности я не собирался спускать на тормозах. Уж точно не я.

Уверенно перехватил тягостный взгляд Кота своим твердым прищуренным и, сокращая между нами расстояние на пустыре, решительно не отпускал его с места.

Котов Макс. 16 лет.

Я напряженно вглядывался в Дэна, которому явно не пришелся по вкусу мой взбрык, направленный в его сторону. Даже под приливным дождем, на довольно приличном от него расстоянии моментально учуял, что запахло жареным, и это, откровенно говоря, очень хуево. Этого прущего от Тумана зловония пытался избежать каждый из наших.

Он тяжелой поступью неторопливо надвигается на меня, взяв взглядом на мушку. Разодрал одно гнилое мясо и отправился на охоту за другим свежим куском. Сцапал черта за сраку и отправил на парашу, устраняя своего конкурента, который вот уже год как вставлял Туману палки в колеса.

Боялся ли я его...? Нет... Но я совру, если скажу, что с первого дня нашего знакомства не чувствую рядом с ним собачьего холода. Пацан из среднестатистической семьи оказался на удивление бездушным куском холодного негибаемого металла. Озлобленный и жестокий. Да еще и система в стране поставила их семью раком. Страна, которая с каждым

годом откровенно превращалась в помойку.

На расслабоне наступал на меня шаг за шагом и давил морально. Движения его – плавные, ленивые, спокойные, уверенные – говорили мне уже о многом. Острый взгляд перемалывал и держал на коротком поводке каждого из нашей стаи. И поводок этот мы ему передали собственноручно. Не потому, что умен или силен телом и духом... Потому что он не видит берегов. Как и ни единой границы. Границ, которых нет ни в его поступках, ни в его глазах. Пустота... Не зря его кличут Туманом. Плющит он не по-детски, и хрен просышь, что вертится в его глазах и в отмороженной башке.

Вальяжно остановился напротив и с ног до головы смерил меня придирчивым оценивающим взглядом, выбирая точку обстрела на моем лице.

Неосознанно дыхание замирает, будто перед прыжком в глубинную пропасть.

– Тебя что-то не устраивает, Кот? – с напором жестко поинтересовался у меня. – Беспокоит? – следующее выдает уже с сарказмом.

В темных мутных глазах, в которые лезла мокрая рваная челка, осела горечью тень ехидства, возрождая чужеродную в нем сущность. Падашь, истребляющую всех и всё.

Время замедлило свой ход, и я в этот миг ощутил, как сердце учащенным ритмом быстро начало разгонять по вздувшимся венам отравленную кровь.

Выругался про себя.

Отвык ты, Макс, что ли, от него за два месяца? Какого черта происходит? Он все тот же...

Но казалось, что после крайнего случившегося с ним инцидента в нем разбились вдребезги последние остатки человечности.

Он и так сходу все подмечает, а тут и ты, Кот, тормозишь на ровном месте. Не дееело... Не успеешь из-за своей тупости оступитья, как сам станешь негодным ему. А он среагирует мгновенно. Прыгнет и сожрет тебя с потрохами.

Противно скривился. Не понравился дружно играющий хоровод мыслей в башке. Это все-таки Туман. Из нашего зверья я, пожалуй, буду ему ближе всех: как-никак столько лет рука об руку.

– Я вопрос тебе задал, – невзрачная интонация и нечитаема мимика. Он будто о погоде говорит, но в то же время расплющивает твой мозг, душит тебя удавкой. Змей, который в одночасье из спокойного состояния превращается в убийцу. – Че ты на панике? – приблизился ко мне и уже демонстративно подчеркнул в тоне угрозу.

– Я не видел в этом смысла, – киваю в сторону все еще валяющегося на земле пернатого и достаиваюсь удивленного говорящего взгляда друга: дескать, ты ебанулся, зёма?

Закатил глаза. Ну нахер, его кроет.

– Кот, я сделаю вид, что мне показалось, – вдруг произнес он странную фразу, а у меня тут же ладони вспотели и на

кончиках пальцев тремор заискрил. – Все! – повышает тон, привлекая внимание всех пацанов на поляне, и набок смахивает с глаз мешающую челку. – Возвращаемся. С Бариним сам все перетру, чтобы никто из вас не смел раскрыть пасть при нем, – скомандовал твердо, отрывисто и коротко. Следует своим установленным правилам, которых придерживается не только сам, но и на нас вешает без разбору.

Кинул на меня последний предостерегающий взгляд и широким шагом направился к пустынной дороге, в сторону припаркованных жигулей. Пацаны молча последовали за ним.

– Че не так-то? – ударил в плечо Миха, задерживаясь возле меня. – Ты лупишь на него, словно никогда не был знаком с Дэном. Кот, давай просыпайся. Все. Лафа закончилась. Туман вернулся. А значит, сейчас рекой потечет грязная работенка, – издевательски хохотнул он.

– Да хер его знает, – ощерился, глядя вслед высокой фигуре друга.

– Э-э-э? – свистнул издали нам Туман, обернувшись. – Девочки, свидание окончено! По домам и в кровать!

Загоготали, помимо нас, еще и впереди идущие пацаны. Так, под обрывочные смешки и мерный шаг, на меня накатывала тяжелая волна воспоминаний, связанных с другом.

Глава 2

Основные действия. Конец 1989 года. Денису 14 лет.

– И он, прикинь, мне такой говорит: иди, займись полезным делом, неуч. Не-е-е, ну это уже ни в какие ворота. А я ему такой: слышь, че, пиздить, как вы с мамкой? Ну и... отхуярил он меня ремнем и не преминул куском хлеба упрекнуть. Су-у-ука... Зажравшееся животное, – угорая, пересказывал мне очередные терки со своим отчимом Макс, когда ступили на лестничный пролет в школе, поднимаясь в кабинет на урок. – Да я и без их помощи подниму бабла! – я после его слов усмехнулся и стрельнул в него лукавым взглядом, чем вызвал неподдельное возмущение Кота. – А че-е-е? – всплеснул он руками в стороны. – В наше время каждый крутится, кто как может, – толковал он мне на серьезных щах. – Я же не лезу в их дела, вот и они пускай нос свой не суют в мою жизнь. А то, видите ли, у них тупоголовый сын – бездарь. А, да, как же я мог забыть – еще и уголовник! А они... – после незначительной заминки. – Через пару годков посмотрю на них, – тихо заржали с ним оба, не спеша поднимаясь на четвертый этаж. – Э-э-э? Ты вообще слушаешь меня? – ухмыльнулся Кот, толкнув меня в плечо, когда заметил мой заинтересованный взгляд на телочке, идущей впереди на пару с подружкой.

– Угу... – отозвался, не отрывая глаз от зачетной задницы девицы с выпускного класса, которая обсуждала хахалей и неторопливо перебирала ногами по оккупированной школьниками лестнице.

Рука так и потянулась вперед, чтобы смачно вдарить

– Добрый день, Павел, – интеллигентно завел с ним диалог, улыбаясь.

Все-таки имею честь вести разговор с человеком из семьи интеллектуалов. Про мать его не помню, но вроде медик, а вот отец – первый секретарь обкома. Служебная волга, служебная дача за городом, трешка в центре города, импортные шмотки и зарплата другого уровня, нежели у простых смертных, которые перебиваются с копейки на копейку.

– Отвали! – суматошно заелозил на лестнице, с волнением оглядываясь по сторонам.

– Ну-ну, зачем же хамить? Не тужься ты. Я же культурно к тебе подошел, Паша.

Девчонки, свесившись с перил и наблюдая за нами, разве-селились и выкрикнули:

– Денис, а ты даже слово такое знаешь?

– Где ты, Туманов, и где культурно?! – хихикая, подкалывали они.

Вскинул голову и полоснул по ним суженным взглядом. Мигом заткнули свои варежки и сорвались с места, преодолевая последний пролет до четвертого этажа.

– Паша, одолжи червонец, – вернулся к своему спонсору и начал шарить по его карманам, не дожидаясь этого тормоза.

– Туман... – он хотел сказать, что нет ничего, но я уже вытащил из прямых черных брюк двадцатку.

Присвистнули с притихшим Максом, стоящим все это время подле меня.

– Ляжку то все это время не жгло? – я довольно ощерился, спрашивая богатенького буратино.

Только передал деньги Коту, как позади нас раздался грозный визгливый голос нашей классухи, Елены Дмитриевны:

– Котов, Туманов! Это что за безобразие творится? Почему Вознесенский лежит на лестнице?

А еще я стою, нависнув над ним, и держу за воротник оттюженной белоснежной рубашки.

Блядство, как не вовремя!

– Да он оступился и упал, Елена Дмитриевна, – отозвался весело. Дергаю пацана за шкварник вверх и ставлю на ноги. – Примерзни, – неслышно процедил ему. – Иначе уйдешь на вечную зимовку. Я лично организую после уроков, – заиграл желваками, чувствуя, как Кот кулаком незаметно предупреждающе ударяет меня в бедро, а училка, цокая по лестнице маленькими каблучками, гневно печатает шаг.

Желторотик напротив кивает и испуганно отступает от меня. Кислород ему перекрыл и хлебальник захлопнул. Хоть и знал, что не посмеет его раззявить. Но никогда ни в чем нельзя быть уверенным. Подстраховался, а теперь можно и по ушам проехаться этой доморощенной праведнице.

– Воскресенский, что тут произошло? – остановилась рядом с нами классная.

Скучающе перевел внимание на Макса, который открыто посмеивался над ситуацией.

– Я задумался и, запнувшись, упал...

– Что ты сделал, Туманов? – резко перебила его преподаватель и злобно уставилась на меня, уже подозревая, что клещами не выпытает у дойной коровы правдивую информацию.

– Вы слышали его, – негодуяще развел руками, кося под дебила.

– Бегом за мной к директору!

– И что же вы ему скажете? – хамовато сыронизировал я, пакостно расплываясь в полуулыбочке.

Эта дура напротив покраснела, сжала зубы и кулаки, поправила круглые очки и выцедила из себя:

– Скоро узнаешь. В кабинет директора, живо! – особо выделила эту фразу, решив устроить мне очную ставку. – И почему у тебя рукава рубашки засучены? А ну-ка бегом приведи себя в надлежащий вид!

Передернул плечами и посторонился, освобождая ей проход, мол, говоря: вперед и с песней, флаг тебе в руки, доморощенная овца.

Разъяренная классуха молча полетела вниз под оглушительный звонок на урок, тоже навешивая мне на погоны хуи.

Ухмыльнулся и хлопнул пятерней Кота.

– Давай, слезки сильно не лей. Бабки после учебы попилим между собой, – подковырнул он меня и взлетел на четвертый этаж.

Обсоса уже и след простыл.

Поморщился и беспечно проследовал за женщиной, которая рывкнула на меня, подгоняя, и на проходящих девчонках...

– Райская, это что за вид? Ты что, на дискотеку явилась?! Ну-ка юбку опустила ниже. Стыдоба! А ты, Котова, что застыла, как оловянный солдатик, бегом на урок! Для кого звонок был? – разгоряченно распалаясь неврастеничка.

Резко поднял голову, услышав знакомую фамилию и, глядя исподлобья, встретился с серьезным взглядом со светло-волосой девочки десяти лет. Девочки, которая обеспокоенно бегала зелено-голубыми глазами под сенью пушистых поддрагивающих ресниц от меня к учительнице, и пыталась сообразить, что произошло.

Тело вмиг налилось невесомостью рядом с Прищепкой, но в солнечном сплетении, как и всегда, что-то возбужденно всковырнуло наизнанку.

Насупилась, когда я лениво пошел вперед, не отпуская ее глаз. Кудрявая кукла с блестящим водопадом волос до пояницы и большим белым бантом на голове, удерживающим тугой хвост.

Смешная.

– Что случилось? – с тревогой негромко спросила у меня и коснулась моих пальцев, когда я проходил мимо них.

– Котова, ты не поняла меня? – выкрикнула училка, мгновенно вызывая во мне волну ненависти к ней.

– Все хорошо, – подмигнул ей и достал из кармана ирис-

ку. – Жуй, Прищепка. Оох! – наигранно охнул и неслышно засмеялся, когда ударила меня кулаком в бок.

– Дурак! – разозлилась из-за прилипшего к ней с детства прозвища, но конфетку нагло и ловко из пальцев выдернула.

Голубая заводь ее глаз просветлела, стирая ластиком неуютную ей зелень. Неуверенная улыбка расцвела на не сильно пухлых малиновых губах, и последовал глубокий вдох облегчения полной грудью. И так всегда... Не должно этого быть. Вздохов, таких взглядов, волнения, веры в меня, в мои слова, но, увы, есть... С самого детства. С первого нашего с ней знакомства.

Отвернулся от нее и злобно вдавил большой палец в нижнюю губу, задумчиво потирая ее по всей длине. Смотрел себе под ноги и знал, чувствовал, что смотрит мне вслед. С каждым пройденным шагом, отражающимся гипнотическим гулом в ушах, я необратимо тонул в мареве своих воспоминаний.

1984год. Денису 9 лет.

– Задрал! – разъяренно выкрикнул в пустой комнате, лежа на своей кровати. – Я тебе сейчас смычок в очко засуну, а твою доморощенную скрипку выкину с пятого этажа! – ударил кулаком в рядом стоящую стену, обтянутую невзрачными темно-коричневыми обоями с изображением опавших листьев.

– Мне заниматься нужно! – просительно вторил мне дрищ Никита, приходящийся мне родным младшим братом с раз-

ницей в один год. – Я и так к родителям в комнату ушел от тебя, пока их нет.

– Я сказал, заглох! – приподнял голову от подушки. – Еще один звук, и ты будешь под подъездом собирать щепки от своей виолончели или скрипки. Меня не ебет, музыкант хуев! – с психу стопой толкнул стоящую у подножья кровати отечественную деревянную тумбочку.

Секунда, и образовалась такая желанная мною тишина. Закатил глаза и башкой повалился обратно на подушку, пытаюсь уснуть после школы. Но, похоже, сегодня была не судьба, как и во все предыдущие разы.

Переплетенный яростный тихий рык с негодованием выскользнул из меня, когда у соседей под нами раздался очередной детский визг, писк, хныканье, и до того громко, что даже подушка не заглушала этих раздражающих воплей.

– Вот же суки!

– И че ты на меня гонишь, когда у новых соседей снизу уже неделю играет свой аккомпанемент, – с затравленным вздохом завалился в нашу с ним комнату Никита, намекая на соседского спиногрыза.

– Скройся! – спрятал голову под подушку.

Меняхватило от силы на пару минут бездействия, пока вновь не раздалось оглушительное визжание, словно это исчадие расчленили на куски.

Слабая нервная система не выдержала.

Сорвался с кровати и по пути к выходу из квартиры со

всей дури зарядил ладонью в деревянную, окрашенную белой краской обналочку, с одной мыслью, что я их там сейчас придушу в ответ за изнасилование моей башки.

Пролетел в подъезде на пролет ниже и затарабанил руками и ногами в соседскую железную дверь.

Кровожадно оскалился, когда бесноватый ребенок наконец-то заткнулся.

– Кто? – раздался по ту сторону удрученный голос подростка.

– Открывай. Свои, – гаркнул на весь подъезд.

За дверью осеклись, но, отдать должное, не стушевались и дверь открыли. Напротив оказался короткостриженный русоволосый пацаненок с зелеными глазами, примерно моего возраста.

– Че? – скривился он и нелюбезно поинтересовался.

– Хуй в очко, слышал о таком? – на серьезе загоняю ему эту дичь и носком бью его в голень сначала левой ноги, а следом и в правую, вкладывая в удар все внутреннее напряжение и бешенство.

– Ты с башкой не дружишь? – взвыл он и завалился на пол около двери, хватаясь за место ушиба.

– Отчасти, – усмехнулся. – Угомони ребенка, и дайте поспать.

– Сосед, что ли? – сквозь зубы выдавил, растирая место, куда пришлись удары.

– Максюша, кто к нам пришел? Это мама, да? Максююю-

ша? – тонкий голосок и топот маленьких ножек неумолимо приближался к нам.

Заржал от скривившейся рожи Максюши. Но в полной мере насладиться этой картиной помешала малявка, которая распахнула на всю дверь и так и застыла с открытым ртом, глядя на меня.

Присел к ней на корты и сцепил пальцы в замок.

– Звать как? – серьезно осведомился без улыбки, не сюсюкаясь с ней.

Но она молчала, и мне казалось, что с каждой секундой ее глаза и зрачки становились шире, а золотистые медовые кудряшки подпрыгивали в такт ее учащенному дыханию.

– Ты немая, что ли? Хотя, так горланить на весь дом... Рот прикрой, а то муха залетит.

Нахмурилась. Светла и изогнула маленькие бровки к переносице и поджала губы в прямую линию.

– Я не немая. Я – Уля! – гордо вскинула подбородок и, как царица, выставила ножку вперед, а у меня еще в башке шелкнуло, что она сейчас ручку мне подаст, чтобы я ее поцеловал.

– Юля, что ли? – усмехнулся и, озорно сощурившись, смотрел на нее в упор.

– Уля! Это не я немая, это ты глухой! Но ооочень даже ничего... – смерила меня каким-то серьезным и заинтересованным взглядом, чем заставила нехило так прихуеть от детской борзости. – Ульяна я... – остановилась на моих глазах,

что-то возбужденно соображая.

Помедлив, обратилась к своему брату, закладывая ручки в карманы своего комбинезона, довольно неплохого по нашим меркам.

– Максюша, давай его заберем к нам жить. Ты уговоришь папку? А то он после нашего последнего собрания у подъезда с бабой Нюрой все еще на меня злится.

Губы непроизвольно задрожали и расплылись в широкую улыбку. Мать твою, когда я вообще последний раз улыбался так искренне?

– Ты кто, ребенок? И какого черта ты так визжишь на весь дом?

– Я так играю с братом, – невинно разулыбалась, демонстрируя свои уже частично потерянные молочные зубы, и кокетливо стрельнула в меня ярко-голубыми глазюками с изумрудным ободком по кайме.

– Во что? – ошарашенно мотнул головой, понимая, что эта девчонка ненормальная.

– Кто кого быстрее прикончит и отправит на тот свет, – досадливо высказался над нашими головами Максюша, который явно пришел в себя за время моего общения с мелкой.

– Пошли, будем чай с вареньем пить. Я, так и быть, налью тебе, – искусно сцапала меня за руку и потащила вглубь квартиры.

На секунду пересеклись обескураженными взглядами с ее братом, который, словив мое внимание на себе, кивнул го-

ловой, тоже приглашая внутрь.

– Заходи. Такой жест благотворительности у нее впервые можно наблюдать. Она, знаешь, какая жадная? – последнее пацан сказал с хищным оскалом и захлопнул входную дверь.

– А вот и нет! – взвизгнула маленькая коза и уперла кулачки в бока, мигом зверея.

– А вот и да! – перекиривлял ее Макс и получил в ответ от маленькой занозы язык.

– Он наговаривает на меня, – переключилась на меня и растянула губки бантиком в очаровательной улыбке, возвращая себе маску ангела. – Он сейчас про безмозглую Полинку говорит, которая постоянно отбирала мои игрушки. Конечно я жмотила, но только чтобы к концу прогулки досчитать-ся всех своих кукол.

– Чай давай обещанный, – сунул руки в карманы трико и чуть не заржал в голос, глядя в эти честные округлившиеся глаза, оправдывающиеся передо мной.

– Иду, иду, – спохватилась и кинулась в кухню, как примерная хозяйка, размахивая ручками, словно птичка крыльями.

Стоило ребенку скрыться, как мы с Максом по команде согнулись и тихо заржали.

– Теперь ты понимаешь, что эту ненормальную невозможно заткнуть, если она того не хочет?

– Примерно начал догадываться, – искренне давился смехом.

Выпрямился и обвел взглядом светлый коридор новопривыкших соседей и уголок комнаты, где стояла темная, сверкающе-лакированная стенка с телевизором и большое объемное зеркало с деревянной витиеватой огранкой.

Удивленно присвистнул, сравнивая в уме свою невзрачную нору и хату жильцов.

– А че ты хотел? Родаки цеховики* (подпольный предприниматель в СССР). Да и отчим часто мотается за кордон, – привлек мой удивленный взгляд пацан. – Ну я думаю, ты не побежишь докладывать? Не сильно-то ты смахиваешь на терпилу, – безразлично передернул он плечами. – Хотя мне по большому счету плевать, – отмахнулся Макс. – Я – Кот. Котов. Будем знакомы, сосед, – вытянул он руку для рукопожатия.

– Будем. Я – Денис. Можно просто Туман, – изучающе взглядывался в него, отвечая ему на знакомство.

– Откуда ты? С пятого или третьего?

– Пятый.

– А ты тоже не славишься тишиной. На чем ты брынчишь все время? – скривился пацан.

– Угораешь? – меня всего перекосило. – Это мой недоразвитый брат-музыкант.

Макс загоготал в голос, призвав свою сумасшедшую сестричку.

– Максюша, что у вас там? Максюша?! У меня все готово! – прибежала к нам егоза, но на этот раз она не останови-

лась и влетела в меня, повиснув на моей ноге.

– Тише ты, убьешься, – инстинктивно сжал ее хрупкое плечико и невольно перешел к пшеничным мягким волосикам, накручивая кудряшку на палец.

– Пойдем, буду тебя угощать и чаем поить.

– Ну пошли, – беззаботно фыркнул.

– А как тебя звать?

– Денис, – стоило мне ей ответить, как она пару раз беззвучно повторила мое имя одними губами.

Ждал, когда она с меня слезет, но ребенок крепко обнимал мою ногу и со вскинутой головой любопытно с каким-то детским восхищением всматривался в меня.

– Липучка, отвали от него. Тебе только исполнилось пять лет, а ты уже начала маньячить, – Макс легонько дернул ее за волосы, но она не глядя на него отбилась рукой.

– Не мешай мне знакомиться с моим будущим мужем.

Ее брат обалдевши застыл, я поперхнулся и закашлялся, а девчонка скромно захихикала.

– Ой, я сболтнула вслух, да? – показательно прижала пальчики к губам и вновь вцепилась в мою штанину.

– Ладно, пойдем, Прищепка... – отчего-то сконфуженно буркнул и, схватив ее в свои руки, подбросил вверх.

1989 год. Основные действия.

– Туманов?! – пробасила классный руководитель, заставив своим голосом прийти в чувство и отогнать накатившее воспоминание.

Елена Дмитриевна распахнула передо мной дверь директора и довольно блеснула глазами, надеясь, что там во мне вызовут острый приступ совести.

Да только не было ее никогда и в помине. Ни чувств, ни совести, ни морали. Одним словом – мразь в людском обличье.

Проходя мимо учителя, рывком дернулся на нее, чем нехило испугал классуху. Подзатыльник придал мне больше скорости для того, чтобы залететь в карцер для бесполезных пыток.

Все одно и то же по кругу...

Глава 3

Денис. Основные действия. Конец 1989 года.

– Скоты! – бушевал подвыпивший батя за кухонным столом в кругу нашей семьи.

Я скучающе с безразличием всматривался в окно, отрешенно наблюдая за тем, как ночное зимнее небо орошало снегом город и шапкой окутывало ветви и стволы елей.

– Андрей... Что ж теперь? – испуганная матушка медленно осела на выдвинутую между отцом и Никитосом табуретку.

– Что-что, Надька? Обычным рядовым стану, – громко бахнул об стол стеклянной бутылкой водяры с красно-белой этикеткой, название которой гласило «Русская». – А полковника ВДВ больше не существует. Расформировали бригады,

сократили и отправили, как это принято говорить, в отставку, но только для того, чтобы протолкнуть своего человечка. Короче, отправили на вольные хлеба. Как будто я до этого у них катался как сыр в масле. Мало того, что год назад – в восемьдесят восьмом – сняли гриф с секретной уголовно-правовой статистики, и каждый теперь может купить себе огнестрел, так еще и расформировали. Да что я говорю... Это еще не предел. И за армию скоро возьмутся... Тупоголовое стадо.

Сморгнул сгустившийся мрак в глазах и, зажмурившись, утомленно потер переносицу. Нутро жутко полыхало от изнуряющей агонии, отдавая разрядом иголок от затылка до копчика. Не из-за бати или несправедливости, а элементарно от вонючей жопы, из которой не можешь изо дня в день высунуть свою башку. Родился в дерьме и, похоже, подохну в нем же.

Откинулся на деревянную спинку стула, наталкиваясь на коренастого крупного мужика с военной выправкой и невыносимо-жестким характером. Высокий лоб, острые выделяющиеся скулы, прямой нос, тонкие губы, в которые уже нервозно заложена папироса, и от природы кучерявые смолянистые волосы, сбритые под единицу. У нас с ним что волосы, что цвета ореха глаза идентичны друг другу, и, казалось, на этом наше с ним сходство заканчивалось... Ну, может, еще тело, поскольку в свои почти пятнадцать лет я довольно рослый и крепкого телосложения. А в остальном – два абсолют-

но непохожих человека, совершенно по-разному смотрящих на этот мир и людей.

– Пускай катятся к едрене фене, – взбешенно пробормотал он, прикуривая спичинкой приму.

– Хорошо, что хоть успели переехать из общаги в квартиру, – потерянно прошептала мать. – Если бы не твоя работа...

Отец с запозданием глубоко втянулся и, вытащив папиросу, махнул целую рюмку водки, с горечью в глазах заливая ее в глотку. Занюхал черным хлебом и откусил соленый огурец, нападая на каждодневно-тошнотворные макароны.

– А что теперь будет с моей музыкалкой? – ожил Никитос, опасаясь очевидного.

– Скажи мне, ты баран? – спокойно обратился к этому недоразвитому, переводя на него бесцветный взгляд.

– А ну, ца! – гаркнул отец и разъяренно ударил пятерней по столу, заставив подпрыгнуть не только посуду на ровной поверхности, но и родительницу с братцем-кроликом.

– Андрей, у тебя сердце! – тут же вклинилась наивная матушка, думая, что незаметно отодвигает подальше от бати пустую рюмку.

– А еще ты! – он возмущенно уставился на меня. Глаза напротив дурные, бешеные. – Все никак не успокоишься, Денис? Скажи, мне тебя нужно так же пиздить ремнем, как отчим твоего закадычного дружка. А?

– Андрей, прошу, не выражайся. Давай поспокойнее, – с

мольбой схватила батю за плечо наша жалостливая мать.

– Не лезь! – яростно приструнил ее одним суровым взглядом. – Опять в школу вызывает директор? – он снова вернулся ко мне. – У меня сейчас будет больше времени. Я за тебя возьмусь, так и знай. Прихерел ты, сыночек! Хочешь вылететь из школы, не получив аттестат? Ты там всем осточертел! – сцепляет до скрежета квадратную челюсть.

Полоснул его острым взглядом, вмиг набычившись. Исподлобья взирал на него, подавшись ближе к столу. Показательно схватил ложку и задумчиво со звоном кинул ее обратно, в тарелку с макаронным говном, мерзко растягивая свою лыбу. Сознание упорно нашептывало уgomониться, заткнуться, не связываться с ним, чтобы не расхуярить с ним снова полквартиры, но прокатывающаяся внутри башки лава, сжигающая наэлектризованные порванные нервы, совершенно не давала взять себя в руки.

– На малолетку захотел? Думаю, с таким характером и поведением осталось недолго! – батя прогнозировал мое будущее и взывал к моей разумности.

– Ой, завязывай, а! – скривился и со скрипом отодвинулся от стола, проезжаясь ножками по покрашенному вздувшемуся дВП.

Допек! Еще пару секунд этой шарманки, и дело труба. Надо валить, нахрен. Иначе, если заговорю я, то на выражения не поскоплюсь.

– Ты мне поговори еще! – гавкнул на всю хату и отбросил

от себя тарелку со жарочкой, грозно упираясь мощными лапами в край стола под огорченный вздох матери и под понурый хлебальник брата.

Матушке в ходе последних событий было жаль отца, но и больно смотреть на наши с ним не сложившиеся с самого детства отношения. Мы с батей как кошка с собакой. Иногда мне кажется, что я вообще не из этой семьи. Другой я. Ни на кого из них не похожий. Как гласят в народе: в семье не без урода. Вот это обо мне. Не было бы меня рядом с ними, жизнь у них стала бы намного легче и проще.

– Мне плевать, кто и что про меня говорит, – заговорил с ними, поднявшись с места. – Меня в себе все вполне устраивает, – подался к ним корпусом, твердо чеканя слова. – И мне безразлично, как вы к этому относитесь. Я такой, какой есть. Нравится? Рад за вас! Нет? На нет и суда нет. Что ж... Можем жить, как соседи! – паскудно усмехнулся, награждая охеревших родичей гнусным взглядом.

– Ах ты ще-е-но-о-ок! – воинственно и медленно начал подниматься с места отец со стеклянными глазами, в которых разнообразными эмоциями играл хмель. – Плевать ему? Соседи? – хватает тарелку и поспешно кидает в меня, но я, успев дернуться, увернулся от фашисткой гранаты.

Развеселившись, смотрел на осколки, которые россыпью валялись возле моих ног.

– Легче, батя? – лукаво скосил на него смеющиеся глаза.

– Денис, прошу, не накаляй и без того гнетущую атмосфe-

ру, – взмолилась мама со стоящими в глазах слезами и схватила своего мужа, отрезая ему путь до меня.

– Так не лезьте. И будете жить спокойно!

– Это угрозы пошли? – родитель взметнул кустистую широкою бровь на лоб.

– Что ты делаешь? – развернулась ко мне женщина и смерила меня растерянным неузнаваемым взглядом. – Ты хочешь разрушить себе жизнь? – непонимающе пожала плечами и развела руками. – Мы разве тебе желаем плохого? Почему ты всегда думаешь, что мы тебя как-то хотим задеть, уколоть, сделать больно?

– А она есть? – мигом отреагировал на ее святое и никому не нужное назидание. – Жизнь, мам? Есть? Что в ней хорошего? Перебиваться с копейки на копейку? Давиться одним и тем же? – кивнул им на стол, где стояла кастрюля макарон, консерва, нарезка черного хлеба, банка соленых огурцов, пустой горький чай и водка. – С трудом добывать хавчик, – имел в виду очереди, дефицит и то, что нам, людям, как скотам приходится воровато тащить из-под полы, если хочешь нормально пожрать, и то, если на это наскребешь бабки. – Таскать на себе поношенные или на размер меньше обноски, которые вы оба приносите нам, – безжалостно хлестал их словами, даже не подумав остановиться, когда у матери из янтарных глаз градом потекли слезы.

Врезался в отцовское вскипевшее лицо, окрасившееся в красный цвет, на котором яростно трепетали крылья носа.

– Воспитывать решил? А не поздновато, а? Тебя твоя служба всю жизнь волновала. Только ей ты по итогу даром не сдался. Вышвырнули на помойку, благорассудно позабыв о тебе. А теперь вспомнил о воспитании своих детей? Вон, – повел головой в сторону хлюпика нашего, – его лучше воспитай как мужика. А то всю дорогу под маминой юбочкой. Скрипочки, музыка, шопен, мопен, сраный артист со смычком в заднице. Хорошее воспитание сделает хорошего человека, папочка, – весело разулыбался, прямо намекая, где зарыт топор.

– Ишь, как заговорил, – рухнул на табуретку батя, вызывая из-под нее жалобный скрип. – Слыхала, мать? Херовые мы с тобой. Пахали для них как рабы, выбивали последнее, и херовые, – с долей иронии перевел внимание на изумленную, качающуюся на месте родительницу.

– Да не в этом суть, – ухмыльнулся и с налетом небрежности устало провел ладонью по лбу, смахивая чуть кудрявую отросшую челку. – Просто мелко вы плаваете. А я так жить не хочу. Не устраивает меня барахтаться в этом дерьме и убожестве.

– Убожестве? – с желчью в голосе переспросил отец. – Это ты еще не познал жопу мира. И я бы тебя сейчас с удовольствием туда носом макнул, щенок неблагодарный! – подавил забористые маты, пронзительно всматриваясь в меня. – У своего отожравшегося дружка этого нахватался? – презрительно стреляет глазами вниз, имея в виду Котова.

Сверкнул на него теменью своего взгляда.

– Я поэтому с тобой и стараюсь не то, что не пересекаться, а вообще разговоры не заводить. Мы полярно разные с тобой люди, па-па, – колко выделил последнее слово. – И никогда друг друга не поймем.

– Закрой свой ро-о-от! – буйно взревел. – Ты дорости сначала до моего возраста. Роди и подними своих детей, а потом я на тебя погляжу и с удовольствием послушаю! А сейчас я вижу только малолетнего утырка без мозгов, который верно и целенаправленно прет не по той дорожке. Узкая тропинка, ведущая на кичу, дорогой мой. Путь, граничащий с уголовкой. А в моем доме басоте и беспредельщику, не видящему границ, места НЕТ! Пойдешь прямиком вон из дома! Ты понял меня? – пробасил и подался ко мне, ядовито прищурираясь.

– Ну если нужно будет, то перекантуюсь как-нибудь и где-нибудь, – не остался в долгу и оскорбительно подмигнул ему, приводя его в еще большее бешенство.

Мама с Никитой примерзли к местам и с опущенными головами сидели, не двигаясь. Казалось даже, что старались не дышать и не дай бог издать незначительный звук, ощущая витающую в сгустившемся воздухе нашу рубящую энергетику.

– Пшел с моих глаз! – в отвращении разочарованно скривился, отдавая приказ, словно я один из его бывших подчиненных.

А я и так уже был на низком старте.

– Кланяться не буду. С превеликим удовольствием покину вас, мое идеальное семейство, – уже выходя из кухни, бросал им фразочки с подковыркой.

– Сучоныш! – догнал меня врезавшийся в спину острый нож отца в виде его высокопарных ласкательных слов.

И я люблю тебя, папочка.

Оскалился и, не задерживаясь дома, в коридоре начал натягивать на себя обувь и куртку, желая поскорее свалить отсюда.

– Ну куда ты на ночь глядя, Денис? – сходу влетела в меня мать. – Вы же еще хуже завтра сцепитесь. Ну прошу тебя, – мама трогала меня теплыми ладонями за щеки и пыталась поцеловать, но я вывернулся из ее хватки и развернулся к ней спиной.

– Не жди. Через пару часов буду, – залез в карман куртки, нащупывая бумажку.

Ухмыльнулся подрагивающим краешком губ.

– На, – вытянул червонец Воскресенского и протянул опешившей матушке.

– Что это? Откуда? – впилась округлившимися глазами в потертую купюру.

– Это не так много. Бери, – сунул ей в руку и резко дернул дверь, заранее открыв железный засов замка.

– Господи-и, – болезненно зашептала она пересохшими губами. – Только не кража, я тебя молю. Что же будет потом?

Что ты творишь! – шустро просочилась между мной и входной дверью, хватая меня за полы куртки.

– Надя, пусть катится к черту! – крикнул отец из кухни. – Отпусти его!

– Отец прав, мам, – хмыкнул и резко вырвался из ее рук, молниеносно кинувшись вниз по лестнице до третьего этажа.

– Денис! – рывкнула она.

– Ма, не переживай. Пара часов, и я приду. Дай выдохнуть, – беззаботно обрубил, фальшиво смеясь.

Затихла, а спустя мгновение дверь нашей квартиры хлопнула, оповещая, что в подъезде я остался один.

Поднялся на пролет выше, стучась к Коту.

– Ты время видел? – задал интересующий вопрос сонный Макс, когда распахнул настежь дверь.

– Собирайся. Есть идея.

– Давай завтра, – прислонился он лбом к косяку и умоляюще взвыл.

– Я сказал, сейчас. Это и в твоих интересах. Тема есть.

– Ладно, – помедлив, согласился и сильнее закутался в одеяло. – Зайдешь?

– Нет. Жду тебя внизу, – кинул ему с лестничного пролета и начал собирать в одну кучу пришедшие в башку мысли.

В принципе, если все сделать с умом, то можно подзаработать.

Глава 4

Конец 1989 года. Денис.

– Туман, ты сейчас мне это на серьезе загоняешь? – последние пару минут душил Макс, основательно присев мне на уши.

Я стоял с запрокинутой головой в тусклом свете городских фонарей и одним прищуренным глазом вглядывался в ночной мрачный небосвод, с которого сыпались крупные хлопья слепящего снега.

– Кот, если ты ждешь, что я тебя начну убеждать в чем-то, то ты крупно заблуждаешься. Я тебе уже все сказал, – безучастно отреагировав на реплику друга, опустил голову и спокойно на него посмотрел.

Макс понуро снял с себя шапку и, озабоченно погрузившись в смятенные раздумья, почесал затылок.

– Давай по чесноку, Туман? – его вкрадчивый голос просочился в башку, пытаясь прикрутить мои поехавшие по его мнению винтики. – Эта глубина настолько коварна, что ты не заметишь, как погрязнешь в клубке хитросплетения. Увязнешь. Не придашь значения тому, как тебя уже засосет, – взирал на меня сквозь налившийся жидкий свинец своих беспокойных глаз Кот, разводя демагогию.

– А может, я именно этого и хочу? – ощерил в отвратном оскале зубы и перевел внимание на запорошенную грязным снегом нечищеную дорогу. – Ты не задумывался об этом? –

без особого энтузиазма озвучил истину вслух.

На короткое время замолкли и начали играть в молчанку. Дал ему право выбора и возможность осмыслить мои слова и предложение, которое несет за плечами нешуточный риск и может привести к масштабным последствиям в жизни. Но глядя на Макса понимал, что ему требуются необходимые слова от меня, а я ни лживых гарантий давать, ни пуха накладывать, чтоб его умаслить, категорически не собирался. Пусть пацан сам протаптывает свою дорожку. Осознанное решение он должен сделать самостоятельно.

Меня же в данный момент все устраивало и наполняла холодная пустота, граничащая с витающей невесомостью в каждой клетке умерщвленного нутра. Безразличие долбит в висках и затылке, прокатываясь опоясывающей пульсацией вокруг сокращающегося сердца.

Я точно знаю, чего хочу от жизни. И я это любыми путями получу. Но если я твердо уверен в своем суждении, выборе, последующих действиях, то Кот же стоит передо мной на измене и не знает, куда от меня спрятать неуверенный взгляд.

– Туман, это уже совсем другой уровень. Одно дело – трести напыщенных упырей, и совсем другое... ну вот так, – развел он руками и, не сдержавшись, резко со злостью обратно натянул пидорку до глаз.

Сейчас в нашем с ним разговоре имеет место быть выражение «сытый голодного никогда не поймет».

Мгновение, и я растянул ленивую улыбку, приводя друга

в недоуменное состояние.

– Значит так, Макс. Я отдаю отчет всему, что я тебе сказал. Решай сейчас. Ты либо в теме, либо разворачиваешься и пиздуешь домой. Я все пойму. На наше общение это никак не повлияет. Грызться из-за этого точно не будем. Я не баран и умом могу раскинуть, что на самом деле в бабках ты не нуждаешься, – после последнего высказывания он скривился и с горечью сплюнул на тротуар. – Для тебя, как правило, все наши телодвижения являются не более чем сплошной игрой, – крылья носа друга возмущенно раздулись, щеки отчетливо покраснели, только не понять – это из-за режущего насквозь мороза или моих правдивых слов. – Но если ты вдруг наебешь и дашь по газам во время дела, трухнешь и обосрешься, ебанешь мои задуманные планы, подведешь меня под черту – я не посмотрю на нашу дружбу и не церемонясь снесу тебе башку. Так и знай, – честно, как есть, сказал в упор в его шальные глаза, в которых вспыхнувший от злости сапфир затопил всю радужку. Слышал, как из-за моей прямолинейности в его репе затрещал пожар, полыхающий черными ядовитыми языками пламени.

– Туман, тормозни! Вот че ты сейчас накаляешь? – грубым хватом дернул мое плечо на себя. – Че с твоей кукушкой? Какие игры? Ты же знаешь, какие у меня отношения с отчимом! В курсах, что я по возможности стараюсь зеленеть у него вообще не брать. Значит, так думаешь обо мне, да? Считаешь, что я с тобой от безделья трясу чучел с бумажка-

ми?

– До тебя дошел мой посыл, – хмыкнул в ответ на его негодующий взгляд и без усилий высвободился из захвата.

Я знал, что он не спасует, так же как и знал, что он не трусливый слабак. Но Макс довольно импульсивен в своих решениях. После содеянного он может крупно об этом пожалеть. Если сравнивать нас двоих, то в рациональности первенство займет он.

Поднимаю выжидающий взгляд на Кота и получаю взамен безмолвное согласие в льдистых глазах.

– Ну? – качнулся он на пятках и, запрокинув голову к небу, медленно выдохнул струю пара изо рта.

– Баранки гну, – подыбал насмешливо, но сразу перешел на суровый тон. – Ты прикрываешь тыл. Не отсвечиваешь, не озираешься! Дернем через панельки домов и встретимся на нашем школьном стадионе.

– Мы не вместе, что ли, будем? – непонимающе нахмурился Кот.

– Нет, – отрицательно мотнул башкой. – Разделимся. Чухаем и во дворах разбиваем сходняк. Это на случай, если он быстро врубится и рванет за нами. Рискованно на пару гнать. Лучше перестрахуемся. Усек? – подогнул колени, заглядывая в его склонившуюся вниз мрачную рожу.

– Ты потом... – исподлобья смерил меня пытливым взором.

– Мне кажется, с этим вопросом ты не ко мне, Кот, – раз-

гадав на раз, какой посыл несет друг. – Я никогда не смотрел в глаза своей совести. В этом наша с тобой разница. Я еще раз повторю: сейчас ты еще можешь отказаться, если не уверен, не хочешь, – но последние слова я уже кидал ему в спину. Макс развернулся, пропуская разговор мимо ушей, и попер в сторону палисадника, располагающегося под хрущевкой. Под ковром снега схватил примеченный обломок кирпича и заложил себе в карман короткой куртки.

– Зачем?

– Проломить, если потребуется, котел. Откуда я знаю, может, нам попадетя спринтер, – вернул себе в голос былой юмор, но голубые глаза оставались серьезными. – Туман, выхлоп то будет от этого?

– Обижа-а-аешь... – вытащил из куртки шарф и приступил перетягивать пол своего лица до глаз. – В нашем случае, а тем более в моем положении, на горизонте маячат баснословные бабки, – Макс последовал моему примеру и тоже с ответственностью подошел к конспирации. – А вообще, не дело, Кот, – открыто развеселился я, прокалывая губы об мохеровый черный шарф. – У кого родители спекулянты? Должен знать, что мех – это своеобразная валюта, на которую можно приобрести как деньги, так и продукты.

– Я в их дела носа не кажу. Но знаю одного перекупщика, – исподлобья подмигнул мне с гнусной усмешкой на губах. – Если все срастется, то фарш*(наличность) получим уже завтра, – последний раз кинул на меня серьезный взгляд и за-

стыл так на мгновение. Глаза в глаза, готовясь именно сегодня впервые перейти ту допустимую для нормального человека грань.

Подозрение холодными щупальцами касалось сознания и нашептывало, что сейчас мы с Котовым переступим точку невозврата и отправимся стрелой по роковой судьбоносной, затягивающей в пучину грязи воронке нашей жизни.

– Нус-с-с... – прищурился Макс. – С твоей легкой руки? – и я был уверен, что он в данный миг, как и я, давит в томительном предвкушении лыбу.

Всё... Вот теперь и он окончательно сорвал все тормоза. Ждет только мой ход.

– Ты все запомнил? Идем позади. Своей рожей не светишь. Ты отвлекаешь, я сдираю, и ломимся что есть силы. Я буду ждать тебя на стадионе. Кот? – последнее рывкнул ему, глядя в застывшие стеклянные глаза. – Слушай и запоминай! Хватит ебалом торговать! Затеряешься между домами во дворах. Освещения там толком нет.

– Да понял! – кивнул, иронично закатывая глаза. – Погна-ли!

Одновременно сорвались с места, а уже через час вели с железнодорожного вокзала примеченного лоха. Только стоило нам скрыться от людного вокзала и ступить на опустевшую улицу, переглянувшись с Котом и молча выставил перед ним указательный палец. Раз. Второй, и секундная безмолвная пауза для того, чтобы еще раз пронизывающим взглядом

пообещать, что будет, если он оступится. Два. Третий выставленный палец, означающий команду «начали», и мы оба с ним тут же резко срываемся с места. Макс напустился на фраера, сходу со всей дури сбивая пижона с ног в сугроб на край дороги, а я тотчас ловко, параллельно действиям друга, срываю с эскимоса черную блестящую меховую шапку под жалящие сознание догадки.

Синхронная и слаженная работа, как и молниеносный побег без секунды задержки. Как я и думал, лох в полнейшей неосознанке происходящего. Наша внезапность и его обескураженность от шока.

В глазах вяжет такой сладкий триумфальный дурман, затуманивая рассудок. Тело прошивает электричеством адреналина в сумасшедше бахающем ритме сердца, перетекающим тягучей истомой в сгустившейся крови. Я чувал, как мозг постепенно переходил в состояние анабиоза, впадая в спячку от эйфории. Планку начало срывать от наполняющего кайфа, и я, не теряя ни секунды, глянул на бегущего рядом Макса.

– Расход, – задыхаясь, дал указание и стянул с себя шарф.

Кот кивнул мне, и тут в кои-то веки в мертвой тишине разразился штормовой вопль наебанного рыла:

– Черти проклятушие! Да я! Да я! Да я вас сейчас кастрирую, сучьи малолетки! – взъяренно надрывался в неистовом крике на всю округу мужик и дернул за нами.

Мы с Максом разделились и бежали без оглядки, как я и

сказал, через панельки старых хрущевок, забегая в темные дворы, где ночью просыпался беспредел и без труда можно было скрыться под покровом беспросветного мрака.

На автомате несся сломя голову, рассекая морозный ветер, и наслаждался тяжелым переливом прокатывающегося эха наживы внутри. И это было для меня как глоток свежего воздуха в душной, с ума сводящей атмосфере всех моих лет. Я переродился... Я наконец-то ощутил вкус настоящей, наполненной яркими, а не убогими, красками жизни...

Жи-и-и-изнь! Я до кровавых слюней жажду большего. И мне глубоко насрать, что по праву мне это совсем не принадлежит. Значит, присвоим. Значит, без труда сделаем своим. Можно вечно ждать у моря попутного ветра, несущего гроши, которые выеденного яйца не стоят.

– Оторвались! – через полчаса на стадионе ко мне подлетел запыхавшийся и смеющийся Макс. – Ту-у-ума-ан! Ма-а-ать твою! Это же норка! – сцапал он шапку и с подернутой дымкой восторга в глазах начал крутить мех в своих лаптях.

– Ага. Я сразу просек, как только снял. Ништяк. Почти целочка. Нулевая. Глянь, сука, как блестит, – восхитившись, удовлетворенно провел рукой по ней. – Узнай у своего перекупщика, если есть маза, скинем завтра по вечеру ему. Если обломает, значит, через пару недель толкнем ее на другом конце города.

– Во мы с тобой лапы погре-ем, – присвистнул Кот и, от радости ударив меня в плечо, схватил за шею.

– Все, по домам, – без выражения бросил, чуя, что не насытился. Яркие эмоции пошли на сход, оставляя после себя опустошающее послевкусие. Ощущения, походившие на дозу героина, после которой уже не в силах вернуться к прежней жизни. – Я и так перед уходом со своим пересрался. Не хочу завтра весь день выслушивать его нравоучительный треп, – скривился. – Начальник хуев, – бесцветно высказался под громкий гогот друга.

Оказавшись через незначительное время в халупе, которая приходилась мне домом, услышал в коридоре из комнаты родаков их огорченно-убитые голоса.

– Андрей... Я вот думаю попробовать устроиться в ларек. Какую-никакую мелочь домой смогу приносить, да и к основному заработку хоть какая-то прибавка, – со скорбью в тонком голоске прошептала мать, обратившись к отцу.

– Ты с ума сошла? Где видано, чтобы учитель музыки был торгашом? Ты мне это брось, Надежда... – после слов бати я скверно усмехнулся, неприятным взглядом всматриваясь в себя через высокое зеркало трюмо. – Я завтра пойду на поиски работы. Ничего, вытянем. Летом дача, – отец имел в виду нашу развалину за городом. – Огород. Да и фрукты с овощами можно поменять на молоко, сметану, яйца. Помотаюсь в близстоящую деревеньку. И рыбалка нас порадует. Ну все-все, тише, – зашептал отец, когда мать тихонечко сдавленно завыла. – Справимся. Я обязательно что-нибудь придумаю.

Жестко сцепляя челюсти до зубной боли, играл желвака-

ми и омерзительно щурил глаза, которые застирала изморозь, отдаваясь в мозгах хрустом.

Справимся... Занимательное выражение.

Будем из года в год тянуть ляжку и выживать. Пропадите вы пропадом со своей безукоризненной честностью и справедливостью. Вы живите по своим устаревшим и никому не нужным устоям, а я буду следовать своему зову судьбы.

Глава 5

Основные действия. Начало 1990 года. Денису 15 лет.

Февраль месяц. Вечер. Вблизи панельные дома, серые окраины и ничем не примечательные дворы. Безликие, погруженные в насущные проблемы прохожие без конца торопливо снуют туда-сюда по запорошенной снегом аллее. Холодный сумрак сгущается над городом, наводя внутри неприятную смуту. Но я вот уже битый час продолжаю подпирать плечом металлический лист ограды в слепом закоулке и разводить в башке паралитический дурман для того, чтоб осуществить свой рискованный, но беспроектный замысел.

Задумчиво дунул на тлеющий кончик сигареты и, прищурившись, поднял выше воротник куцей куртки, чтоб закрыться от пронизывающего ледяного ветра.

– Ццц... – недовольно прищелкнул языком и сделал затяжку, ощущая, как начинаю раздражаться и приближаться к своей точке кипения. А мне сейчас как никогда нужно

быть спокойным, собранным и по максимуму ко всему внимательным.

В очередной раз выглянул из-за угла, одновременно поправляя припрятанный за пазухой веселый подарочек для нового знакомого, и стремительно пробежался глазами по первым встречным, пытаясь из их числа выделить нужную мне морду. И словно по щелчку, подсознательно среагировав на приближение материализовавшегося откуда ни возьмись образины, обернулся в абсолютно противоположную сторону и цепким прищуром выловил ценного кадра.

Облегченно усмехнулся уголком рта, не выпуская двадцатилетнего пацана из виду, и щелчком пальцев отшвырнул в сторону выкуренную сигарету. Запрокинул голову к затянутому северному небу, удовлетворенно наполняя легкие холодным воздухом.

А я ведь наобум поперся на то же место, где нас с Котом пару дней назад ебнули. Значит, все же чутье не подвело и олух не соврал, что это его район.

Погнали...

Опустил глаза, загоревшиеся ожиданием, которое пальной дымкой остро оседало внутри, тяжеля подогревающийся яд в венах, и увидел, как мордovorот вальяжной походкой на понтах уже заходил в безлюдный сквер протяженностью в несколько кварталов. Потерять его из виду было сродни катастрофе, поэтому недолго думая не спеша пошел за ним, выбивая из-под ботинок хруст снега, и с просветлевшим вы-

ражением лица начал перекатывать на языке несравненное чувство азарта между хищником и крысой.

Искушение, проехавшее по тебе и размазавшее катком. Соблазн, давший испытать опьяняющий вкус греха. Влечение, манящее к запретному, чужому, лучшему. Страсть... обжигающая страсть, возникающая после лишения невинности, не дает тебе спокойной жизни, побуждая раз за разом вновь перейти ту недозволенную грань и почувствовать себя свободным, наполненным, живым.

Та первая кража, совершенная на пару с Котовым, была не последней. После было не две и даже не десять. Раз в неделю, а то, бывало, и два, ночью мы с Максом орудовали в городе. Не на одном месте или на какой-то определенной территории, а по всему городу. Мы с Котом как ищейки вынюхивали фраеров, чтобы в определенное время посадить их на шишку. В ход пошли не только шапки, но и котлы, если попадалась на глаза стоящая вещь. Кот случайно прознал о своих выгодных навыках и распробовал новые грани. Этот черт ловко и незаметно сметает, как пылесос, все, что плохо и неровно лежит на поверхностях.

С каждым днем в груди искрило тепло, будоража психику ярко выраженными красками. С каждым разом разгоралось нешуточное пламя в солнечном сплетении, взрывая сознание все еще таившегося во мне адекватного человека. Я понимал, что остановиться уже тяжело. Но хотел ли я притормаживать? И всякий раз ответ для меня был очевиден.

Нет. Происходящее меня более чем устраивало. Мне нравился вкус бабок и вес в кармане. От своей жадности с брызгающей в стороны слюной я теперь уж точно не откажусь. Но к глубокой неприязни нам с Котовым после очередной кражи пару дней назад довелось налететь на шайку в районе, название которого было «Молодёжка».

– Тих... Тих! – внезапно из угла вынырнули четверо незнакомцев, когда мы бросились наутек от новоявленного наебанного лоха и резко ударили по ушам, оглушая нас с Максом. – Так-так-та-а-ак... А что это у нас? – один из них вырвал из моих рук ушанку. – Не порядо-о-к... На чужой территории работаем? – с деланным интересом разглядывал он приплывшую находку, пока я исподлобья с ненавистью вглядывался в каждого. – Вы ведь, ребятки, не местные? Дань старшим платить не хотим, но щипаем, да? Ну ничего, исправим! А если исправляться не захотим, то ломаем длинные ручки! – присел ко мне рослый ублюдок с крупным индобелем, откинув в лапы одному из своих людей шапку, и смерил брезгливым взглядом нас с притихшим Котом.

Еще одно отребье, решившее, что умные и сильные в этом городе только они. Дали нам срок, чтобы вернули им все причитающееся и еще накинули за нанесенный моральный ущерб сверху. Забрали все деньги, что были при нас, новую ушанку и личные котлы Макса, которые подарил отчим, купив их за границей. Уже оба знали, что пиздюлей он получит от него знатных. Его, казалось, больше всего перекоши-

ло от маячившей перспективы разборок с отчимом, чем от возникшего движняка, который приключился между нами и местной гопотой.

Они отправили нас со своим человеком, но мы знали, что еще один невидимо прется следом за нами на случай, если мы попытаемся дать по газам. Было бессмысленно срывать-ся, тогда-то я по дороге и придумал план, как все проверить, чтобы мы с Максом остались в плюсе. Ему ничего не сказал, не желая выслушивать нытье друга, а когда вчера после уроков возле школы заметил пасущегося знакомого гондона, только основательнее утвердился в своих намерениях. И фортуна мне подмигнула, давая зеленый свет и подстилая мне мягкую дорожку как никогда вовремя. Чмошник, который общался со мной в тот вечер, был без своих шавок, и сейчас-то мы спокойно могли побазарить один на один.

Воровато оглянулся по сторонам, сконцентрированно анализируя обстановку рядом с нами. Парк, темное время суток и ни единой души.

В цвет...

Размял шею и, прикрыв глаза, запустил в легкие побольше воздуха. Секунда, чтоб собраться, и протяжный свист, подзывающий пассажира, который по моей задумке сегодня отправится на лечебный курорт.

Остановился. Оглянулся и опешил, прирастая ногами к земле.

Не ожидал?

С непроницаемым лицом спокойно усмехнулся и медленно приблизился к нему, буравя взглядом.

– Ты че, псина шушерская, следишь за мной? – с прокуранным рыком словесно накинулся на меня, стоило ему очухаться и раскинуть умом.

– Я деньги тебе принес, – негромко отозвался, все еще на-двигаясь на быка, в глазах которого вспыхнул алчный интерес, переплетенный на пару с пренебрежением. Тонущее от-вращение в черных зрачках и в резких чертах худого лица, подтверждающее, что они наткнулись на трусливых пресмы-кающих. Вовремя сорвали джекпот с тупорылых дятлов, не заслуживающих какого-либо внимания.

Сделал последний шаг и остановился рядом с ним, скло-няя голову к плечу, чтоб изучающе впитаться в него. Он был на полторы головы выше меня, но без своих пацанов казал-ся уже не таким борзым и охувшим, хотя наша разница в возрасте давала ему ложное предположение, что эту игру все еще ведет он.

Ошибочное мнение и неверный последующий ход. Нико-гда нельзя терять бдительность и расслабляться, раз ты вы-брал путь вышибалы.

– Все принес? – забегал по моим карманам глазами и на-хмурился, вернув внимание к моему безэмоциональному ли-цу и пристальному взгляду с расширенными смеющимися глазами.

– Ну как и договаривались, – безразлично передернул пле-

чами, поведя подбородком в сторону, будто сильнее вдыхаю морозный воздух, но на самом деле готовясь к рывку.

– Быстрее давай, тормоз! Че тупишь? – заметно занервничал и оглянулся через плечо, тоже решив прочекерить местность.

– Даю, – бесцветно кидаю в обратку и резко из-за пазухи вытягиваю арматурный прут. Потребовалась доля секунды, чтобы вынуть, замахнуться и мочкануть по котелку.

Все произошло так молниеносно, что мне показалось, он даже не понял, что сейчас произошло на самом деле.

Крыска попалась в капкан... Ухмыльнулся, наблюдая за картинкой, как грызун зажал левую сторону головы и расфокусированным взглядом потерянно вращал в круговую шарами.

– Боря? – вспомнив, как кличала его подмога. – Вы не на тех налетели. Соболезную, приятель.

Но Боре, похоже, было не до меня...

Презрительно морщусь и с размаху наношу второй удар, в который вкладываю гораздо больше сил, чем в предыдущий. Брызги чужой теплой крови вспрыскивают мне лицо и окрашивают в красный цвет морду человека напротив.

Парень бессознательно всхлипнул и мешком свалился возле моих ног на ледяную аллею, на мгновение задерживая свое дыхание. Я склонил голову, не отрывая от него своего отчужденного стеклянного взгляда. Секунда, другая, и он учащенно задышал с открытым ртом, будто на последних

минутах своей никчемной жизни отчаянно вырывает для себя живительный кислород. Валяющееся обмякшее тело посреди пустынного сквера било разрядом судороги, заставляя его беспокойно вздрагивать, словно на него накатил неконтролируемый приступ эпилепсии.

Невозмутимо потянул уголки губ в равнодушной улыбке и присел к нему на корты, пытаясь словить его плавающий взгляд в полуприоткрытых замерзших глазах.

Я не питал фантазий на свой счет. Я не думал о себе лучше, чем или кем я являюсь на самом деле. С детства давал реальную оценку своей гнилой, безжалостной, злопамятной натуре. Вот и сейчас, никак внутри не реагируя на содеянное, бесстрастно вглядывался в него – окровавленного и задыхающегося.

Голодный волк всегда будет готов биться до последнего, если того потребуют обстоятельства. И никогда! Никогда и никто не сможет встать поперек его дороги без дальнейших последствий, которые несут за собой угрозу жизни. Не нужно забывать, что если хищник почуял опасность, то он вправе накинуться и разорвать падаль. Чтобы начали уважать, нужно вот таким умникам показывать, кто есть кто на самом деле, осаживать и указывать на их место. И когда я к нему шел сегодня, уже знал, что при любом раскладе доведу дело до конца, не дрогнув мыслью и рукой. Тут только одно правило, которое нужно огранкой выбить в башке и перед глазами: либо тебя нагнут раком и выебут в очко, делая петухом,

либо ты, не смотря на свои силы и ресурсы, положишь врага, не задумавшись кидаясь в бой на чистом адреналине. И тут уже как повезет... Кто бы или какой ни был твой противник, всегда нужно переть до конца и отстаивать себя. Даже если упал, даже если харкаешь кровью, даже если нечестно махался, ты обязан выгрызть авторитет и уважение к себе. Не всегда проигрыш будет означать поражение. Смотря как ты выйдешь из той или иной ситуации.

Эта блеющая сука и ее приспешники нас зауважают. Псы, не так давно вставшие на четыре лапы, пересрутся от беспредела, который могут творить малолетки. Страх – мощное чувство, завладевающее человеком и не дающее разумно соображать извилинами.

– Ты серьезно решил поебать нас в разных позах? – скорчив лицо, имел в виду их прессинг.

Боря скосил на меня посветлевшие отекишие глаза, при этом часто и хрипло дыша.

– Борис, предупрежу один раз, – взял его двумя пальцами за окровавленный подбородок, поворачивая к себе. – Сидите на жопе ровно и к нам не суйтесь. Иначе в следующий раз я уже не буду тебя жалеть и говорить, кстати, тоже. Я просто не остановлюсь и закончу начатое. А из твоей башки этим же прутом, – издевательски с холодной улыбкой на губах кручу арматуру перед его глазами, – сделаю отбивную или прозрачное сито с ма-а-а-аленькими дырочками, – сладко протянул и предвкушающе прикрыл глаза. – Поэтому, Боря, в

твоих же интересах сделать так, чтобы все обо всем забыли. А главное, о нас. Мы никогда с тобой не встречались, ты это уяснил? – ниже к нему наклонился и схватился за шею, перекрывая последний его кислород, чувствуя, как под рукой мощно отбивает пульс и хрустят шейные позвонки. – Молодца! – радостно воскликнул, как идиот, добившись утвердительно моргания и кивка. – Ну ладно... – обшарил его карманы на наличие и приватизировал завалявшееся, наверняка, ненужные ему купюры. – Я пойду, – поднялся на ноги и носком ботинка накиннул на его голову в крови горстку снежка. – Ты это... – большим пальцем прикоснулся к растянутой в полуулыбке нижней губе. – Не кашляй, что ли... – кратко хохотнул и пошел от него.

Еще и двух метров не прошел, как почувствовал, что стало намного легче дышать.

Ну что... можно снова возвращаться к работе...?

Засмеялся тихо в голос и наклонившись заграбастал в лапы снега, чтоб в следующий момент слепить снежок и довольно зашвырнуть в дерево.

Макс

– Что ты сказал? – не своим голосом завопил, обратившись к Туману, не боясь быть услышанным у себя дома.

Задыхался от гнева и смотрел на друга, силясь разобрать смысл его слов, а он как ни в чем не бывало скучающе вглядывался в окно и делал вид, что не замечает, как я весь изошелся на говно.

– Ты с первого раза разобрал, Кот, – тяжело выдохнул Дэн, на первых минутах разговора начиная уставать от меня. – Завязывай нить. Я поэтому тебя вчера и не позвал с собой, – сострыпал гримасу раздражения на своей роже и щелчком пальцев невзначай ударил по нашей с Улькой фотографии.

– Не нить? – поднял в очередной раз крик. – Туман, ты хоть осознаешь, что нахуевертил? Тебе живется скучно? Ну отдали бы мы бабки, и хай с ними. Но тебе, как я погляжу, захотелось еще и шоу с ментами в главной роли! На нары захотел? Только ты так и знай: я за тобой прицепом не чухну.

– Хватит галдеть! – лениво повернулся ко мне и сузил глаза, в которых клубились пугающие мысли.

А может, для людей подобного склада это пустяк? Ну вот так смотреть, что когда встречаешь его взгляд, понимаешь, что совсем там нет ничего хорошего.

– Перекрой свой понос и наконец-то врубай мозг, если он у тебя еще работает. Ты думаешь, если бы мы кинули им дань, то они бы просто так от нас отстали? Они бы качали нас каждый раз, когда им это вздумается. А у меня нет лишних бабок. Не обессудь, друг, но я и твою жопу прикрыл, – жестко отрезал и вновь отвернулся.

– Он мог подохнуть! Если, конечно, еще не сдох! – заявляю решительно.

– Ццц... – сокрушенно повесил голову Туман. – Да я та-а-ак... слегонца его обломал, – с задорным весельем в голосе отозвался Дэн, намекая, что он по большому счету срать на

него хотел.

Дежавю настигло меня в тысячный раз, нашептывая по нарастающей гулом в уши, что мой друг – больной отморозок на всю башку.

– А если он, как очухается, натравит на нас шайку своих опездолов? Ты хоть отправил...

– Ага, и дальше по тексту... – развернулся в сторону кухни и вскрывающе глянул на меня, силой мысли зашив мне рот.

– Нужно залечь на время... – пошел вслед за Туманом на кухню и обескураженно охреневал от его спокойствия, уравновешенности. Пацан, словно божий одуван, чуть ли не на свистывал себе под нос и наливал из самовара воду в маленькую кружку, размешивая в ней вишневое варенье, которое стояло на кухонном столе. Казалось, для него ничего стоящего не произошло, чтобы стоять на ушах, как, например, я в данный миг.

– Нет... – он отхлебнул морс и небрежно бахнул чашкой об стол. – Ты однобоко мыслишь, Кот. Мы будем и дальше заниматься тем же, чем и всегда.

– Ты понимаешь, что может...

– Я сказал, хватит! – рявкнул на меня, врезавшись взглядом исподлобья. – Ты думаешь, мы с тобой все время так бы втихую и воровали? – сжал кулак и уперся им в ровную поверхность стола. – Рано или поздно пришлось бы зажимать. И этот момент настал. Соберись, Макс, и соображай наконец-таки. Надо было проучить, чтобы неповадно было, чтоб

знали в лицо. Не только они! Слух после вчерашнего инцидента как пить дать пойдет. Надо, чтобы боялись. Знали, на что мы способны. Были уверены, что не спасуем. Подотри сопли и вливайся в новую среду обитания. Не устраивает? Я тебя не держу.

– Я с тобой, – сжал зубы и сощурился, приходя в бешенство от того, что Туман уже не впервой не уверен во мне. – Ничего не изменилось. Мы вместе начали и вместе закончим!

– А я заканчивать не собираюсь, Макс. В том-то и дело. Ты не понял еще, что ли? – склонил набок голову друг, пронзительно заглядывая мне в душу, нагоняя своим выражением глаз жуткий холод внутри.

– Я с тобой, – заторможенно повторил, словно язык примерз к небу.

– Знаешь, я даже рад, что так произошло, – со смешинками в карих глазах схватил кружку, выпивая остатки самодельного напитка. – Они навели меня на определенные мысли.

– Что ты имеешь в виду? – непонимающе нахмурился и прошел вглубь нашей кухни, падая плечом на стенку.

– Нужно собрать нормальных людей с района и школы. С Михасей можно перетереть и подтянуть к нам, – беззаботно улыбнулся друг, глядя на мой недоумевающий вид.

– Это тот, что боксер из параллели?

– Да.

– Для чего? – совсем растерялся я.

– Нужно расширяться... – время будто замерло, когда Туман растянул губы в безжизненной улыбке и медленно с паузой начал указательным пальцем отбивать по столу только ему понятный ритм.

А вскоре напряженные минуты тишины разбил громкий хлопок двери, оповещая, что мы с Дэном больше не одни в квартире.

– На-а-арод?! Привет! Я дома-а-а! – звонко рассмеялась сестра, звучно скидывая обувь в коридоре. – Ждали? Скучали? Ау-у-у-у? – взвыла на манер волка и, не выдержав, тихонько прыснула, заставив нас с Туманом искренне лукаво разулыбаться. – Ну где ж вы-ы? Что ж ребе-е-енка голодного не встречаем?

– Дома нет никого! – не удержавшись, по-мальчишески подколот несносную Ульянку.

– Ага, рассказывай! – с торжественным кличем, как у индейцев, забежала на кухню и так с открытым ртом и приподнятыми бровями и зависла, увидев тихо посмеивающегося Тумана.

Обреченно закатил глаза от ее привычки с раннего детства. Столько лет прошло, а она при встрече с Дэном так до сих пор и теряется. Ей как будто требовалась пара секунд осознать, что это не видение, а что ни на есть реальность.

– Привет, – произнес друг теплой интонацией, всякий раз заставляя удивляться его общению с моей сестрой.

И тут-то, всматриваясь в него, я понимаю, что он за все это время впервые расслабился, только когда к нам забежала Ульяна.

Сестра, похоже, очнувшись, кинулась к нему, забыв в принципе посмотреть на родного брата, а Туман, несколько не смущаясь, на ходу словил ее и закрутился вокруг своей оси, вызывая звонкий смех довольной девчонки.

– Приве-е-е-ет, – с придыханием сдавленно отозвалась она.

Я стоял, подпирая стену, и посмеивался над Денисом и Ульяной, но мысленно был далек от них и своей хаты. Меня не покидало сгрызающее чувство, что наша с Туманом жизнь теперь уже никогда не будет такой, как прежде.

Глава 6

Денис. 2 месяца спустя. Основные действия. 1990 год.

Тридцать подростков стояли на ухах и месили ногами грязь на опушке леса возле небольшого изогнутого озера, пока наша группировка забивала палками чужаков из другой. Фонило кровью, мочой, и исходил удушающий запах гнили от озерной воды. С разных участков поляны доносились выкрики моих людей, голоса, гневные рыки, а некоторые залетные свиньи в изнеможении от боли и ужаса откровенно панически визжали и ссались, не выдерживая свалившейся на их бошки чумы в виде нас.

Вскипевшая кровь давно ударила в голову, сердце сорвано в галоп, а пульсация в сбитых до мяса костяшках колола наслаждением нутро, стоило мне залететь в толпу и с забавой в глазах раствориться в ней дымкой.

– Ложи его нахуй! – доносятся до меня с ветром обрывки рева Михаси в тот момент, когда я озираюсь через плечо и резко ударяю в нос локтем левой руки шакала, который попытался сдавить мой корпус. Бык запрокидывает голову и зажмуривается из-за хлестнувшего ручья крови из своего шнобеля, а я, не теряя времени, разворачиваюсь и отрывисто бью ребром ладони в кадык второму муфлону, так удачно налетевшему на меня.

– Хуярь, сука! – орет Кот дурным голосом. – Цыган, позади! Руби до конца! – он с трудом обращается к нашему пацану из-за нехватки воздуха и времени, поскольку и на Максе повисли двое, атакуя ударами в голову и спину.

– Кот, вставай, блядь! – срываюсь на истошный крик, понимая, что если друг сейчас упадет, то его без сомнения затопчут. – Михася?! – лихо делаю подсечку гопнику, пытавшемуся выбить железным ломом меня из строя. Падаю в лужу, прищурившись от разлетевшихся грязных брызг, и правой ногой с земли подсекаю быдло, чтобы второй ногой ударить в коленную чашечку и рывком вырвать арматуру из его рук. – Помоги ему! – рычу Михе, когда поймали внимание друг друга.

И тут от одного мне со спины прилетает кулак в башку,

следом в ухо и таран ударов по ногам, чтоб свалился перед ним на колени, не успев толком подняться.

– Я тебя убью нахуй, Туман! – решил мне сообщить всем известную новость главарь своей «Одинецкой» группировки Бесо. – Крепко держите его! – сжал он меня, но только чтобы кинуть как трофей в лапы двум своим прибежавшим шестеркам и стремительно пинком ноги мощно выстрелить мне в район ребер.

Перед глазами густеет тьма, сворачиваясь в голове, и посылает заряды тока в солнечное сплетение, на мгновение лишая меня воздуха. Время будто застывает, в полной мере давая ощутить звон в ушах, металлическую горечь на языке и вкус жжения в груди, которое не дает мне сделать полноценный вдох, чтоб наполнить загоревшиеся легкие.

– Ну что? Смешно тебе, падаль? Восточный спуск – моя территория! Ты уяснил, уебок? – Бесо дернул мою башку на себя, и я в этот момент смачно харкаю ему в скорчившееся ебало, тем самым говоря, чтоб соснул хуйца.

– Ты даже вообразить себе не можешь, как мне весело! – засмеялся и вытер на разбитых губах кровь.

– Сука! Взрываем! – он отдал приказ своим шакалам и кинул меня в месиво лужи, выбивая телом чавканье воды.

На автомате цепляюсь разбитыми руками за его ноги и валю следом, но умом в этот момент соображаю, что от его псов сейчас прилетит град ударов, поэтому решаю схватить за грудки опешившего Бесо и прикрыть им свою голову.

– Туман, добивай! – выкрикнул Михася, и его подхватил Стриж:

– Мы тут! – пацаны налетели на тех двух быков, а я, усмехнувшись в глаза Бесо, подмигнул и уложил его лопатками на землю, перекатываясь с ним по грязи.

– Убьешь, говоришь? – одновременно с заданным вопросом глухо бью кулаком в кривой нос с горбинкой и под дых.

Вынул из кармана трико металлический кастет, крепко держа в руках вырывающегося из-под меня чмошника, поскольку он валялся между моих широко расставленных ног.

– Давай проверим? – испытующе врезался в него и расплылся в улыбке.

И понеслась...

– ААААА, – завизжал как последний вонючий поросенок, когда я безжалостно превращал его рыло в месиво и ломал ребра.

– Ну как тебе такая боль, Бесо? – без каких-либо эмоций удовлетворенно наблюдал за ним и систематически наносил удар за ударом, чередуя его рожу с корпусом.

Он уже начал отключаться, когда я засунул кастет обратно в карман и двумя большими пальцами надавил на его глаза.

– Просыпайся, скотинка, – засмеялся под его вскрик, так сильно граничащий с плачем, и мощнее надавил на глаза, вызывая из них кровь со слезами.

– Не-е-ет! Не-е-ет! А-а-а-а!! – захлебывался он кровью в глотке и дергался подо мной, словно в предсмертных муках,

пытаясь то лягнуть ногами, то слабо бить руками куда придется.

Подумаешь, ну потеряет зрение... Никто же еще от этого не умирал, – ржал про себя.

– Так и быть, живи, чучело, – плюнул ему в подобие рыла, пока он трогал глаза пальцами и рыдал как телка. – Восточка теперь явно моя территория, – блаженно потянув уголок губ, повернул голову в сторону и увидел, что пацанам требуется помощь.

Сорвался к ним и, залетев в толпу в прыжке вперед ногами, уже дрался рядом с Максом плечом к плечу. А повалив с ним двух собак, продолжили забивать их до обморочного состояния.

– Тварь! – разъяренно орал Кот наверняка из-за своей разбитой хари и ногой пинал того в живот, а я в голову, так, чтоб доступнее доходила информация о том, кто теперь хозяин их территории.

Но внезапно услышал позади сирену, а когда резко развернулся, разглядел вдалеке голубую волгу с мигалкой и захудалый экипаж ментов в уазике.

Корчу лицо и в следующий момент издаю протяжный свист, прокатившийся по поляне, чтоб привлечь внимание наших.

– Шухер, пацаны! – заорал во всю глотку. – Менты пожаловали. Горох! – глянул на Кота. – Расход. Домой первые пару часов не суйся.

Послал мне утвердительный кивок и ломанулся через густую растительность леса, как и наши пацаны. Я побежал вслед за ними только когда осмотрел местность на наличие наших вещей, но кто-то явно придумал иной план побега, решив задержать меня и самому пойти на риск, чтоб не угодить в ментовку.

– Думал, так легко отделался, Туман? – прошептал злобный голос с акцентом мне в ухо, когда я уже валялся на земле. Младший брат Бесо стопой толкнул меня на бегу меж лопаток в спину и схватился в удушающем за шею, перекрывая доступ к воздуху. – Не так быстро, мразь! – не успел понять, чем он меня – булыжником или самодельной металлической бомбочкой, – но три ощутимых стремительных удара в голову, и я провалился в тяжелую мрачную пустоту на безлюдной поляне, откуда враз повеяло холодом.

– Просыпаемся! – гаркнули хриплым, неизвестным мне баритоном, чем заставили резко разлепить веки и, прищурившись от дикой головной боли, обвести обстановку вокруг.

Мля... А вот и она, первая веселуха.

Я, окровавленный, на заднем сидении прокуренного ментовского уазика среди двух волчар при погонах, вдыхаю отвратительное зловоние их потных тел.

Брезгливо скривился и левой рукой притронулся к голове, где из раны сочилась струйка крови.

Сука, найду и выебу во все отверстия.

– Очухался, салага? – оскалился ментяра, открыв дверь с моей стороны и спустя уже секунду неаккуратно схватившись за мою порванную черную ветровку из плащевки вышвырнул меня на улицу, заваливая на асфальт, как псину.

– Ты б поаккуратнее, слышь? – приподнял бровь и исподлобья глянул на него.

– Че, обезьяна? – нагнулся ко мне и показушно выставил свой локатор, словно он глухой.

– Говорю, че задержали?

– Слышь, Вась, а он все продолжает пиздеть! Было поинтереснее, когда он был в отключке, – задорно загоготал он, любезным тоненьким голоском обратившись к своему напарнику с отвратительными усами.

– Да оставь ты бедолагу на Ветрова, – ухмыльнулся мужик в усы и мотнул мне башкой, мол, говоря: давай чапай на казнь свою.

Я снисходительно улыбнулся товарищу в глаза, чувствуя свою вседозволенность и осознавая, что у них на меня ни хера нет. Это мое первое задержание, и на поляне, я так думаю, по их приезду отдыхал один. Конвою явно не понравилось мое выражение лица, так как усатый нахмурился, а фуфел, который вынул меня из тачки, схватил за шкварник, поднимая с мокрого асфальта и толкая к отделению милиции, жестко зажимая мои руки за спиной.

Передвигаю ногами и ощущаю, как в крови отголосками

еще бурлит адреналин, и мне бы нет, чтоб сполна насладиться этим чувством, а приходится выстраивать в проломленной голове логическую цепочку легенды, которую уже через пару минут запою тому самому прославленному Ветру, судя по довольному еблу впереди идущего мента.

Сморгнул пелену на глазах и вернулся в реальность, когда Васёк отвесил два коротких удара в дверь и распахнул ее настежь, запуская меня с конвоем.

– Саш, здоров! Мы к тебе малолетку привезли прямиком с полянки.

– Заходите, – раздался грубый голос без каких-либо эмоций, заставив повнимательнее присмотреться, так догадываюсь, к моему следователю.

Холодные голубые глаза впились в мою рожу и вели до самого места, куда меня насильно зашвырнули.

– Принесите ему мокрое полотенце, что ли... – поморщился он и безразлично уткнулся в свои документы, лежащие на столе. – А то пол мне весь зальет, – задумчиво закончил фразу себе под нос, заставив меня коротко хохотнуть и прикрыть налившиеся расплавленным свинцом веки. – Не борзей! – решил он меня оборвать, и я заинтересованноглянул на него.

– Да я вроде как молчу, – сострил и вновь закрыл глаза, растягивая фальшивую улыбку.

На самом деле я думал только о том, кто меня задержал на опушке, и прокручивал мысли, как отыщу его и отрежу пару

пальцев. Мне не улыбалось, что обо всем сейчас прознают родичи и меня поставят на учет в комнате милиции, так как я еще несовершеннолетний.

Бля... как-то надо выкарабкиваться из этого дерьма.

Взглянул на начальника, огибающего стол и присевшего на его край возле меня.

– Твои полные инициалы, – смотрел в журнал и шурился, будто Расскажи я ему сейчас о себе, он тут же наткнется на мою фамилию в своих писульках.

Удобнее откинулся на стуле и с тоскливым выражением на лице попытался принюхаться к нему.

Даже если в данный миг я состряпаю легенду о своей личности, все равно уже спустя пару часов достоверная информация будет лежать у него на столе. Тут врать не в моих интересах, да и смысл церемониться, если я уже наперед знаю, что еще не раз окажусь в данном заведении, поэтому надо вести себя как обычно. Ваньку валять не прокатит, да и тип напротив, похоже, чего-то, да стоит.

Предусмотрительно обдумав варианты своих ответов, только было открыл рот, как ввалился мой недавний дружелюбный опер, неся в руках мне мокрое полотенце.

– Лови! – попытался зашвырнуть тряпку в мою харю, но я резко сцапал ее, вытянув руку вперед. – Гляди-ка, Сань... Реа-а-акция. Так и не скажешь сразу, что получил сотряс, – повел острым подбородком вниз, чем пытался выразить свое удивление, и засмеялся, присев в этом же кабинете за второй

стол.

– Мне долго ждать? – последовал от Ветрова очередной вопрос с угрожающими нотками.

– Туманов Денис Андреевич, – скучающе отозвался и приложил тонкое вафельное полотенце к голове.

Начальник наблюдал за каждым моим действием: словом, пристально вглядывался в мои глаза, словно что-то пытался прочесть в моей разбитой роже.

Я, никак не реагируя, бегал взглядом по убогому серому кабинету, стены которого были покрашены в блевотный голубой цвет.

Как символично, – усмехнулся про себя.

– Он не проходил у нас, – внезапно серьезно отозвался весельчак.

– Да уже понял. Я всех наших на лицо знаю. Адрес-ка мне назови свой, – посмотрел на меня и, добившись четкого ответа на поставленный вопрос, кивнул башкой. – Да еще и наш участок.

– А в чем дело-то? – решил начать игру.

– А ты у меня спрашиваешь? – взметнул он брови и сел обратно за свой стол. – Это я тебя хочу послушать. Что ты делал на полянке? Почему у тебя такой вид? – показательно смерил мою голову, лицо, руки пронзительно-режущим взглядом. – Что не поделили? Сколько вас было человек? Кто главарь твоей стаи?

Я уже всю ржал внутри себя из-за того, что мужик-то

принял меня за стукача, а я хотел было его похвалить. Но он оказался обычным тупым ментом. На деле с виду я оставался серьезным, делая тупое выражение лица с удивленными расширенными глазами, мол, показывая ему: ты что за дичь тут несешь.

– Дяденька, – после своего обращения мы все трое одновременно усмехнулись. – Вы обознались. Я был там неподалеку со своим братом и нарвался на каких-то отморозков, которые без разбору налетели на нас. А дальше ничего не помню. Просыпаюсь, а я уже около отделения милиции, – развожу руками, указывая на их мусарню.

Ну не говорить же ему, что это именно я два месяца назад создал группировку подростков своего возраста с некими принципами и философией. Это именно мы отмороженные, готовые биться до последнего за асфальт, отстаивая свою территорию. Мы – рыскающая стая голодных озверевших безжалостных подростков, которые хотят сломать данную систему и жить припеваючи. Для нас грабеж, драки и вымогание у фраеров денег – развлечение. Мы промышляли грабежом не только цацек и шмоток, но и ларьков. Сжигали их, если попадались несговорчивые пассажиры, ломали решетки, двери, били стекла, шантажировали продавцов, хозяев, обдирали их как липку. Вот и сегодняшняя стрелка была забита из-за того, что мы на восточном спуске добились выхлопа с перспективного ларька, а местному мясу эта информация пришлась не по душе, задушила жаба, и они захотели

оказаться с нами в доле. Но так как я сразу отрезал, отказав им, всё вылилось в рамс и в то, что мы на данный момент имеем. Да и по сей день все было ровно, если брать тот факт, что я за два месяца еще ни разу не угодил в лапы к красным.

– А где ж твой брат? – сквозь сгущающиеся мысли в голову просочился скрипучий голос следака.

Поднял на него взгляд и спокойно предположил с некой долей иронии:

– Испугался, наверное. Он у меня этот... – наигранно косил под дурака, задумавшись, и для полной достоверности пощелкал пальцами. – Ну, как его? А! Скрипач. Музыку любит, – скривился про себя. – И вы верите, что такой, – чуть не сказал додик, – человек полезет в драку? – недоуменно уставился на него.

– Он – нет, Туманов, а ты – да! – начал он выходить из себя, заметно сцепляя челюсть.

– Так и он тоже Туманов! – открыто развеселившись, развел руками с окровавленным полотенцем, чем окончательно допек его.

– Закрой рот! – херакнул по столу лапой, прям как батя, прервав мой словесный бред.

Все вояки при погонах контуженные, что ли? Что за привычка тупая? Они считают, что это возымеет эффект?

– Думаешь, тут сидят идиоты?

Ну да... И откровенный ответ он увидел в моих смеющихся глазах.

– Думаешь, я не знаю, что в твоём районе сформировалась новая молодая группировка зеленых пацанов, как ты? И ты, борзота, из их числа! – цедит по слогам, глядя мне в глаза и подавшись вперед. – И на полянке, откуда тебя, невменяшку, привезли, вы грызлись стаями, отстаивая и расчерчивая свою территорию, сопляк. Вы те, кто прет двор на двор, улица на улицу, район на район, стенка на стенку! – басил во всю глотку Ветров, а я с безразличием в глазах смотрел на него и слушал.

Допустим, все так, как он говорит, но у него нихера на нас нет. Оттого он и бессилён. Следак ничего не сможет сделать, пока не поймают нас на горячем.

– Говорю же, – проговорил на тяжелом выдохе. – Я был с братом. На меня напали. И что мне прикажете делать? Стоять и ждать, когда они меня прикончат? Я ответил пару раз, но потом меня вырубили. Очнулся...

– Гипс? – решил сыронизировать следак, перебив меня.

– Почти, только в моем случае башка проломлена, – показываю ему пробоину в своем котле, свесив голову.

– То есть, ты у нас потерпевший? – он не выдержал и тихо засмеялся, но видно, как за маской смеха был холодный и цепкий сканирующий взгляд.

– Ну да. Я вообще честный пацан, – передернул плечами и мило улыбнулся.

– И заявление напишешь, честный? – приподнял бровь, решив словесно закинуть удочку.

– Не, начальник. Я доносить ни на кого не собираюсь. Разное бывает. Пацаны, может, спутали меня с нехорошим человеком. Просто случайное стечение обстоятельств, – последнее уже договаривал застывшей статуе, склонившейся над документами. Он невидяще вглядывался в бланки, тетради, журналы и задумчиво медленно отбивал по столу ручкой.

– Значит, ты хочешь сказать, что Астрова Михаила Евгеньевича семьдесят пятого года рождения не знаешь? – тут же задал вопрос и вперился взглядом в мою рожу, пытаюсь просечь ложь, а я подсобрался и напрягся, так как Михася уже дважды побывал в отделении. – По кличке Михася, – потянул он дрожащие уголки губ, догадавшись о том, что я хочу спиздеть.

– Нет. А, не! – бурно отреагировал, делая вид, что вспомнил. – Почему же? Знаю, конечно! Это тип из моей школы. Он вроде мастер спорта по боксу, – сдержанно улыбнулся, словно я свой парень-рубаха.

– Кончай гнать порожняк, глядя мне в глаза, – перешел он в наступление и начал грузить. – Хочешь качаться в киче*? (отбывать срок в тюрьме). Так я тебе устрою сейчас! Все признаки у тебя налицо. Сворачивай свою обширную деятельность – ту, что ты здесь развел – и давай по делу, четко и ясно.

Но не успел он закончить свой поучительный монолог, как к нам в кабинет зашел еще один мент в форме, но, похоже, повесомее этих двоих, так как они оба подскочили и отдали

ему честь.

– Здравия желаю, товарищ полковник...

– Ти-ише, – он поморщился и осадил их рукой, прекратив раболепное преклонение. – Что тут у вас? – глянул на меня, и, наверное, только я заметил, как этот мужик с интересом и... уважением сверкнул на меня темными глазами.

А спустя уже минуту услышал, как он в жесткой форме отдает тихий, но решительный приказ:

– Отпустить!

– Что? – опешил следак и вылупился на своего начальника.

– Ветров... – с угрозой твердым голосом надавил на него полковник. – Я сказал, отпустить. На него ничего нет. За отсутствием состава преступления мы не имеем права держать его больше трех часов! Родным его уже доложили?

– Нет еще... – растерялся Ветер, чем изрядно рассмешил меня.

– Чтоб не сообщали. Не имеем права, – вот и все, что он сказал, прежде чем тихо выйти и оставить всех нас недоумевать.

Кто он, черт возьми, и какого хрена он меня выгородил?

– Еба-а-аный сыр!

– Так я свободен? – посмеиваясь от высказывания следака, осведомился у него.

– Вон пошел отсюда! – заорал красный, который оконфузился и сел на жопу.

– Бонжур! Ой, или как там? – уже в голос заржал, но молниеносно выбежал из кабинета, так как в меня полетел граненный стеклянный стакан.

Я в полнейшем замешательстве вышел из отдела, растеряв бывшее веселье, и остановился возле крыльца, осматриваясь по сторонам.

И это все? Вот так – свободен? Ни в СИЗО пару часиков не посидел, ни родителей не вызывали, так как я еще малолетка...

Кто этот полковник, почему он меня выпустил и так смотрел?

Постояв еще пару минут около отделения в смятенных мыслях, плюнул на все и, выкинув окровавленное полотенце в урну, двинулся к своему дому.

А спустя время, когда я подошел к своей хрущевке, мне перегородил путь мощный аппарат BMW-e34, из которого на весь двор долбил шансон.

Нет... значит, это было только начало.

И я даже не мог подумать, как верно в тот момент предположил.

Глава 7

1990 год. Ульяне 10 лет.

Я, преодолевая страх, поднимаюсь на носочки и нерешительно тяну указательный палец к дверному звонку, но в последний момент замираю и, закусив нижнюю губу, прикры-

ваю веки. Для того чтоб, как обычно, собраться перед встречей с ним и с его наглыми темными глазами, в беспросветной бездне которых запросто можно сгинуть по своей неосторожности. С парнем, которого с первой встречи, не побоюсь этого слова, полюбила. В тот момент я даже толком не осознала своим не вполне сформировавшимся мозгом, что на нашем лестничном пролете безвозмездно подарила свою душу и сердце кудрявому подростку с грозным взглядом ...

– Соберись, бестолочь! Стыдно за тебя, дура! – возмущенно прошипела себе под нос, состряпав неприязненную гримасу на лице и тотчас настойчиво вдавила палец в черный кругляшок, вернув себе прежний дерзкий вид.

Никуда ты не денешься от меня, Туман Туманыч. Все уже давно предрешено! Мной!

Затерявшись в мыслях, гаденько расплылась в улыбочке и совсем позабыла, что не убрала руку с дверного звонка, чем вывела по ту сторону Надежду Сергеевну.

– Да кому ж там неймется! Иду я, иду! – недовольно причитала мать Дениса и раскрыла передо мной настежь дверь, щелкнув железным замком.

Взрослая женщина-брюнетка с ярко-янтарными глазами тут же сменила гнев на милость, завидев меня.

– Теть Надь, здрасте! Я в гости! И с о-о-очень серьезным разговором к вам! Но он не отнимет у вас больше пяти минут! – тараторила на одном дыхании. – Я, пока буду говорить, могу вас чаем напоить! Хоти...

– Так-так! – звонко захохотала женщина и выставила вперед руку, перекрывая мой бесконечный поток слов. – Остановись, метёлка, – обняла меня рукой и затащила за собой в квартиру, предусмотрительно поцеловав в макушку. – Я сама тебя угощу чаем. У нас даже конфеты есть. Пойдем, – подтолкнула меня в сторону кухни, а я чуть не свернула себе шею: так сильно вглядывалась в комнату Кудрявого. – Ну рассказывай, что там тебе опять взбрело в голову?! – как обычно, она добродушно посмеялась надо мной. – Опять хочешь собрать совет наших жильцов и обсудить насущные проблемы?

– Та нее, – махнула рукой и, когда присела на захудалую табуреточку, не выдержав, спросила, – а Кудрявый где? Дома?

У тети Нади вмиг изменилось выражение лица: раздраженно сверкнула глазами, сердито поджала губы и уткнулась взглядом в носик самовара, молча наливая мне в чашку чай.

– Уль... – выдержав паузу, начала с отчетливой болью в тонком певучем голосе. – Нет его... – заключила на тяжелом выдохе, явно изначально намереваясь сказать не то. – Он с Максом днями и ночами носится непонятно где, – осторожно глянула на меня. – Надоел, честное слово. Управы нет на него никакой, – вдруг в конце она не на шутку разошлась в сетованиях на сына.

– Это какую такую управу, тетя Надь? – слабым тоном откликнулась, расстроившись, что Дениса нет. Хотя братец

уже прибежал домой с фингалами под глазами и разбитым лицом. А это означает, вечером быть беде, когда папка вернется с работы.

Мама Дениса, догадавшись о моем состоянии, смерила меня сочувственным взглядом, так сильно похожим на взгляды моих родителей. Да я и не скрывала... Никогда и ни от кого. Все всё видели, только Кудрявый, казалось, совсем меня не замечал. И только из-за этого уже хотелось зарядить ему носком под коленку, чтоб очнулся, неотесанный чурбан, и раскрыл свои глаза, не похожие ни на одни другие.

– Он ведь мальчишка, тетя Надь. Он такой, какой есть. Ничего ведь сверхъестественного не вытворяет, и ладно... – передернула острыми худыми плечами.

Женщина снисходительно скосила на меня глаза, но я, хлебнув чай из маленькой кружки, сделала вид, что ничего не заметила. Людям сложно прислушаться к словам не то что своих детей, а просто детей. Они их на первый взгляд не воспринимают, что ли... Не замечают. Пропускают мимо ушей, делая вид, что не слышат. Всем своим выражением лица демонстрируют, что мы еще не доросли, чтоб раздавать им советы. А мы ведь тоже люди. У нас, у детей – хотя я себя никогда не ощущала мелкой – тоже есть своя точка зрения, мнение, мысли, но они взрослым неинтересны. Им то некогда, то устали. Грустно, но честно.

– Ульян, так о чем ты хотела поговорить? – привлекла мое внимание тетя Надя.

Подняла на нее все еще растерянный взгляд, расплылась в улыбке и... и наплела ей полную чушь, решив заговорить и быстро распрощаться. Через пять минут я забежала к себе домой, яростно хлопнув входной дверью.

– Чё-ёрт! Улька! Какого хера ты так мутузишь дверь и мою голову?! – взвыл брат страдальческим голосом, донесшимся с зала. – Уля? – вложил максимум трагизма в свой тон. – Принеси таблетку с водой и вату с водкой.

Зловеще сощурилась и громко потопала выполнять просьбу брата. А когда предстала перед ним, сладко заулыбалась, чем вмиг насторожила Максюшу, развалившегося на диване с убитым выражением лица, словно он царь Несмеян.

– Плохо тебе, Максюша? Больно тебе, Максюша? Головка бо-бо-бо? – мило пропищала, подавшись к нему.

– Ты чего? – опасливо убрал руку с головы и, из-за обескураженности позабыв о своем состоянии, взметнул раненную бровь, но тут же зашипел. – Какой Максюша? Опять началось! – гаркнул на меня.

– На! – ответила ему тем же, разоравшись, чем заставила брата враз умерить пыл. Зашвырнула в него таблетку и вату, ставя рядом с ним стакан воды, неаккуратно разлив ее по столу. – Сам себя лечи! Достал! Опять сегодня скандал будет дома! И где твой друг шарится?! Я думала, он дома! Опять какую-то девку окучивает?! Донжуан чертов! Чтоб он провалился!

– Ульянка, ты чего? – расхохотался Макс, рассматривая

меня, как новое чудо света.

– И ты пошел туда же! – рявкнула и, раскрасневшаяся от неконтролируемого гнева, отбросила рукой свои длинные волосы за спину. – Туда же где твой друг! – чувствуя, как к горлу накатывают слезы, выбежала из комнаты на кухню, чтоб не разреветься перед братом, как тряпка.

Вот не дождутся они моих слез! Не на ту напали!

И так все последние пять лет. Столько, сколько я его знаю. Проклятый Туман Туманыч. Затуманил мою несозревшую голову, а мне мучиться! Я, может, и не хотела бы всего этого испытывать... да не мо-о-огу-у-у! Вот так выть белугой хочется про себя. Что же это за напасть такая? Ну почему меня шатает, кидает в разные стороны, если что-то касается его?! Невыносимо... Я будто другой человек. Словно в моей оболочке уживаются две личины. И как девочка десяти лет – а уж тем более, пяти – может вот так безответно влюбиться? Ну нет, вон Светка, Оля – мои подружки, у них симпатии меняются каждый месяц, а я как сама не своя, уже пять лет по этому сухарю с ума схожу, и ведь разница пять лет, а в нашем возрасте это так заметно, так существенно и осуждаемо. Но физиологически, казалось, я созрела давно, с виду я выше всех своих сверстниц, да и рассуждаю совсем иначе, чему всегда удивляются мои родители, друзья, знакомые и учителя в школе. Но главное, я другая с ним... то дура влюбленная, то девчонка-свой пацан, то как сестра. Порой сама себя не узнаю, и это иногда вводит меня в эмоциональный

диссонанс.

3 года назад

Вдруг резко остановилась и выросла ногами в землю, как дерево возле здания нашей школы, и непонимающе окинула взглядом стоявшие неподалеку два силуэта.

Это что за дела такие?

Нахмурилась и немедля сорвалась к мило воркующей парочке.

– Кудрявый! – окликнула, и прозвучало это так, словно я его жена, а он тут на моих глазах мне изменяет.

Денис лениво повернул в мою сторону голову и, заведя мою на всех парах несущуюся важную персону, просветлел лицом, чем заставил сбиться с шага.

– Привет, Прищепка, – так красиво усмехнулся уголками губ и заинтересованно сверкнул глазами.

Вот как по щелчку пальцев я враз могла разгадать все эмоции в его глазах? И тепло... Такое притягательное тепло от него исходило при виде меня. Я вот чувствую, и все. В голове, внутри, где-то глубоко под ребрами оно меня согревает. Его тепло меня греет. А я хочу взамен ему ответить тем же. Но язык – враг мой...

– При-иве-ет, Кудрявый, – с вызовом в глазах обратилась к нему и тут же обхватила его шею руками, близко притягивая к себе, когда он присел ко мне на корточки. – Сколько раз говорить, что я не Прищепка! – прошипела как змея в его ухо, вызвав ощутимую вибрацию в его груди. – Я жена

твоя будущая! – уже громче произнесла и нагло уставилась в глаза мымре с пергидрольными патлами в виде сосуллек.

Сморщила нос и выставила нижнюю губу, выказывая ей свое отношение. Всякий раз рядом с ним просыпались во мне эти странные чувства, а стоило увидеть возле него девчонок, которые хотели его у меня отобрать, как включался режим повышенной готовности.

Откуда у меня эти мысли? Ладно, потом! Сейчас нужно утереть нос этой дуре, которая насмешливо уставилась на меня, но про свои вываливающиеся из майки маленькие титьки позабыла.

Курва!

Так тетя Нюра – наша соседка со второго этажа – многих девиц называет. Вот и мне сейчас от души захотелось заклеить ее этим словом.

Решила моего Кудрявого соблазнить?!

– Это кто, Туман? Сестра твоя, что ли? – и смеются на пару с Денисом, но думаю, по разным причинам, пока я критическим взглядом окидываю лахудру и Туманыча, у которого все было написано на лице.

Правда? И она тебе нравится?

– У тебя что со вкусом, Денис? – я скучающе высказалась не стесняясь, заставив виновника подавиться смехом, как и девчонку – обрубить противный смех.

И я впервые после двух лет нашего знакомства хотела содрать ему кожу с лица. После этого открытия я дико растеря-

лась, а Денис, увидев мое выражение лица, подтянул к себе и обнял, будто все почувствовав, ну или решив, что я только после сказанного поняла смысл своих слов. А мне не было стыдно за них. Мне, как оказалось, от осознания, что ему нравятся другие, было больно и неприятно. Сердце закололо, и пелена слез липкой пленкой покрыла глаза.

– Ты что себе позволяешь, дря...

– Закрой свой рот! – перебив визгливый вопль дуры, коротко рыкнул ей мой Денис.

– Ну ты же сам слышал... – опешив, неслышно вымолвила она.

– Ты не услышала? Иди, я догоню, – мотнул ей головой, вызвав у меня горький смех.

Но я все равно обняла его и положила голову ему на плечо. Наверное, мы так пару минут молчали. Я стояла, а он сидел на корточках. Гладил меня по спине и мои волосы, приятно пропуская их сквозь пальцы.

– Ну чего ты разошлась? – усмехнулся он.

– А чё она светит перед тобой тем, что должна прятать? Глазки строит. А ты ведь мой, Денис, – тихо зажала его, смеющегося сильнее.

– Да твой, твой. Куда я денусь. Ты еще пару лет назад меня забила. Так что придется, Прищепка! – стебет меня и получает за это привычный тычок в бок. – Во-о-от, и чуть что – дерешься сразу.

– А как с тобой по-другому... – пробубнила, и мы вновь

на время замолчали.

– Не переживай... С тобой никто не сравнится. Верить? – отклонился и заглянул мне в глаза своими наглощими, вызывающими, светящимися, смеющимися.

Не верит мне... Но он ведь правда мне дорог...

– Брешешь? – мое с сомнением.

– Нет конечно! – округлил глаза. – Так верить?

– Верю, Кудрявый, – схватила его за спадающие на лоб кудряшки и нелюбезно потянула на себя, чтобы поцеловать в смуглую щечку.

1990 год

Он вырослел, и я вместе с ним. Каждый день я пыталась и до сих пор умудряюсь не выпускать его из виду. Хочу видеть, чувствовать, ощущать его рядом с собой, как тогда, в первую нашу с ним встречу на лестничной площадке.

Что я тогда в нем увидела, что потеряла дар речи?

Не только красоту, а какую-то силу. Ощутила исходящую от него мощную силу, энергетику, защиту. Это было средни чему-то вроде того, что именно для меня слепили и послали мою вторую половинку. Это был именно мой человек, и я это как-то поняла и прочувствовала в свои пять лет. Я запоминала каждый его взгляд, наслаждалась его движениями, смаковала голос, слова, общение, откладывала в сердце все наши с ним касания и бережно с трепетом хранила их. Его карие глаза под густыми темными ресницами – вроде бы простые, но то, как они смотрят, то, что в них таится, я еще

ни разу ни у кого не видела. Теплые и надежные объятия, окутывающие в защищающий кокон и приносящие мне спокойствие, умиротворение, упоение души. Чуть пухлые губы, которые пахнут хвоей и приправлены сладким горячим дыханием, сводят с ума, путают мысли, сбивают учащенный рядом с ним пульс. Слова, глухо льющиеся из него: мягкие, завораживающие, словно он змей, заманивающий тебя к себе, чтоб в любой момент напасть, скрутить и сожрать.

Разве это не любовь? Разве не это чувствуешь, когда влюбляешься? Когда стоит посмотреть ему в мои глаза, и я пропадаю, на время теряюсь, пытаюсь сориентироваться и, прежде чем открыть свой рот, еще пару раз проговариваю слова про себя. Когда он подхватывает меня как пушинку, подбрасывает в своих руках, кружит, обнимает так, что кости трещат, а мне так ничтожно мало, так хочется еще, и непозволительно для своего возраста я надеюсь на большее.

Но он даже и не рассматривает меня. Видит во мне всю ту же мелкую девчонку, которая вьется под его ногами, цепляясь за штанины, как прищепка.

Прищепка... Чертово прозвище, кое слышу от него с завидной частотой. И ни мои протесты, ни хмурое выражение моего лица, ни наигранные обиды совершенно не действуют на него.

Он видит один мой образ, и, кажется, мне его уже никогда не переплюнуть. И это невероятно страшит... Всякий раз посещают вопросы: а вдруг он так и не полюбит меня? А что,

если так и не заметит ту девушку, которая беззаветно влюблена в него? Пусть через пять лет, семь, десять, но проглядит и пройдет мимо меня?

Мучительно выдохнула и, прикрыв глаза, уперлась лбом в окно.

3 года назад

– Улька-а-а-а, может, не надо, а? Ну может, к черту ее? Че ты взъелась? – в панике нашептывала мне на ухо Светка, моя одноклассница, когда я выглядывала из-за угла и, прищурившись, следила за Денисом с этой облезлой выдрой.

Падла!

– Надо, Федя, надо! – жутко, как в кино, мерзко захихикала и, прицелившись, ловко метнула камень в блондинистую головешку.

– Дура-а-а! – прикрыла подруга рот, заглушая свой сдавленный смех, и для надежности закрыла и мой, поскольку я начала громко покатываться, так как попала прямо в цель и в данный момент слышала девчачий визг.

– Все, Денис от этой дуры сейчас быстро избавится. Драпаем, Светка, пока не поздно! – заговорщически зашептала, лукаво глядя ей в глаза, и только наострилась с ней бежать, как меня сцапали сзади за шкирку и хитрым родным голосом сказали на ухо:

– Не так быстро, маленькая чертовка.

– Ой, – перепугавшись, пискнула Светка и... и предательница оставила меня наедине с Денисом, убежав от нас.

– Плохие подруги, – тут же серьезно заметил и не больно схватил за ухо. – Это что сейчас было? – он засмеялся.

– Это не я! – невинно посмотрела на него. – А ты вообще о чем?! – поняла, что выдала себя, и быстро исправилась, пытаясь сделать глаза почестнее.

Дениса же ситуация откровенно веселила. По крайней мере, его широкая улыбка и сверкающие глаза говорили мне о многом.

1990 год

– Улька, ну ты где там? Че на тебя нашло? – выкрикнул брат и вновь ойкнул, чуть ли не взыв.

– Ццц, – раскрыла глаза и тут же закатила их.

Придется лечить этого калеку... Взглянула через окно вглубь нашего серого двора и наткнулась на знакомую фигуру.

Хитрая улыбка тотчас расплылась на лице.

Денис...

Незамедлительно громко бросилась в комнату родителей и услышала вопрос Максима:

– Мелкая, ты, может, заболела? Какая-то ты сегодня дикарка.

– Ой, отстань! – буркнула впопыхах.

Схватила в маминой косметичке красную помаду и перед зеркалом легонько ткнула на скулы, растирая чуть явный след. Немного подумав, так же чуть потыкала по губам и начала их плотно сжимать и елозить друг об друга.

– Вот смотри, что ты заставляешь делать ради тебя, дурак неотесанный! – нахмурилась, глядя в свое отражение.

– Что ты там бубнишь? – смеется брат.

Не обращая на него внимания, кинулась обратно на кухню, чтобы не пропустить, когда Кудрявый пойдет в подъезд. Но подбежав снова к окну, увидела, как на дороге затормозила красивая черная машина, перегораживая Денису путь. Туманыч притормозил, а я удивленно заломила бровь.

Это кто на таких машинах в наше время разъезжает? Да еще и музыка долбит на всю округу...

Даже у моего отца был не такой автомобиль, а простая девятка.

– Макс? – задумчиво окликнула брата.

– Что-о? – последовал усталый вздох.

– Там Дениса...

– Что? – послышалось, как брат с трудом поднимается с дивана.

– Он в какую-то машину сел... – испуганно отозвалась, заметив двух взрослых парней, которым на вид можно дать лет так двадцать-двадцать пять.

– Мать твою! – раздался пугающий и неизвестный возглас Макса, заставив внутренности похолодеть.

Глава 8

Денис

Черный бумер резко вывернул в сторону и звучно затор-

мозил, подрезая меня и перегораживая путь до подъезда.

Шмыгнул носом и уставился на зверье в тачке, переговаривающееся между собой. Один из них – короткостриженный брюнет за рулем – заглушил движок и вырубил музлю, пока второй – русоволосый амбал – нехотя выбрался из машины и с довольным возгласом от души потянул затекшую спину, счастливо мне улыбаясь.

– Привет, Дэн, – первым заговорил со мной тот пацан, что сидел за рулем иномарки. Молча выполз вслед за своим приятелем и с ленцой присел на край капота своего автомобиля, впиваясь в меня пристально изучающим взглядом, но в светло-карих глазах присутствовали какой-то задор и заинтересованность по отношению ко мне.

– Мы знакомы? – равнодушно поинтересовался и, решив проверить, не потерял ли вовремя рамса свой складной нож, как бы между делом засунул руку в карман трико, мгновенно прикасаясь к металлической бабочке.

Щемиться я никогда бы не стал, но вот в любой момент быть готовым, чтоб нанести удар противнику – это по мне.

Пацаны тут же просекли мой ход и оба, переглянувшись, весело усмехнулись и удивленно мотнули своими бошками, мол, говоря друг другу и мне, что я редкостный недоумок.

– Тебе это только предстоит. А мы уже тебя знаем... некоторое время, – с запозданием хохотнул русоволосый, а я мысленно прикидывал, не «крыша» ли эта Одинецких.

Ведь как вариант. Бесо забит и нескоро поднимется с

больничной койки, хоть братец его родной и отличился. Ну и ему недолго осталось спокойно топтать землю. За ментуру спрос с него будет жесткий.

– Че надо? – расставил ноги шире и чуть заметно склонил голову к правому плечу, пробегаясь по ним настороженным взглядом. Пацаны в массивных кроссовках, спортивных трико, майках и в одинаковых кожаных куртках.

Им униформу выдали, что ли?

– Для начала вытащи руку из кармана, – натянуто улыбнулся зеленоглазый блондин, нервно заиграв желваками. – Ты же сечешь, о чем я говорю? – так же, как и его друг, присел на другой край капота, не отпуская моего напряженного взгляда.

– Допустим... Зачем мне это делать? – неохотно потянул кривую небрежную улыбку.

– Затем, что с тобой хотят познакомиться приличные люди, – на серьезе уведомил меня до этого молчаливый брюнет.

– А приличные, стало быть, это вы? – вопросительно приподнял брови, перекинув внимание на водилу.

– А приличные, стало быть, не мы. Давай ты вытащишь руку и жестить не станешь. Я тебе, по крайней мере, не советую необдуманно этого делать. Мы с Игорем нервничаем, а тебе еще ехать с нами в одной машине. Твоей жизни ничего не угрожает. Мы отвезем тебя на разговор с уважаемым человеком и привезем, – кивает на мой дом и подъезд, – обратно. Лохотрон с нами не прокатит, Туман. Как-никак все-

таки разница в возрасте, да и знаем мы побольше твоего. Садись в тачку и не рыпайся. Вообще не дергайся, пока снова не окажешься дома, – вдумчиво твердил, проникновенно заглядывая мне в глаза. – Дружеский совет от души. Зла мы тебе не желаем, так что падай в тачку и не заставляй насильно тебя заталкивать в багажник.

Складывалось такое чувство, что меня где-то жестко наебали. Ну по крайней мере знают они обо мне достаточно, поскольку понимают, чего можно от меня ожидать. А от этого осознания становилось как-то совсем не весело. Заезд* (намек) их я безоговорочно принял и уяснил. Не дурак. С виду, да и ведя с ними увлекательный диалог, моментально выкупил, что зверье лютное, и если не поеду, то повезут. Вопрос в том, на чем, где, как и в каком виде. А видон у меня на данный момент и так не из лучших.

– Ну, давайте прокатимся, – направился к задней дверце бумера, своим согласием заставив братву молча рассестись по своим местам в тачке.

Спустя десять минут, находясь все еще в машине с двумя амбалами, решил отвлечься от беспрерывно крутящихся в башке муторных мыслей.

Досадно поморщился от бессмысленного разговора этих двух, который пропускать мимо ушей, даже растворившись в себе, к сожалению, не получалось.

– Да я тебе отвечаю, чтобы я еще так ужрался... Ни-ни. Меня моя тогда выпрет из дома, – посмеивался блондин на

пассажи́рском сиденье́е.

– Не сильно ты о ней задумывался, когда пару дней назад жарил в баньке сочную телочку, – приятель подчеркнуто уколол его словами и резко вошел в поворот на проспекте.

– Дык это своя. Ро-о-одная, – заржал Игорь. – Что ей станется-то? Убудет? Жалко? Я и так уже ее, – тычет рыжьем* (золотым кольцом) в рожу другу. – Но делиться-то иногда нужно, – ржет он уже на пару с брюнетом. – Эх, хороша девочка была. Мне б такую... – завыл он на весь салон. – Не, ну бухать точно надо прекращать. Болел вчера, как скот, а еще Барин отправил на дело. Знаешь же его, – тихо пробубнил водиле и отвернулся к своему окну. – Дышать боялся: думал, учует.

– Игорь, он по одному нашему виду все понял. Просто на первый раз пожалел, – на тяжелом выдохе заключил брюнет.

Я решил вмешаться в их пустой базар, пытаюсь вытянуть хоть что-то интересующее меня и возможно облегчить себе дальнейшую встречу.

– К кому мы едем? – подался к ним между их сидениями, умещающая свои локти на коленках.

Оба мимолетно зыркнули в зеркало заднего вида и вновь уставились на дорогу. Видно было, как пацаны замялись и раздумывали, стоит ли меня заранее посвящать в тему.

– Туман, он человек серьезный, – все-таки через некоторое время заговорил брюнет. – Мы не вправе разглашать то, что нам не велено. Все что могли – сказали. Дальше гребни

сам, – остановил он машину около ресторана «Каширский», который в нашем городе известен не самой лучшей репутацией среди мирных граждан, а точнее, ходила молва, что держит его совсем не простой криминальный авторитет по кличке Барин, не так давно откинувшийся из мест не столь отдаленных. – На выход, – водила вернул меня в реальность громким басом.

Барин... Кабак держит Барин, и эти фраеры упоминали в своем трепе его кликуху.

Если я верно мыслю, то на кой черт я ему понадобился? Неужели точка Оidineцких была его территорией?!

Вот, сука, попал так попал...

– Можно? – после короткого стука Виталья распахнул дверь кабинета и вполголоса кротко поинтересовался у неизвестного.

Я же стоял за спиной по левую руку от водилы, а за мной, будто мой надсмотрщик, громоздился Игорь, похоже, считая, что я сейчас сорвусь и сбегу.

Ответа не последовало, но второй цербер-брюнет посторонился, давая мне свободно зайти в помещение, где я должен встретиться лицом к лицу с тем, кому вдруг срочно понадобился.

– Заходи, – еще тише обратился Виталья, стрельнув в меня глазами.

Незаметно для всех сделал глубокий бесшумный вдох и

немедля двинулся в кабинет с мыслями, что бы сейчас ни произошло, какой бы там меня охувевший чувак ни ждал – я не изменю себе, своим принципам, и буду вести себя, как обычно, ничего из себя не строя.

Первое, что открылось моему взору, когда я оказался внутри и за мной глухо закрылась дверь, отрезая троих людей в кабинете от реальности – это темный прокуренный кабинет без окон и широкий рабочий стол, за которым играли в нарды и распивали виски двое взрослых мужиков довольно мощного коренастого телосложения.

– Здравствуй, Денис Андреевич, – поприветствовал меня короткостриженный, практически лысый авторитет, – это было понятно с первого взгляда на него. Поздоровался, но даже не взглянул в мою сторону. Продолжил лениво – я бы сказал, скучающе – играть, наблюдать за игрой, оперевшись виском на выставленные два пальца. Но во всем этом присутствовало огромное «но». Он с первых секунд дал понять, что знает обо мне больше, чем я думал на самом деле.

– Здравствуйте, – с каменным выражением лица равнодушно отозвался и перенес основной вес с больной ноги на здоровую.

– Присаживайся, – позволил фраер, которому на вид было лет тридцать-тридцать пять. Оторвал не глядя на меня пальцы от виска и указал ими в сторону рыжего кожаного дивана, расположенного по левую сторону от стола в виде формы т. – Не стой в дверях, – произнес так буднично, словно знал

меня не первый год.

Плевать, кто он, но его поведение с первых минут – сам не знаю, почему – мне уже не понравилось.

Его собеседник, на котором висела плечевая кобура, а в ней находились два огнестрела, через плечо мимолетно оглянулся на меня лишенным каких-либо эмоций взглядом и вновь вернулся к игре.

– Не отвлекайся, Сыч. А то не заметишь, как оставлю в дураках. Кидай кости. Твой ход, – иронично усмехнулся по моим предположениям Барин.

– Ты можешь, – прилетело ему в ответ, когда я вразвалочку двинулся к предложенному месту и удобно устроился на диване, ощущая, как по спине неприятно сбегает холодный пот, пробирая до костей.

И ответ на собственную реакцию прост. С первого взгляда понимаешь, что здесь совсем другой уровень, нежели то, что я видел до сегодняшнего дня. Люди непростые. Дяди серьезные, и на кой черт им сдался я – непонятно. Шутки с ними плохи, если не сродни смерти. В буквальном смысле.

Я, сидя в напряжении, был на стреме, хоть и понимал, что один против них не то, что ничего не успею сделать, а просто не смогу. Вот, например, взбредет в башку этому Сычу сейчас стрельнуть в меня, а с моей стороны даже нечем будет отрикошетить удар, потому что еще фуфел, потому что нет ствола или обреза, а в моем положении уже надо бы иметь при себе что-то посерьезнее ножа или железки.

– Ты знаешь, кто я такой, Денис? – сидя в кресле, сухо обратился тот, кто вызвал меня сюда.

Он кинул кости и, увидев выпавшую масть, довольно ухмыльнулся своему нахмурившемуся напарнику. Передвинул свои шашки на длинной зеленой доске и впервые за все время повернулся ко мне, давая разглядеть его неприятный пилящий взгляд холодно-голубых глаз.

– Нет, – ответил, глядя в упор, и только потом, подавшись вперед, уперся локтями в ноги. – И для чего я вам понадобился – тоже не очень хорошо понимаю.

В кабинете образовалась мертвая тишина, становившаяся с каждой секундой невыносимее. Мужик, которого Сычем кличал как я думал Барин, оглянулся на меня и недовольно нахмурился, словно я позволил себе чего-то лишнего, хотя по большому счету высказал интересующий меня вопрос.

– Не гони лошадей, молодой, – с предостережением дал совет неизвестный мне мужик.

Может, он из его охраны? Хотя они оба в дорогих черных рубашках. Так и не скажешь, что этот Сыч у авторитета на побегушках. Чувствуется, что и он имеет определенный вес с подавляющим характером без подхалимажа.

– Сава, прекращай, – тихо, но все же грубо надавил на своего друга Барин. – Я тебя заранее предупредил, – перетек разговор в иное русло, и они уже взглядами базарили о чем-то своем.

Гнетущая атмосфера в кабинете ощутимо накаляла нер-

вы, но я интуитивно чувал, что в данный момент он не несет за собой опасности, хотя чего-то явно хочет добиться от меня, иначе я бы не сидел сейчас в его ресторане.

– Баринов Владислав Владимирович, – после того, как его друг плеснул себе и ему вискаря, лидер своей уголовной среды перевел на меня спокойный взгляд. – Посиди пока. Мы доиграем, а потом перетрем. Уговор?

Я молча кивнул, давая согласие, и откинулся на спинку дивана, чувствуя, как он своим неестественно мертвым взглядом пытается проникнуть в мою башку и вычислить все малоприятные мысли.

– Ты есть хочешь? Или, может, привести себя в порядок желаешь? У нас тут есть душевая, – обвел мой внешний вид пристальным взглядом.

– Нет. Я подожду, – отказался, несмотря на то, что в таких ситуациях это не принято.

– Как знаешь, Денис, – он тут же потерял ко мне весь интерес, вернувшись к своему собеседнику.

Удивленно приподняв брови, постарался погасить шквал сверлящих вопросов в голове и прислушаться к ним.

– Ну и на чем ты там остановился? Рассказывай, – принял прежнее положение Барин, только еще и засмолил сигаретой. Вот почему в кабинете стоял удушающий спертый запах крепкого табака.

– Да ты и так уже все знаешь. Твои-то небось уже донесли.

– Работа у них такая, Сыч. Но это они, а я от друга версию

хочу услышать, – насмешливо крякнул.

– Влад, все так, как тебе и передали. Сначала я с этого лоха имел тридцать процентов с общей прибыли. Вскоре мне стало мало. Ты знаешь мой аппетит, – они чокнулись и улыбнулись друг другу. – Запросил пятьдесят процентов. Получил, – залил в себя пойло и на этом решил съехать, вновь начав очередную партию в нарды.

– На кой черт тебе сдалась его Маринка? – затянулся и прищурился Барин от едкого дыма шмали.

– Да она не дура. Ну и хороша. Шарит в цифрах. Посадил в банке. А ты сам понимаешь, с помощью нее мы еще больше бабок поднимем.

– И че, он так просто распрощался со своей женой, Сыч?

– Он ее мне подарил, – тихо заржал этот Сава, делая свой ход фишками. – Этот трус собрал ей чемодан и привел за ручку. А она та-а-а-ак горько плакала, та-а-а-ак выла, а я ее та-а-а-ак утешил и залюбил, – смеялся и, не отрываясь, следил за игрой.

– Смотри, чтобы из-за бабы у нас не было проблем. Тем более в твоей сраной партийной номенклатуре. Ты там мне еще нужен.

И чем дольше я слушал, тем отчетливее понимал, что Сыч не только коммерс, но и, возможно, чиновник... Элита, правящая нищенским сбродом – точнее, нами.

Су-у-уки. Банк, значит? Вот так и имеют нас – простой народ – во все щели.

– У меня все под контролем. Не думай за это. У меня есть одна занимательная идея насчет российского бюджета, – хототнул он, а я сдавил сильнее кулаки, даже не заметив, что сжал их. Уже какое-то время откинулся затылком на спинку дивана и с закрытыми глазами сосредоточенно слушал их, делая вид, что вовсе и не здесь. – Фонд российскому предпри...

– Давай потом, – осадил его Барин, прямо этим сказав: закрой пасть и думай, что и при ком можно говорить.

– А, ну да... Говорю же, концепция занимательная. Идея не дает здраво мыслить уже какой месяц, – засмеялся под звук кинутых костей на доску.

Даже мне слышно было, как Сыч загорелся подобной задумкой. Несмотря на то, что я его совсем не знаю.

Однако, как бы я ни вслушивался, подмечая каждое слово, чтобы разгадать, кто есть кто, ожидание изводило и мне казалось, что Барин именно этого и добивается, чтобы проследить за моей реакцией. Одним словом, препарирует меня сейчас, как подопытную крыску. Занервничаю ли я, раскрою ли рот, залезу ли беспардонно в их диалог, а может, сорвусь и начну угрожать, дам слабину и покажу свой страх. Столько вариантов можно было бы накидать, но я не идиот. Да, ситуация мне категорически не нравилась, поскольку я в данный момент заведомо безоружен и находился в проебе. Но идти на поводу у этого лысого у меня не было никакого желания. Нужно настороженно оглядываться по сторонам и аккурат-

но ступать, чтобы тебя не подорвало на очередной мине. В данный период миной был Барин.

Что я о нем знаю? Да ни хера кроме того, что его полгорода боится и бежит как черт от ладана.

Многообещающе... По слухам. Но и как-то самому тяги нет проверять достоверность информации.

– Ладно, Барин. Поеду я.

Слышу, как Сава поднялся на ноги и снял пиджак со спинки стула.

– Возьми одного из моих водил. Виталика или Игоря.

– Да Вася должен подъехать, – недоуменно отозвался в тот момент, когда я раскрыл глаза и сощурился.

– Я сказал, возьми. Забери кого-то, чтобы поменьше мне глаза мозолили, иначе ненароком шкуру спущу, – процедил металлическим тоном, потеряв былое спокойствие.

– Ладно, – поднял Сыч руки. – Провинились? – хмыкнул друг Барина.

– Ты вроде уходил? – отодвинул пустые стаканы лысый и серьезно воззрился на него исподлобья.

– Как скажешь, – кивнул и, напоследок неприятно взглянув на меня, тихо покинул кабинет.

С первой встречи у нас с ним не заладилось. Что-то его во мне определенно напрягает.

– Ну что, Денис, поговорим? – вальяжно откинулся в кресле Барин, склонив голову к плечу. – Или, может, Туман? Как к тебе обращаться, Денис Андреевич? – потянул кривую

улыбку с непроницаемым выражением лица.

– Без разницы. Все три варианта хороши, – еле заметно прищурился в его непроглядные мутные глаза, намекая и на имя с отчеством.

– Мда, – хохотнул он и принялся за доску, чтобы вскоре убрать ее в стол. – Не ошибся я... – отвел свой взгляд и заторможенно протянул себе под нос.

В этот момент я не понял, о чем он. Потребовалось некоторое время, чтобы после нашего с ним разговора распутать клубок вопросов и ответить на каждый из них.

Я не мог предположить, что так скоро нагрянут перемены.

Только вот вопрос: нужны ли они мне?

– Если уж на то пошло, что вы знаете обо мне? – сдержанно поинтересовался я у Барина.

Меня откровенно раздражала его уверенность и невозмутимость. Он говорил так, словно приходился мне родителем. Хотя те же самые родители практически не имеют понятия, кто на самом деле их сын.

Лысый убрал нарды в стол и вновь расслабленно откинулся в кресле, наградив меня снисходительным хладнокровным взглядом, без труда удерживая на себе мое внимание. Барин будто размышлял, стоит ли сейчас вытаскивать из рукава пару тузов, чтоб раз и навсегда доказать, что он далек от шуток.

Но я и так сразу это просек. Не сидел бы я сейчас в его кабинете, в его ресторане, не привозило бы меня по первому

требованию к нему его заряженное зверье, краем уха не слышал бы его разговор с Сычевым, если бы воротила передо мной был бы простым цирковым шутом. Да и я не лох, чтобы не понять то, что он всем своим видом, короткими фразами, самоуверенными намеками банально цепляет меня на крючок удочки в надежде, что жадный щенок, не видевший хорошей жизни, раскроет пасть и заглотит наживу.

– Очень многое, – все же бесстрастно отозвался Барин на мой вопрос, положив правую руку на стол, а левую уместив на подлокотник кресла, замедленно отбивая пальцами по ровной поверхности, чем еще больше выводил меня из себя. – Например, историю твоей семьи, саму семью, во сколько ты пошел на горшок или то, что твое трико с кроссами, – указывает светло-ледяными глазами на мои шмотки, – снято насильно с парня на пару лет старше тебя. Об этом твой друг не знает? – неприязненно ухмыльнулся мне, намекая, что я не обо всем договариваю Коту, и вновь деловито приложил два пальца к виску, пытаюсь проследить за ходом моих непривлекательных мыслей. – В этом городе мимо меня и муха не пролетит незамеченной мной, не то что подросток, решивший пойти по головам ради своего тщеславия, денег, власти. Ты создал молодую группировку пацанов, – кивает головой и дарит мне веселую полуулыбочку. – Довольно успешную и стабильную. Вижу, парни тебя слушают, идут за тобой. Многие люди тебя либо боятся, либо не желают связываться, поэтому перед вами выворачивают карманы. Лич-

но ты выслеживаешь, высматриваешь у дома культуры, где еженедельно проходят дискотеки, прилично одетых жертв и раздеваешь силовым воздействием. Но тебе, кажется, мало забрать только тряпки, тебе нужно унижить или забить человека, – с неприкрытым интересом в глазах наклоняет голову к плечу и шире тянет скользкую улыбку. – Наказываешь за хорошую жизнь, Денис? – хмыкает и отводит от меня взгляд, давая возможность нехорошо на него прищуриться и сжать до боли в зубах челюсть.

Он не задает вопрос, он подтверждает факт. Не только то, что да, осведомлен о моей жизни, но и подчеркивает то, что забилося глубоко в моем подсознании.

Кот не знает, что я раздеваю фраеров, а после скидываю шмотье на оптовом рынке или что некоторые тряпки оставляю себе. Ему этого не понять. У него родичи спекулянты, и они с Ульяновкой с детства в одежде никогда не нуждались. А мне элементарно хочется кроссы, спортивные штаны, кофту, шапку. И у меня есть непреодолимое желание хорошо одеться и не выглядеть в свои пятнадцать вонючим бичуганом по жизни. Шмотки перед родителями приходится прятать, скидывать пакет у Михаси дома или еще у двух пацанов, чтобы не спалили и не устроили допрос, откуда я нарыл такие вещи, которые наша семья не в состоянии купить. Бывает, езжу им по ушам, что обувь Кот свою отдал, но и даже при этой отмазе батя как-то раз разорался на весь дом, мол, какого черта я смею побираться, ведь они меня всем обеспечивают. А у

меня нет нихера кроме стремных тряпок, которые постесняется надеть даже взрослый мужик. Вот поэтому и раздеваю и буду в том же духе продолжать, поскольку у меня будет то, что я захочу.

– Я знаю тебя уже пару месяцев – с того самого момента, как ты только принялся со своим другом воровать шапки, цацки. Осведомлен, как ты решил проблему с молодняком с района Молодежки, – поучительно с равнодушием ведет со мной беседу Барин. – Как создал группировку. Вижу, как без разбору кидаешься на всех подряд, если вычислил, что у человека имеется кэш или жирный кусок территории. Я веду тебя с самого начала.

– Я понял, – поморщился и откинулся на спинку дивана, злобно прикрывая глаза. – Для чего вам это? Что эта информация вам дает? Я так понимаю, от мусоров вы меня отмазали? – в упор вперился в него.

– Нет, – насмешливо смотрел на меня. – Мой брат. Только фамилии у нас с ним разные. Я Баринов, а он Алмазов.

– Полковник ваш брат? – внутренне охренел я, но с виду всеми силами пытался держать себя в руках и не присвистнуть.

По слухам Барин сидел. И как с такими связями он угодил на зону? Если только... если только ему самому не понадобилось там оказаться. Но для чего?

– Да, – спокойно ответил и схватился за бутылку вискаря, наливая себе в стеклянный стакан. – По моей просьбе Ал-

мазов сегодня помог тебе покинуть неприятное заведение. На самом деле ускорил срок пребывания в этих стенах, – лысый отпил янтарную жидкость и сжал губы в тонкую линию, будто смакуя вкус. – А насчет того, для чего все это мне сдаюсь... Не буду врать, ты мне понравился. Заинтересовал меня. А это удастся сделать немногим. Тем более в таком юном возрасте, как у тебя. Далек пойдешь, Денис... – медленно заключил последнее высказывание, с интересом рассматривая пойло в бутылке. – Если будешь со мной.

Вот оно... Так сразу и не сообразишь, что я ощущаю на данный момент. Но радости от его предложения я точно не испытываю. А то, что это предложение с ним работать – я в этом не сомневаюсь. Точнее, чтобы его ОПГ крышевала нашу группировку.

Захотелось тяжело выдохнуть, но вразрез этому желанию подался вперед, свешивая руки между ног, и немного замаялся, обдумывая, как тактично уточнить, чтобы он не заметил в вопросе чересчур много гонора, который так и рвется из всех моих щелей. Хотя то, как он прицельно вглядывается в мою рожу... Думаю, уже раскусил, что его слова не возымели на меня должного эффекта. А следующий его вопрос только подтвердил мои догадки.

– Что тебе не понравилось? Почему недоволен? Сделай выражение лица попроще. Я тебе не предложил кого-то убить, хотя догадываюсь, что для тебя это не будет огромной проблемой, – решил он за все время разговора съязвить

и показать свой скверный характер, пролезший через узкую щель надетой на его рожу покровительственной маски.

– А что вы предложили? Работать на вас? Или с вами? Я пока что не очень хорошо понимаю суть нашего диалога, – хотя я пиздел ему будь здоров. Все я отлично понимал, но мне нужна была конкретика, чтобы видеть все изображение картинки.

– Со мной, Денис. Я хочу, чтобы ты работал со мной, – шумно выдохнул Барин и раздраженно отодвинул от себя пустой стеклянный стакан, не отводя от меня тягостного взгляда.

Тише, Денис, тише... Думай, для чего ему это? Что он хочет от тебя? Какую преследует выгоду? А главное, что по итогу ты станешь выполнять для него? Не будь наивен, быстрее шевели мозгами. Воротила напротив не такой уж и благородный дедушка мороз, решивший облегчить тебе жизнь.

Мы смотрели друг другу в глаза, и Барин видел, как я пытаюсь сопоставить его слова со своими мыслями, найти ответы на крутящиеся в башке вопросы. И судя по его просветлевшему выражению лица ему увиденное нравилось. Мужичку импонировало, что перед ним сидит не машина, которая без разбору будет выполнять все его приказы. Он понимал, что я далеко не глуп.

– Я же могу поинтересоваться у вас, чем вы занимаетесь, Владислав Владимирович? – про себя мрачно ухмыльнулся, но на деле оставался серьезным и спокойным.

Мы с ним пристально смотрели друг другу в глаза и оба знали ответ на этот вопрос. Барин не юля одним неприкрытым взглядом говорил: ты серьезно, парень, неужели за все это время так еще и не понял? Я думаю, ты совсем не туп. А я только догадывался, что такой пронырливый человек, очевидно, связан с мокрухой, с мошенничеством, имеет свой бизнес – возможно, теневой, – и несет за плечами сундук, в котором припрятал еще уйму гнилых скелетов. И если я дам свое согласие на его предложение, то в день, по скрытой от чужих глаз косточке, буду узнавать о нем все больше, тем самым приближаться к нему на шаг.

– Конечно, Денис, – его два пальца от виска переместились на скулу, подперев голову. – Скажем так, я спонсор. Детьель, – он не улыбался, но в глазах ярко горел огонек забавы. – Помогаю таким как ты.

– Это каким же? – скабрзно ошетинился.

– Нуждающимся. Ты разве не такой? Не стремишься к хорошей жизни? Не нуждаешься в деньгах? В связях? В уважении? Во власти? – неторопливо перечислял вопросы, сполна наслаждаясь моим лихорадочным блеском ненасытности в глазах. – Такие люди, как мы, очень отличаемся от простого рабочего класса. И тыходишь в это число. Так почему бы мне тебе не помочь? Немного упростить твою поставленную перед собой задачу. Ты ни в чем не будешь нуждаться, если согласишься на мое предложение, если будешь следовать моим правилам.

Говоря русским языком, я должен быть у Барина на побегушках и безоговорочно подчиняться ему.

Значит, решил меня подмять под себя, чтоб был под его контролем? Если город – его территория, то я сомневаюсь, что ему по нраву то, что я тут развел бурную деятельность без его ведома и разрешения. Хозяин-то должен быть один, и по его мнению это точно не я. А у меня сейчас элементарно нет никаких ресурсов и связей, чтоб тягаться с ним. Такие яйца, как у него, я себе не отрастил. Не дорос, да и, что говорить, еще туп, поскольку не до конца разбираюсь в местной кухне.

Упер локоть в ногу и большим пальцем задумчиво провел по нижней разбитой губе, не отрывая своего недоверчивого взгляда от его – цепкого и прищуренного.

– Я создам для тебя и твоих парней лучшие условия. Укажу на определенную территорию, и вы без труда ее отберете. Пару раз в неделю буду отправлять к определенным людям, у которых бабла немерено, и по ситуации вы либо поставите их на счетчик, либо оставите их с дырявыми карманами, отправив на парашу. Полгода-год, и у вас будут машины, а вы в этом городе и в близстоящих районах будете неприкосновенны. Вас будут бояться, все знать, вы никогда не будете знать нужды в деньгах. Если сработаемся и не возникнет никаких претензий, я на свое усмотрение буду перспективных поднимать ближе к себе на довольно неплохую должность, – невозмутимо напевал мне в уши Барин. – Но при-

дется следовать некоторым правилам. Несоблюдение их карается жестким наказанием, – подался он вперед, складывая на столе перед собой руки.

Быть с ним означает ввязаться в полнейшее дерьмо и связать себя по рукам и ногам. Сейчас я творил все что хотел, имел свое слово, но согласившись на его приглашение однозначно потеряю прежний вес, потому что папой станет этот лысый дядя напротив. И мы оба с ним это понимали. Не факт, что на драках и грабежах продолжит строиться наша с пацанами власть. Не удивлюсь, если рано или поздно придется по указке вот этого предводителя валить людей. А глядя в эти отталкивающие ледяные глаза, верю, что так оно и будет. Дело времени. На данный момент ему нужна пехота в виде нас. Голодное отребье и жадные отморозки без морали и принципов, которые ни на что не посмотрят. Он кинет нас в отстойник грязных дел, чтоб разгребали самую черную работу. Каждый должен занимать свою нишу, и нам он заблаговременно отвел свою.

Если быть откровенным, то я бы желал избежать сегодняшней встречи с воротилой и никогда с ним не пересекаться на узкой дорожке. Но тут маячил красным огромный минус. Барину нельзя отказывать. Не стерпит. Не забудет. Пару минут назад он расписывал мне мое будущее, обещал деньги, в которых так сильно я нуждаюсь и люблю, но вот то, что случится, если я откажусь, он так и не обмолвился. Да и зачем, Туман? Понятно, что тебя уберут с дороги. Ба-

ринов решил прибрать тебя к рукам, чтобы дичь творил под его боком, а не то придется его шайке негодным. И вроде он предлагает варианты, дает мнимую свободу, но на самом деле выборанет. Создает иллюзию, чтобы заинтересоваться, ослепить и взять в оборот. Шантажировать – это не про него, а вот грязно играть – по его части. Ход только один, и это мое согласие, иначе уже завтра я окажусь прикопанным в лесочке под елочкой, а пожить еще ой как хочется. Сполна насладиться ей. Не разрухой и утопией, а жизнью, в которой всем будет управлять достаток.

– Подумай. Я тебе дам время. Пару дней, – поднял на меня спокойные глаза, в которых отражалось предупреждение и приказ. Уже приказ, чтобы не рыпался и соглашался на его условия.

А меня раздирало на части от противоречивых эмоций, как со всей возникшей ситуацией поступить и желательно осторожно слиться с темы. С одной стороны мы только встали на колени, подняли головы. Год, два, и мы бы расправили плечи, уверенно стоя на ногах. Но с другой стороны у нас уже сейчас появится крыша, связи, вседозволенность, деньги рекой потекут, запах власти начнет забивать ноздри, кружить голову и туманить глаза. Ведь я задолго до всей этой движухи претендовал на массивный лопатник. Вот он – мой шанс. Может, стоит рискнуть, поставить все на кон, чтоб взобраться намного выше, чем я нахожусь сейчас? Где-то я слышал фразу: бойся своих инстинктов, поскольку не сможешь

предугадать, куда они тебя заведут.

– Ну что скажешь, Денис Андреевич? Как тебе мое предложение? – поднялся он на ноги и не спеша прошелся вдоль кабинета, досаждая мне своим мельтешением.

– Годное, – скрипя зубами глухо отозвался, вызвав удовлетворенную улыбку на круглой роже напротив. – Но пару дней у меня есть, да? – переспросил, хоть и давал себе отчет, что это уже ничего не изменит.

– Конечно. Завтра утром будь готов. За тобой заедут мои ребята, которые тебя сейчас привезли. Скатаемся в лес, отметим день рождения нашего человека, – сложил руки на груди и вцепился в меня испытующим взглядом. – Познакомишься со всеми и облегчишь себе возможность выбора, – иронично хмыкнул на последнем, явно сказав про выбор для проформы. – Предложи своему другу войти в нашу... – задумался он с улыбкой на губах, – команду, окружение, – развел он руками, нарочито обходя верное определение их организации. – И легче вам жить будет, парни. Свободно вздохнете. Почувствуете вкус жизни. Завтра на корпоративе расскажу об остальном. Можешь идти, Денис, – сел он вновь за стол и зарылся в бумаги, потеряв ко мне весь интерес. – Виталя тебя довезет, – пробубнил последнее, не взглянув на меня.

– До свидания, – прищурился и, развернувшись к нему спиной, пошел на выход.

– До завтра, – произнес Барин таким натянутым тоном, и, казалось, исподлобья провожал меня сосредоточенным

взглядом, пока я не скрылся за дверьми его кабинета, где меня ждал Виталия с любопытным выражением лица.

Глава 9

Денис

Я не успел нажать на звонок, как дверь друга тут же распахнулась передо мной, чуть не снеся меня на лестницу. Забывшись, хотел было уже отвесить крепкий мат, но в последний момент врубился, кто в семье Котовых самый охеревший, и потому, быстро проглотив ругательства, нацепил на рожу натянутую улыбку.

– Ты с ума сошла? – отойдя от шока, хохотнул и крепче зажал Прищепку в своих руках.

Я еще не моргнул, как девчонка, недолго думая, с порога набросилась на меня и крепко оплела мое тело тонкими как спичинки руками и ногами. Хаотично гладила длинными пальчиками лицо и голову, проводя по колючему ежику волос.

– Я очень испугалась за тебя. Стало так страшно. А я даже выбежать не успела. Нет, я выбежала, но тебя уже и след простыл. А я еще не научилась так быстро бегать. А потом места себе не находила. Столько мыслей в голову лезло. Но что я могу сделать...

– Так! Стоп! – отклонил назад голову, чтоб встретиться с ее заплаканными красными глазками редкого цвета и перебить ее невнятный сбивчивый стрекот. Она мертвого уломает вернуться с того света. – Чего ты перепугалась? Все же хо-

рошо, – освободил руку и прикоснулся к ее медовым мягким локонам, выразительно заглянув ей в глаза. Натянутую улыбку подкрепил показательной радостью, стараясь убедить маленькую, что зря волновалась.

– Она видела, как ты в машину сел к чер... – раздался из коридора глухой голос друга. Кот оперся об косяк плечом и, задумчиво вглядываясь в нас, едва успел тормознуть свою речь. При Ульянке мы лишний раз старались не выражаться да и не посвящать ее в наши дела. В целом на данный момент она не имела и малейшего понятия, с кем обнимается и живет.

– Кто это? Что это были за люди? Почему ты сел к ним в машину? Я их никогда не видела и точно могу тебе сказать, что это не друзья твоих родителей! – в очередной раз закидала меня вопросами, зажав мои щеки своими теплыми ладошками. Смотрела мне прямо в глаза своими прищуренными, в надежде расколоть меня, как скорлупу ореха.

– Может, это мои друзья? Или знакомые? – коротко хохотнув, предположил и поддел ее, с недоверчивым выражением лица, за кончик носа.

– Врешь ты все! Я же сама не своя ходила пару часов! Тебе не стыдно? Кто это был с тобой? – сквозь зубы решила надавить на следующую педаль Прищепка, сменив рычаги воздействия на меня.

– Конечно стыдно! Я же не знал, что ты видела меня. Так бы мы остановились и я все тебе объяснил, – в шутливой

манере отмахнулся от ее последнего вопроса и уже без наигранности засмеялся ей в лицо, а она, взбесившись, зажала мне нос, решив расправиться со мной при помощи сливы. – Аааа, – деланно страдальчески завыл, захлебываясь одновременно смехом. – Ну прости. Прости, – фыркнул и вновь к себе подтянул, крепко зажимая ее хрупкую талию.

– Вот зачем ты сбрил свои кудряшки, Денис? – разочарованно прошептала мелкая мне в ухо, вызвав приятные мурашки по всей шее, которые вскоре побежали вдоль позвоночника. – Ты же знаешь, что даже с новой стрижкой всегда для меня будешь Кудрявым? – облегченно прерывисто вздохнула она, продолжая указательным пальцем водить по моему колючему ежику волос.

– Знаю, – неслышно ответил, взглядываясь в серьезное лицо друга.

– И кстати, не одна я переживала. Максюша тоже! И ему не понравилось, что ты сел в машину, – оторвалась от меня Прищепка и с лукавыми острыми искрами в опухших глазах сдала с потрохами своего брата.

– Липучка, ты у меня сегодня допросишься! – рыкнул Кот позади нее, подавшись к нам, но мелкая, находясь на мне, не могла этого увидеть. И только после того, как нашкодила, издевательски захихикала.

– Что это за дрянь на тебе? – я нахмурился и двумя пальцами потер скулу девчонки, которая вмиг сбросила с себя веселье и возмущенно уставилась на меня. – Что? – вылупился

на нее, а когда посмотрел на свои окрашенные в каком-то дерьме пальцы, догадался, что эта маленькая глупышка снова решила покуролесить и пустить в ход свое обаяние.

– Отпустил меня быстро! – с потухшим взглядом досадно процедила, пытаясь вывернуться из моих рук. Крутила головой, отводила взгляд, чтоб не заметил, как естественный румянец окрасил её круглое миловидное, еще детское личико.

– Да что я не так сказал? – взбесился, когда эта стрекоза вырвалась из объятий и вихрем полетела в сторону комнат. – Ульяна?! – гаркнул на нее и сделал шаг вглубь их квартиры.

– Пошел к черту! Слышал?! Туда, где ты был! Дылда невежественная! – разоралась она и с силой захлопнула за собой деревянную дверь комнаты.

– Что не так? – прошептав, раздраженно развел руками, когда посмотрел на Кота, который устало прикрыл глаза.

– Не обращай внимания. Ты ее не знаешь, что ли? Что не час, то новое настроение. Она и мне тут устроила концерт по заявкам, пока тебя не было. Переходный возраст, что ли... – поморщился Кот. – Пошли, – указал головой в сторону кухни, но я отрицательно мотнул башкой.

– Нет. Пойдем на площадку. Не хочу в квартире, – неслышно отозвался, вглядываясь в дверь, за которой спряталась Прищепка.

Только благодаря этому несносному бешеному урагану в лице мелкой получилось избавиться от странных мыслей, которые крутились по дороге домой после встречи с центро-

ВЫМ.

– Ну пошли... – согласился Кот и похромал на лестничный пролет.

– Мелкая, я ушел, – крикнул я Прищепке, считая, что сейчас перебесится и выбежит, но эта зараза вдобавок ко всему что-то запустила в дверь с той стороны, посылая меня нахуй. – Вот же стерва малолетняя. Помимо всего, лет через пять еще будем печься о ее безопасности. С таким-то характером точно кто-то голову захочет открутить, – с кислой рожой бубнил себе под нос под тихие смешки друга.

А впоследствии было не до шуток и веселья, когда сидя на лестнице вновь погрузился в настигнувшие мысли, вымазанные в параше, и приглушенно вполголоса пересказал другу встречу и разговор с аборигеном.

Макс нервно, хромя на больную ногу, наворачивал круги в подъезде, а я, вымотанный за весь ебучий день, правой рукой задумчиво потирал сзади шею.

– Макс... – с шумным вздохом завел опять разговор. – Угомонись. Тебе не стоит переживать. Не лезь больше ни в какие дела. На этом наши с тобой пути расходятся, Кот. Все будет нормально.

– Нормально?! – кинулся он на меня, схватив за грудки, и зло прошипел в лицо. – Ничего уже не будет нормально! Он не вызвал одного из наших к себе или не упомянул о них. Только ты и я.

– Не заводись! – недовольно предупреждающе блеснул на

него глазами и отцепил его лапти от себя. – Ты еще ни во что не ввязался. Поверь мне, сейчас ты можешь развернуться и свалить. А потом уже нет. Там уже не ты будешь решать, а за тебя, Кот. Хочешь ты того или не хочешь. Поэтому вали и иди в отказ, если к тебе подвалят. Подумай об Ульянке, – смерив Кота неприязненным взглядом, остудил его пыл.

Поморщился, сделав последнюю затяжку, и затушил бычок о подошву кроссовка, медленно выпустив дым из легких.

– Ну ты тоже можешь отказаться от предложения! От всего! В чем проблема, Туман? Ты думаешь об Ульянке, но о своем брате или родичах не задумываешься... – сев рядом со мной на лестницу добавил он холодным тоном.

Размеренно выдохнул с закрытыми глазами и зажал переносицу, пассивно качая головой.

– Кот, я вот, бывает, до сих пор твоей наивности поражаюсь. Сколько можно уже? Ты, прежде чем пиздануть глупость, можешь хоть иногда задумываться, что ты несешь? – заиграл желваками от внутренней злобы и проникающего в нутро колючего холода, который неприятно ворошил тягостные мысли. – Хватит ныть и есть мой мозг! – огрызнулся на него.

– А че не так, а? Я хочу услышать вразумительный ответ от тебя! К черту весь этот движ! Все. Ты понимаешь, что с сегодняшнего дня начались серьезные терки?

Я посмотрел на него, как на дурачка, не веря себе, что передо мной сидит мой друг.

– Тебе че, репу проломили, Кот? Ты сегодня хуже обычного соображаешь. Я еще раз говорю: думай, что ты несешь! Для меня весь наш замут с самого начала не был движом, как ты выразился, – поднялся на ноги и повернулся к нему лицом, склоняясь к его роже впритык, чтоб яростно зашептать. – Ты понимаешь, если я откажусь – меня устроят?! А возможно, не только меня, но скосят еще и определенное число наших пацанов. В это числоходишь и ты! – прищурившийся Макс внимательно впитывал мои слова. – Прикинь мысленно всю суть, которую я перед тобой сейчас выложил. Я мишень! Ты мишень! Михася! Стриж! Куча наших парней. Мой отказ – и он может истребить нас всех. Ты понимаешь это? Доходит до тебя? – покачнулся вперед на одной, выставленной на лестницу, согнутой в колене ноге. – Я не могу послать его куда подальше. Не могу сказать нашим парням, чтоб мы дали им отпор. Я адекватно оцениваю наши силы и ресурсы. Мы сейчас по сравнению с ним одним – никто! А в его руках – криминальная власть! В друзьях – вертушка нашего честного правительства, а в родственниках – руководство доблестной милиции. Это не шутки! И кто мы?! Голодные чумазые щеглы, у которых оружие – это руки и железо. Я слишком много сил вложил в свою затею, чтоб после всего, после первых трудностей вот так слиться, опустив руки. Одно дело, если бы я был один сам по себе, и другое, когда за моей спиной стоит пара десятков пацанов. Я не херов благодетель, но они мне поверили, доверились, пошли за

мною. Такие же голодные, жаждущие лучшей жизни. Мне не впервой, Макс. Я как-нибудь, да выкручусь. Иначе все было впустую. А при таком раскладе я себе этого не прощу. Я себя после всего не буду уважать. Ссыкуном не был и никогда не стану. Слава богу, эту роль отвели для моего нерадивого братца. Но будем откровенны, – безрадостно хмыкнул в его стеклянные глаза, в которых клубилось черт знает что, а сам он пребывал в ступоре, – ты с первого дня был в темах лишний, потому что с детства ни в чем не нуждался. Похер на твоего родного отца, который бросил твою мать и укатил хрен знает куда. Плевать на твоего отчима, который пиздит тебя, потому что ты с ним не можешь спокойно ужиться. Он, во всяком случае, обеспечивают всю вашу семью. И мне насрать, каким способом он добывает бабки, но вы с Ульяной не голодные и ни в чем не знаете нужды. И сейчас я тебе говорю: забудь обо всем и живи, как жил до этого. Потому что это последний шанс, чтоб передумать, – об этом всю вопила моя интуиция. – Нас могут грохнуть. Мы рано или поздно кого-то можем замочить. И я не собираюсь тратить время на разборки с твоей совестью. Я не хочу, чтобы в один прекрасный день по нашей вине что-то произошло с мелкой.

– Туман, для чего мы ему понадобились, как думаешь? – обрел дар речи Кот.

Сложилось впечатление, что он будто и не услышал меня от слова совсем.

Для кого я тут распинаюсь?

Ты ему не отец, Туман. Если не прислушивается и нет мозгов – значит, пусть распоряжается своей жизнью сам.

Сорян, друг.

– Мы для него батрак. Чего тут думать, – с безразличием высказал свою точку зрения, присев на корты.

– Туман, у нас изначально была договоренность. Мы будем вместе, – настойчиво заключил Кот.

– Ты все же идиот. Какие договоренности? Ты понимаешь, что на кону стоит твоя жизнь? – лениво ответил, зависнув взглядом на обшарпанной стене подъезда. – И не только твоя, но и многих других. Не будет всегда гладко.

– Осознаю я все, – на выдохе объяснил он. – Также понимаю, что родаки в наше время заколачивают хорошие бабки. Накалывают многих людей. Рубят зелень. Барин не вызвал меня к себе, но упомянул в разговоре. Почему?

– Потому что понимает, что я тебя буду отговаривать, Кот. Знает, что и я не в восторге от его предложения. Но выбора нет.

– Вот и я об этом. Допустим, я отказался, но в ответ за это пострадает моя семья. Он их в этот же момент наебнет. Если у него такие связи, если он занимает высокое положение в криминальном мире, то он ознакомлен со всей подноготной каждого из нас. Мне не плевать на свою мать и сестру, как тебе, Туман.

– Мне тоже не плевать на твою сестру, – саркастично заржал.

– Давай я завтра поеду с тобой... – перебил мой иронич-
ный смех друг.

Я повесил голову и впился взглядом в грязные носки сво-
их кроссовок.

– Это окончательное решение?

– Абсолютно. Не только из-за семьи. Я и сам не прочь за-
нять тепленькое место. Помимо тебя, Туман, еще и другие
люди могут любить красивую жизнь. От Гены, – имел в ви-
ду своего отчима Кот, – мне и рубля не надо. Пускай пидор
свои бумажки свернет в трубочку и засунет в очко.

– Завтра поеду сам. Он говорил только за меня. Нечего
лезть раньше времени. Завтра осмотрюсь и лучше пригля-
жусь к нему, – а следующую фразу произнес тише обычно-
го. – Хотя толку в этом нет никакого. Ладно, расход, – встал
на ноги и медленно пошел по ступеням, поднимаясь вверх на
пару с плетущимся рядом со мной Котом. – Нужно выспать-
ся. Неизвестно, чего ждать от завтрашнего дня.

– Зря ты оказываешься, – задумчиво заметил Макс.

– Это не поможет в любом случае. Сам сориентируюсь по
ситуации. Пока что мы точно ему нужны.

Хотя глубоко внутри рождалась странная и незнакомая
дрожь. И не понять, то ли это из-за завтрашней неизвестно-
сти, то ли из-за моей пронизательной чуйки, предсказываю-
щей скорую подставу.

Глава 10

Денис

– Братва! – на открытом пяточке в лесу пронесся звонкий свист одного из пацанов Барина, пытавшегося привлечь внимание группы отдыхающих. – Пацаны! Внимание! Слушайте меня! Давайте сюда, ближе ко мне! – довольно коренастый спортивный парень навеселе подзывает всех нас рукой, желая произнести тост с пластмассовым стаканчиком в руках под громко долбившие из магнитофона слова шансона: *в рюмочке коньяк налит – со свиданьем. Вроде бы откуда новая посуда? Но соседка этим гостем дорожит: то поправит скатерть, то вздохнет некстати, то смутится, что неострые ножи* (прим. с. Шуфутинский). – Нечай, ты тоже поближе с камерой! Сними меня! – вдогонку крикнул заводила шкету с рожей кирпичом и пижонскими замашками, пару часов не выпускающему видеокамеру фирмы «Sony». – То, что мы здесь все собрались, – басит на всю округу он и окидывает всех нас рукой, в которой держит стаканчик с водкой, – это очень хорошо! Да еще и повод такой! Во-о-орон! – отвлекся он и свистнул имениннику, говорящему поодаль от нас с Бариним. – С Днем Рождения, брат! Мы все тут ради тебя! – вытянул вверх руку с горячим, заставив Павла Воронова – именинника – криво улыбнуться и аналогично поднять руку, только с шампуром готового мяса.

– Прохор, брат, спасибо! – здоровый боров отсалютовал и зубами стянул с шампура кусок свинины. – Кончай свой репортаж! – заржал виновник торжества с набитым ртом, подходя к весельчаку.

– Да брось, братан! Ты стал на год старше! Гулять так гулять! Папа ведь не против! Да, Владислав Владимирович? – он громко заискивающе поинтересовался под дружный гогот всей шайки, прежде чем запрыгнуть на голую спину Воронова, задорно зажав его шею в захвате.

– Сегодня разрешаю... – откликнулся насмешливо Барин, прикуривая сигарету.

– Ооо, а вот и Виталя привез пенное. Ништя-я-к! – если мне не изменяет память, это был Артем, который с облегченным возгласом начал потирать руки в предвкушении.

– Принимаем! – выкрикнул водила, толком не успев еще выйти из тачки.

Артем на пару с еще одним неизвестным мне персонажем кинулся к Витале, забирая из его рук трехлитровые банки светлого разливного пива.

– Све-е-еженькое. Э-э-э! Наперсточник, давай сюда! – подзвал водила еще одного веселившегося фраера из местного сброда.

А я, встав немного поодаль от всех, каждого шупал внимательным взглядом, вот уже два часа пытаюсь понять, кто есть кто.

– Не гони пургу! – загоготал один из них и отвесил собеседнику в шуточной форме подзатыльник.

Несмотря на отвратительную сырость и пасмурный небосвод, пацаны были в хорошем настроении и разделись по пояс до спортивных трико. Угорали, кто-то даже танцевал, ко-

зыряли своими выдающимися способностями, на понтах вели ни о чем разговоры о братве и обсуждали сегодняшний вечер: где как положено случится продолжение банкета с их телками и шлюхами, но уже в Каширском, у Барина в ресторане.

Я до сих пор не понимал, какого черта здесь нахожусь. Кусок в горло не лез, а уж пить и подавно не собирался, поскольку потерять в данном обществе бдительность было бы скудоумным поступком редкостного лоха. Вот и оставалось что курить и подозрительно наблюдать за движухой группировки Барина. Явно не всей. Предполагаю, что весомые гости появятся в том самом ресторане центрального. А тут собрались рядовые участники группировки, которые ищачат на него день и ночь, но стоит отдать должное Барину – он был со своими людьми, хоть и не особо сильно контактировал с ними.

Прищурившись, отстраненно сделал последнюю затяжку и щелчком пальцев отбросил бычок. Сплюнул в сторону и, обхватив последний раз взглядом толпу, не спеша направился прочь от шумного застолья вглубь леса. От понимания, что я прихожусь пушечным мясом для своры волков на открытой местности, становилось муторно и не по себе. Совру, если скажу, что, прежде чем покинуть квартиру, не прихватил нож с кастетом. Только толку от этого? Что я против сорока зверей? Один взгляд лысого воротилы или его приказ, отданный своим бойцовским псам, и они от меня мокрого

места не оставят.

Отдалился на приличное расстояние и тормознул в глуши, куда с трудом доносились отголоски базара зверья. Только запрокинул голову назад и сделал облегченный вздох, как неожиданно позади раздался глухой звук, похожий на треск сломавшейся палки. Напрягся и тут же резко оглянулся, наталкиваясь глазами на идущего в мою сторону улыбающегося Барина с пустой чебурашкой в руках. Вспышка недовольства мгновенно отозвалась во мне, заставляя исподлобья враждебным взглядом ощупать мордovorота на наличие при нем оружия.

– Денис, все справляют день рождения. Ты уже пару часов в нашей компании, а так до сих пор не можешь расслабиться и отдохнуть? – с интересом в глазах поинтересовался он, когда возник рядом.

– Это не меняет сути, Владислав Владимирович. Я никого из вас не знаю, – непонимающе свел брови, заметив, как Барин пропускает мои слова мимо ушей, крутя по сторонам головой, явно что-то выискивая.

– Как это не знаешь? Ты ведь познакомился с нашими мужиками? – крайне неприятно прищурился он, высмотрев что-то неподалеку.

– Этого слишком мало для доверия, – без эмоций высказался я.

– Вот потому ты мне и нравишься. Умен не по годам, – последнее тихо проговорил, когда двинулся вперед, где что-

то заметил для себя.

Я обернулся и стремительно пробежался глазами вокруг, считая, что кто-то из его людей наверняка может следить за нами, затерявшись в густо посаженной растительности. А когда развернулся обратно, увидел, как Барин ставит ту зеленую бутылку, что притащил с собой, на высокий пенек ныне спиленной ели. Воротила, рассчитав что-то у себя в голове, потянул довольную улыбку и вновь вернулся ко мне.

– Может, уже не будете ходить кругами, а скажете наконец-то, чего добиваетесь от меня? – сжал больно зубы.

– Так я же вчера тебе все четко дал понять, – вскинул он брови, удивившись моему вопросу.

Я молниеносно запустил руку в карман со складным ножом, когда Барин параллельно мне завел свою руку за пояс спортивного трико с олимпийкой.

– Угомонись, – он успокаивающе выставил другую клешню, но вторую так и оставил за спиной. – Вытащи руку из кармана, – жестко отчеканил Барин.

– Не-е-е, я не дурак, Владислав Владимирович. Сначала вы. И давайте без резких движений, а то я уже начинаю нервничать.

– Ты и не переставал, как только здесь появился. Денис, я сказал, руку вынь. Если бы я хотел тебя убрать, поверь, я бы с приглашением не заморачивался и сам бы не марался. Для этого имеются другие люди, – усмехнулся, глядя мне в глаза своими опостылевшими, прямо сказав, что для него такие

ситуации не впервой.

И не зря я напрягся. Стоило мне оттянуть руку от кармана, как Барин вытащил из-за пояса ПМ* (Пистолет Макарова) и протянул его мне. Боевой ПМ, как я догадался с первого взгляда на девятимиллиметровое дуло пистолета и затертый номер.

– Не понял... – как баран, словно в первый раз уставился на огнестрел.

– Чего ты не понял? Не стесняйся. Бери ствол. Я слышан о твоих способностях. Вот решил проверить, лгут или говорят правду.

Взглянул на него исподлобья, осознав сейчас, что даже про такие мелочи, как редкая стрельба с отцом, ему доложили.

Батя меня пару раз брал в свою воинскую часть и не единожды ходил со мной в тир, готовя с детства, по его мнению, к службе в органах. Чем лишний раз напоминал о наших в корне разнившихся желаниях и несовместимости.

Барин прямым металлическим взглядом побуждал меня к решительным действиям, пока я боролся внутри себя с захлестнувшим меня азартом, который не укрылся от центрального. Оружие я любил. Очень. И это единственная страсть, которая изредка сближала нас с батей. Поэтому стоило мне прикоснуться двумя пальцами к холодной стали пистолета, не заметил, как уже держал в руках ПМ, оперативно проверяя магазин, патроны, предохранитель, не забыв пере-

дернуть затвор и на вытянутых руках удобнее перехватить ствол, прицеливаясь к бутылке под ироничный смешок сбобку, который дал возможность опомниться и прийти в себя.

– Лихо, Денис... – пока голос Барина доносился до меня будто издалека, сквозь звонкий гул в башке, я ощущал, как липкий холод манил меня, парализовал, а знакомые чувства наполняли замерзшее нутро. – По моей команде... – мертвая тишина, и даже не было слышно птиц. Ог... – не обратив внимания на его слова, я, купаясь в эйфории, совершил глубокий вдох и одиночный выстрел, заставив вспышкой вылететь пулю из дула пистолета.

Мощная отдача с запахом жженого пороха, мгновенно забившегося в ноздри. Раздался оглушительный хлопок не только выстрела, вынуждая прикрыть глаза, но и разбитой, стоявшей на пне чебурашки, которая осыпалась осколками на землю.

Весело усмехнулся. Стопроцентное попадание.

– Огонь, – вполголоса раздался грубый бас Барина, прогнав морок перед глазами. – Я сказал, по моей команде!

Не глядя на него протянул ему ствол и непринужденно передернул плечами.

– Увлёкся.

– Впечатляюще, Денис Андреевич, – нехотя признался авторитет и на пятках развернулся в сторону отдыхающих. – Со мной в машине поедешь, – отрезал он, отдав первый приказ.

Я же злобно прищурился ему в спину и поскрежетал зубами, только что не плюнул вдогонку ублюдку.

Хуй тебе вонючий, а не псина послушная.

– Идем! – не оборачиваясь, выкрикнул, словно и так знал, какое на данный момент у меня выражение лица. – Закругляемся!

А через час с небольшим, когда мы выехали в город, тачка Барина остановилась с другой стороны леса. За руль сел Виталья, я устроился на пассажирском месте, а Барин был позади нас на заднем.

– Денис, в багажнике лежит спортивная сумка, – непридуманно безэмоционально завел разговор Барин. – Мне нужно, чтобы ты ее сейчас взял и отнес в лес. Прямо по этой тропинке, – сложил он свой палец и указал черным перстнем в нужном направлении, – будет вырыта небольшая яма. Скинешь сумку туда и замаскируешь спиленными ветвями елей. Завтра сюда вернешься с Виталей и заберешь ее. Дальше указание дам тебе, Виталик. Услышал? – обратился к своему водиле мордоворот, решивший всё же провести со мной известную только ему схему.

– Понял, Владислав Владимирович, – неслышно откликнулся его ишак.

– Денис, кого ждем? – перевел стрелы теперь уже на меня. – Или ты что-то не понял? Мне тебе еще раз разжевать? – начал он беситься и выходить из себя. Но только мне вот казалось, что это определенно напускное.

– Нет, – окрысился сквозь зубы.

– Так вперед. У меня сегодня еще дела и нет времени здесь часами высидывать, ожидая, когда ты проведешь с собой психоанализ.

Пулей вылетел из тачки, направившись к багажнику, а вскоре в лес, как было велено.

Велено, мать твою, Туман! Для чего? Похер, если бы я должен был сумку только скинуть, но для чего ее завтра забирать? Чтобы она просто полежала, или, может, другие фраера за ночь все-таки что-то в ней поменяют?

Из-за взрывающих голову мыслей я не смог не залезть в сумку перед тем, как кинуть ее в яму. И лучше бы я этого не делал.

Да тут целый арсенал... три ПМ, два ТТ, автоматы и снайперская винтовка.

– Сука! – присел перед содержимым на корты, раздраженно потирая большим пальцем нижнюю губу.

Вывел меня из потерянного состояния протяжный гудок автомобильного клаксона, предупреждая, что уже порядком задерживаюсь. И сколько я так уже сижу, хер проссышь.

Вскочил на ноги, быстро застегнул спортивную сумку, сделал все, как было сказано, и рванул к ожидающей меня машине.

– Приедешь в ресторан в восемь? – задумчиво осведомился у меня Барин.

Понятно, что Виталя будет с ними.

– Нет, – твердо ответил, взглядываясь в боковое окно со своей стороны.

– Хм, – весело усмехнулся позади фраер, а Виталя, похоже, опешив от такого неприкрытого бестактного тона, не выдержал и повернулся ко мне, попав в маяк моего бокового зрения.

А на следующий день, как я и предполагал, сумки на том месте не оказалось. И то ли это из-за моего гонора, то ли из-за моей чуйки, которая предостерегала, что конкретно быть беде. Не может пройти все так гладко. И я не буду удивлен, если этот сукин сын кинул в ту сумку ПМ, который я с удовольствием со всех сторон облапал, оставив свои пальчики.

Нет. Вот теперь нет никакого выбора.

Глава 11

Денис

– Спрашиваю еще раз: где сумка, Денис? – расслабленно допрашивал меня мурло в своем кабинете по приблизительным меркам час с небольшим. Барин, удобно расположившись на том самом чертовом кожаном диване, на котором пару дней назад сидел я, скрестил с моим насмешливым взглядом свой чересчур спокойный.

Кровь била по вискам и текла по подбородку, пока я как говно в проруби барахтался на полу на глазах довольного собой лепилы и его шныря по кличке Бритва, поскольку Барин осуществил свой крысиный замысел так чисто, что не подкапешься.

Если вначале я еще терялся в догадках, мыслями был в том лесу у проклятой ямы, то стоило тенью забрести сегодня в его кабинет, все стало на свои места и я понял, что эта залупа заранее до мельчайших деталей спланировала всю ситуацию.

Ну а на что ты надеялся, Туман? Вроде еще не дегенерат и понимаешь, что жестокая реальность с запахом гнилья перемальывает нас, тупых животных, через мясорубку жизни вместе с костями.

– Интересный у вас подход к людям, которых хотите сделать своими, Владислав Владимирович, – довольно протянул с вызовом в глазах, вынудив Барина своим наглым видом податься вперед и скрестить пальцы между широко расставленных ног.

Я открыто усмехнулся уголком окровавленного рта, глядя на него в упор, не обратив никакого внимания на его пытливый прищуренный взгляд.

А ты что думал, муфлон? Решил, что я сопли тут стану разводить, если вы меня здесь попинаете, или считаешь, что если надавишь на меня, я тут же посыплюсь и упаду тебе в ноги, умоляя не трогать?

– Простимулируй, Рома. Шибко наш гость разговорчив, – медленно поднялся Барин на ноги с ледяной улыбкой на губах, как и отражение его голубых глаз.

Лепиле дважды повторять не пришлось. Рома, то бишь широкоплечий двухметровый Бритва, стоящий цербером

надо мной, не дав подняться, сходу подошвой своего мощного ботинка прописывает мне в дыхло, а затем в печень, тем самым отшвыривая к противоположной стене кабинета.

– Где сумка, Денис? – в очередной раз завел Барин пластинку под мой громкий кашель. – А может, это твои недоброжелатели? Думаю, их у тебя много. Хотя вор ты беспредельный. Увидел, что там стволы, и рассудок заволокло множеством нулей. Ты же прикинул, сколько бы тебе приплыло бабла, если бы ты их скинул? Твой дружок и тут бы нашел перекупщика. С такими-то генами грех ударить лицом в грязь, – потешался шакал, пока я хватал ртом воздух, потирая рукой солнечное сплетение.

Во мне все больше зрела уверенность, что это его рук дело. Я с первой с ним встречи просек, как он загорелся подобной идеей прибрать нас к своим рукам. И в данный момент у него все на мази. Надо быть полным фуфелом, чтоб не склеить меня сейчас. Все козыри в его карманах.

Сплюнул кровь и, мерзко сузив глаза, обернулся к ишаку, который поднял на меня ногу.

– Ты че, сука, так палишь? Еще хочешь? – взбесился он, процедив по слогам.

– Я не советую тебе со мной связываться, – я ухмыльнулся с задорным воодушевлением в глазах.

– Ты попутал, малолетка? – бросился Бритва на меня, и я в этот же момент резко перекатился на полу, в мыслях уже выстроив цепочку своих действий.

– А ну прекратили! – рявкнул Барин, но было уже поздно. И он это просек в тот же момент, когда в моих руках блеснул нож. – Денис! – гаркнул он на весь кабинет, с грохотом опустив свою руку на стол.

– Давай проверим, кто из нас малолетка, пидрила, – задыхаясь, оказался возле ног борова и не мешкая всадил нож в икроножную мышцу вновь замахнувшейся ноги.

– А-А-А-А! – заорал он, тогда как я подскочил и приставил нож к его горлу, надавливая холодное лезвие до такой степени, что мгновенно почувствовал теплую струйку крови на своих пальцах и металлический запах в засвербевшем носу.

– Ну че ты язык проглотил? – поинтересовался у мрази, дернув сильнее на себя.

– Отпустил его быстро! – совсем иным тоном заговорил Барин, вглядываясь в мои неживые стеклянные глаза. Думаю, он понимал, что нажми я еще немного, и сегодня с его кабинета вывезут труп.

– А может быть, вы перестанете чесать языком, Владислав Владимирович? – раздался в тишине кабинета мой хриплый глухой голос. – Хватит в одну рожу разыгрывать спектакль. Мы оба с вами понимаем, у кого находится сумка! Но спасибо за урок. Я его на всю жизнь усвою, – я безразлично хохотнул, глядя в его непроницаемую застывшую харю.

– Я сказал, отпустил его! – медленно повторил центровой. – Иначе вместо одного по моему окрику сюда залетят

десять пацанов и забьют тебя так, что еще нескоро сможешь мочиться, как следует. Тебя скинут возле параша, а на твое место без особых усилий я усажу Котова Максима. Вот только он мне не нужен. Мне нужен ты. Поэтому спрятал нож, и больше чтоб я никогда не видел его направленным на своих людей, – наклонил Барин голову набок, ожидая моих действий, а точнее, незамедлительного послушания его песика.

Что, Туман, придется примиряться с самим собой и мыслями, что появилась туша, раздающая указания, которые ты обязан по первому его требованию выполнять?

Звучно хмыкнул и потянул края рта в отталкивающей улыбке. Перетопчешься, сука. И ответ мой был написан в глазах, по которым безошибочно читал Барин.

– Еще раз дернешься, и я тебе перережу глотку, – не отрывая взгляда от воротилы, прошептал в ухо Бритве, недовольно скрипящему челюстями.

– Прекращай бастовать, – продолжил Барин, присев на край своего стола. – Ты все равно будешь делать то, что я тебе скажу, – погано ощерился он. – А если вдруг не станешь, то тебе придется совсем не сладко. Сумки нет. Стволов нет. А это деньги, и очень большие. Поэтому, хочешь ты или не хочешь, но при любом раскладе будешь на меня работать и отрабатывать каждую копейку.

– Да что вы? Как вы мягко стелете... Только вы забыли добавить, что если пойдет что-то не по вашему плану, то мои пальчики на ПМ тут же всплывут в ментовке на каком-ни-

будь богом забытом всяке.

– Все может быть, Денис, – открыто разулыбался лепила, подтверждая все мои мысли, доказав, что он сыграл со мной в крысу.

– Вот теперь можно и откровенно поговорить, а то порядком мне приелись ваши сказки, – оттолкнул от себя Бритву, который только этого и ждал, чтоб ответить за свое унижение.

Он сходу молниеносно развернулся, не обращая внимания на раненную ногу и горло, и правым боковым мощно въебал мне в рожу, повалив на задницу.

– Притормози, Ром.

– Что? – Бритва удивленно оглянулся на Барина. – Владислав Владимирович, у этого отморозка напрочь отсутствуют тормоза. И я с этой неуправляемой шавкой должен еще быть аккуратнее? – разъяренно выразил недовольство пацан, когда я вскочил на ноги. – Он не видит берегов. Понятия не имеет, где можно свой рот открывать, а где нельзя! – на последнем уже обратился ко мне, гаркнув в мою перекошенную от злости рожу.

– Я сказал, притормози. Не дави на него. Молодой он еще. Пару недель совместной работы, и все встанет на свои места, – уверенно заключил Барин мне в глаза, считая, что я пересрუსь. – Вытрись, – досадно скривившись, он швырнул мне платок на стол, а я после его слов показательно стер рукавом олимпийки с подбородка стекающую с разбитой губы

кровь.

Мурло прищурился, раздраженно застучав ручкой по столу.

– Рома, ты свободен. Оставь нас наедине, – позволил Барин покинуть кабинет.

– Как скажете. Я, если что, за дверью, – ишак без оглядки направился на выход.

– Слышь? – окликнул я его.

– Че хотел? – брезгливо оглянулся на меня.

Засунул правую руку в карман, заставив его напрячься и сощуриться, но вытащив через секунду руку с выставленным средним пальцем, уже наблюдал враждебный оскал с обещанием скорой расплаты в глазах.

– Ой, ошибся, приятель, – оглядел свой фак и снова засунул руку в карман, издевательски рассмеявшись.

– Мне долго ждать? – заорал Барин. – Я, сука, сейчас разьебу вас обоих! Нахуй мне сдался детский сад!

Секунда, и раздался оглушительный хлопок двери, стерев с обзора Бритву.

– Значит, слушаешь меня! И делаешь то, что я говорю! Если я сказал «по моей команде», значит, по моей! – яростно басил на весь кабинет, похоже намекая на вчерашний инцидент, хотя и сегодня их было предостаточно.

– А я должен? Нужно оно мне? Играете вы нечестно, Владислав Владимирович!

– А я тебя уже не спрашиваю! Хочешь поломаться – ва-

ли к телкам, – встал он с рабочего кресла и направился ко мне. – А мне ты торчишь немаленькую сумму зелени. Найдешь в ближайшие два дня? Вали нахрен. Нет? – улыбнулся счастливо, трезво понимая, что я столько бабок не найду за такой короткий период. – Значит, работаешь на меня! Это ясно? – выбросил руку и схватил меня за горло, перекрывая кислород. – Ты! Работаешь! На меня! – наклонился ко мне, проговаривая фразы, как недоразвитому идиоту. – Подумай о своей семье. Она ведь есть у тебя, – наклонил голову набок, отслеживая мои эмоции, которые я пытался погасить и не показывать. Он не должен был нащупать тех людей, которые мне дороги на самом деле.

Людей? А может, все же она одна, Туман? Макс в состоянии за себя ответить... У того своя правда в башке.

– Говорите, что нужно делать, – понизив голос, отреагировал и дал согласие, которое с самого начала и не требовалось.

– Вот так-то лучше, Денис. Так бы сразу, – отпустил меня и сделал пару шагов назад, идя спиной вперед. – Запомни-най каждое слово, – уместив свою жопу на край стола, принялся объяснять свои схемы. – Вы. Ты и твой костяк, который тщательно проверишь, поделите город на территории. Для меня он уже поделен. Нужно, чтоб для всех расчертил границу именно ты и твои парни. Каждый должен знать вас в лицо. Вас должны воспринимать как отдельную от меня группировку. Вас должны бояться! Вся организация должна

знать своих и не должна принимать чужих. Залетных на вашу территорию – забивать, – монотонно вполголоса твердо чеканил слова Барин. – Ни при каких обстоятельствах друг друга не бросать. Чтобы ни происходило. Никогда и нигде! Иначе незамедлительно ты и все парни из группировки приводят наказание в исполнение.

– Какое? – развернулся и пошел к дивану.

– А ты как думаешь? Предателей уничтожать! – выразительно на меня взглянул, приподняв насмешливо бровь. – Это для всех станет уроком. Дисциплина должна создаваться жестокой! Железной! Неудобных, оступившихся ждет смерть! За употребление алкоголя или наркотиков – смерть! За треп – смерть! За ошибки во время операции – смерть! Мы не в детском саду. Это взрослые игры, и тут мы идем до конца! Не подчинишь их, не сможешь расставить границы, не будет слаженной организации или субординации – значит, херовый ты мастак, как и твоя группировка.

Я с неподвижным взглядом откинулся на спинку дивана и переваривал у себя в башке все сказанное, пересматривая полностью свое нынешнее отношение к пацанам.

– Основные бои будут проходить на чужой территории в связи с тем, что с ментами там не будет никаких недопониманий. По итогу все претензии не к нам. Но в любом случае у нас там связи, все и всё проплачено, и даже если угодите в мусарню, то максимум через пару дней выйдете на свободу. Сейчас кормушку мало кто захочет потерять. Есть твоя

группировка и еще с десятков, – делает он для меня открытие. – Но! Все они мои, и если говорить объективно, то вы являетесь одной огромной ОПГ. У нас не принято вдаваться в подробности и видаться в обычные дни, кроме тех, когда какое-то событие или мероприятие. Только на них мы собираемся все вместе. Все работают строго по своим направлениям и возможностям. К примеру: одни занимаются слежкой, наблюдением. Вторые – съемом квартир, подготовкой машин. Третьи – приобретением любого вида оружия. Четвертые – технической разведкой, прослушкой, оперативными установками. Пятые – ликвидацией. Шестые – захоронением и уничтожением следов преступления. И так до тридцати. Кто-то сидит в верхушке правительства. Меценаты, коммерсанты, чиновники. Кто-то – из главнокомандующих МВД, с которыми мы не только дружим, но и кого, как ты еще знаешь, имеем в родственниках. Не все наши, но с большинством мы сотрудничаем. Наши люди в больницах, военкоматах. Мы большая организация, Денис, и на будущее я заранее предупрежу: захочешь сумничать и продинамить меня, наебать, я всех вас и ваши семейки без усилий сотру в порошок, – а я спокойно вглядывался в него и понимал без слов и без его обещания, написанного на одутловатой роже, что мне уже полная пизда. Как говорится, приплыл. Все же я и не думал, что он имеет такие огромные масштабы власти. – Значит, берете под свой прицел пару ресторанов, официантов, барменов, спекулянтов, фарсовщиков, мясни-

ков с городского рынка, стоматологов, приемщиков стекло-тары, директоров универмагов, магазинов и складов. Собираете черный нал с рынков, взываете со всех дань, ставите на счетчик, крышуете всех, у кого есть бабки. Все адреса то-чек я дам тебе позже. Мне без разницы, как ты это будешь делать, но регулярно два раза в неделю – в начале и в конце – ты приезжаешь сюда в Каширский и отдаешь весь общак, который соберешь за это время. А я уже буду выдавать вам зарплату за месяц.

– Это все? – осипшим голосом отозвался, еще толком не осознав, что я чувствую после услышанного.

– Нет, – поднялся Барин на ноги, приблизившись ко мне. – Ты сделаешь так, чтобы было престижно попасть в вашу мо-лодую группировку. Не абы кому. Выбираешь людей свое-го возраста. Сделай, чтобы тебя и твоих парней в этом горо-де боялись. Боялись ходить без оглядки. Меня все знают и обходят стороной. Каждую мою группу мужиков знает вся-кий предприниматель. Предприниматели, которых мы гра-бим, запугиваем, избиваем. Делай все то, что делал до ме-ня. Но имей в виду, что теперь тебе есть где разгуляться с огромными возможностями, за которые тебе ничего не стан-ет. Опусти и подчини их нам! Ясно?! – завершив, громко осведомился в приказном тоне.

– Яснее некуда.

– Свободен!

А вот в этом у меня имеются большие сомнения. Как бы

я в этом зубастом болоте не утонул, с удовольствием забывшись.

Глава 12

Ульяна

Я опрометью выскочила из подъезда навстречу девчонкам, ждавшим меня во дворе, чтоб отправиться погулять в близстоящий парк и вновь побаловать морды юных дев, то есть наши, любимым вкуснящим мороженым «Лакомка». Но, не успев еще дойти до подруг, увидела и услышала, как Светка Райская о чем-то неразборчиво пискляво щебечет с широкой сияющей улыбкой до ушей и за руку трясет Ольку, которая, в свою очередь, внимательно слушала ее с каменной безрадостной миной, пытаясь вырваться из цепкого хвата профессорской дочки.

Насмешливо скривились, паясничая, посчитав, что точь-в-точь изобразила гримасу Светки, у которой в последнее время появились от меня секреты. Да что там секреты?! Эта важная персона из уважаемой семьи начала с недавних пор воротить от меня нос, если вдруг я находилась с ней поблизости, хотя дружим мы с семи лет, и такая ситуация произошла в нашей компании впервые.

– Я его вчера из окна своей квартиры увидела! И он такооой. Ну таакой! Как я его раньше не замечала, а, Оль? Да еще и на машинах таких разъезжает. Даже у моего отца Вол-

га. Ласточка новая. А туут, – закатила Светка глаза и мечтательно поправила свой длинный локон, не заметив моего приближения к ним. – Если он эту не зам....

– Ооо, привет, Уль! – радостно воскликнула Олька, закрыв рот нашей подруге, у которой, кажется, настроение мгновенно пошло на спад, но тем не менее нос кверху задраить и руки сложить на груди оно ей не помешало.

– Привет... – нехотя поздоровалась с рыжей, но смотрела за манерно-усталыми манипуляциями Райской. И копной угольных кудрявых волос тряхнула, и свое платье до колен не забыла тонкими пальчиками оправить, показательно отвернулась от меня, чуть ли не поморщившись, продолжив жевать жвачку и медленно дуть прозрачно-розовые шарики. – Чего обсуждали? – взглянула на конопатую Ольку и иронично заломила бровь. – Или кого? – перевела внимание на Райскую, из-за которой складывалось впечатление, что если она поломается передо мной еще пару минут, то окрылится, воссияет и взметнется к небесам прямиком в свой рай.

Жаба!

Разве можно так о своих подругах? Нет! Только вот подруга ли она мне до сих пор?! Я ведь как-то сразу все поняла. По обрывкам фраз, по ее довольному начищенному дебильному пятаку, который из раза в раз появляется, когда у нее возникает очередная новая симпатия или любовь до гробовой доски, или по ее отношению, кардинально поменявшемуся ко мне.

Из окна она увидела его? Кого? Да Дениса моего! Мы все трое – я, Оля и Света – живем в одном дворе и учимся в одном классе, только Райская живет в доме напротив, а точнее, ее подъезд располагается напротив нашего с Денисом.

– Ну? – заложила руки в карманы весеннего джинсового комбинезона и обвела каждую придирчивым взглядом.

– Да ерунда! Забудь! – махнула рукой Олька, фальшиво разулыбавшись. – Ну что, пойдете есть мороженое? – она подпрыгнула на месте, и вместе с ней взметнулись её короткие рыжие кудряшки. Еще один факт, с которого мы смеялись – то, что каждая из нас была кудрявой, в отличие от многих наших знакомых и одноклассниц.

– Нет, я не пойду. Вспомнила, что у меня еще есть дома незаконченные дела, – съехала эта гадина, называвшаяся моей подругой.

– Так какого хрена ты вообще выперлась к нам? – не сдержалась я и омерзительно усмехнулась, делая похабное выражение лица, не боясь показать своего поганого настроения.

– Я же сказала, что вспомнила... – наконец-то она заметила меня, наградив раздраженным взглядом серых глаз.

– А кого ты из окна там увидела, а? Чего ты Ольке рассказываешь, а со мной не делишься? – и, зная, что и сейчас отвергнется, решила колко ее поддеть. Эта лошадь голубых кровей не стерпит таких слов в свой адрес и тут же растрезвонит все, что мне нужно. – Или ты боишься чего-то? А может, меня, Свет?

Как я и предполагала, Райская мгновенно в бешенстве сжала губы в прямую линию и чуть не поперхнулась после моей наглости жвачкой.

– Девочки, ну вы что? Вздумали ругаться? – растерянно захихикала Оля, сделав к нам шаг, тем самым образовывая между нами треугольник.

– Или, может, ты мне расскажешь, что вы скрываете от меня? – внимательнее пригляделась к рыжей, которая побелела лицом и наверняка все знала.

– Ну раз ты так настаиваешь. Сама напросилась, – злобно выплонула Света. – Мне уже давно нравится Туман! – вскинула подбородок с победоносным выражением лица и с восторгом в глазах, словно он уже ее и всегда был только ее.

А у меня... у меня помутнилось в голове, зазвенело в ушах, сердце яростно застучало в груди, а вот перед глазами яркие картинки того, как эта каланча – то есть кретин-Денис – когда узнает обо всем, раздухарившись, сломя голову побежит к этой мымре-предательнице и навсегда забудет обо мне. Я не на шутку разозлилась, меня захлестнуло чувство собственности, и я никак не желала гасить внутри себя негативные эмоции.

– Что ты сказала? – невинно поинтересовалась у нее, силась забыть про кобеля, ускакавшего к очередной профурсетке.

– То, что слышала! – победоносно ухмыльнулась Светка, потому что на моем лице явно все было написано.

– Ты чего это удумала, Райская? Глаз на моего Дениса положить? – прищурилась на довольную овцу в платье. – У тебя, может, косоглазие? – задумчиво наклонила голову к плечу, пытаясь отвлечься на что угодно, но только бы не впитывать противное выражение лица напротив.

– А ты что, его забила? – развела она руки, пока я придирчиво ее разглядывала и прикидывала в уме, нравятся ли такие бабы Денису. – Это ты долбишься в шары и не замечаешь, что Денису какой год плевать на тебя! Он тебя не замечает! Видит всех, но не тебя. Посмотри на себя. Ты ж седка сушеная. Ни сисек, ни жопы, острые плечи. Доска, одним словом. Сравни нас. Взгляни на меня, – выставила она на обозрение свои дойки второго размера, которыми гордилась и постоянно хвалилась.

– Черт побери, девки, вы с ума, что ли, посходили? – испуганно вскрикнула Оля, когда я кинулась на Светку, а та, быстро сориентировавшись, вцепилась в мой хвост, который был туго завязан сбоку. – Да успокойтесь! – заверещала она на весь двор, а я зарычала, глядя в глаза Райской, и большее перехватила за ее лохмы, желая оставить ее с тремя волосинками.

– Сволочь поганая! Я тебе покажу сейчас Дениса, – кричала ей в лицо.

– Тварь белобрысая, отпусти меня! Ненавижу тебя, замухрышка! – выкрикивала лошадь в ответ.

– Хватит! – уже рассерженно вопила Оля и пыталась нас

разнять. – Сбрендили совсем! Ну-ка перестаньте! Да что ж вы творите, дуры! – давилась она слезами, пока я со всей силы дернула за волосы на себя гадину, вырвав из нее истошный болезненный рев.

– Получай! Будешь знать свое место! – плюнула в сторону и, наглядно продемонстрировав жабе, отряхнула руки, будто в чем-то противном их замарала.

– Ты ответишь за все! – закричала брюнетка, подавшись ко мне. – Вот увидишь, Туман будет моим!

– Тебе мало? – двинулась на нее.

– Ты неправа, Света, – перегородила мне путь Оля, обратившись к теперь уже точно бывшей подруге. – Денис всегда нравился Ульяне. И ты это прекрасно знаешь.

– А я чем плоха? Я разве не заслуживаю счастья? Он же ее даже не замечает как девушку, – взревела, как психопатка, унизительно тыкая в меня пальцем. – А у меня еще пара-тройка лет, и, вот увидите, он будет со мной!

– Пошла к черту! – проворно ринулась к ней. – Забудь о нем!

– Сука ты, Котова! Мужланка, как и твой уголовник-брат!

– Ах, ты еще и моего брата решила задеть, тварь гадская?!

– Да закройте вы уже свои рты! – гаркнула на нас рыжая.

Светка в слезах бросилась от нас прочь, а я, не сдержавшись, еще и вдогонку бросила ей пару ласковых:

– Узнаю, что приблизилась к моему Кудрявому, я тебя покалечу! Я тебе все лохмы вырву, интеллигенция вшивая! –

и последнее себе под нос сквозь зубы: – Жа-ба!

– Ульяна? – на выдохе начала Оля, выбрав оправдательный тон.

– Да пошли вы обе! Могла бы и сказать. Подруга! – последнее выделила особо и, поправив нервно свой истрепавшийся сбоку хвост, развернулась и пошла домой.

Но не успела дойти до подъезда, как позади раздался родной голос, который в данный момент вообще не ожидала услышать.

– Уль? – окликнул меня Дэн, громко шаркая кроссами по асфальту.

Резко крутанулась к нему и, забыв про недавний инцидент, про всю злость, про надуманные картинки у себя в голове, поспешно бросилась к своему Кудрявому, чтобы крепко зажать его в объятиях и вдохнуть терпкий запах хвои и хозяйственного мыла.

– Привет... – пробубнила и сильнее зарылась носом в его олимпийку, наслаждаясь его приятными прикосновениями к моей спине.

– Что опять случилось? – оттянул меня от себя и нежным движением отвел за ухо упавшую прядь волос, серьезно взглядываясь в мои глаза, которые от его присутствия вдруг начали увлажняться.

– Ничего, – потерянно улыбнулась и настороженно смерила взглядом помятый вид Дениса и разбитую губу с запекшейся кровью.

– Опять подралась? – он усмехнулся и под свой усталый вздох потер двумя пальцами глаза.

– А ты? – расстроено ответила, заметив убитое состояние Дениса.

– Да ерунда, – как всегда это бывает, съехал в неудобный для него момент с темы. – Прекращай кошмарить баб. Еще пара лет, и от тебя точно все будут шаррахаться, – фыркнул он и с пробудившимся весельем в глазах провел пальцем по моей щеке.

– Плевать я на них хотела. Главное, только ты будь рядом со мной.

– Не переживай... – он впервые как-то странно отозвался после моей фразы, мгновенно помрачнев, но все же нагнулся и поцеловал в щеку, неожиданно задержавшись дольше обычного. – Я пойду, Ульянов.

– А что произошло? Ты так и не сказал... – вцепилась в него, ощущая внутри что-то по-настоящему плохое, холодное. Никогда раньше такого рядом с ним мне не приходилось испытывать.

– Просто не выспался. Пойду исправлять, Прищепка, – вновь поцеловал в макушку. – Ты домой шла?

– Да.

– Ну давай, довезу на себе, – ухмыльнулся и, резко присев, взвалил меня к себе на спину.

Я недолго думая обвила его за шею и, прикрыв глаза, пристроила голову на его макушке, с удовольствием прислуши-

ваясь к его неровному дыханию.

Ты мой. Только мой. Никаких тебе Светок, Даш, Кать, Маш.

– Задушишь... – хохотнул Денис.

– Прости... – улыбнулась и расслабила тиски в виде своих неугомонных рук.

Глава 13

Денис. 2 месяца спустя.

– Смотрим внимательно – выигрываем обязательно! За хорошее зрение пятьдесят рублей премия! – возле входа на рынок голосил наперсточник Барина, расположившийся на картонной коробке со стаканчиками и шариком. – Деньги есть – можешь рядом сесть. Нету денег – привяжи к жопе веник, что наметешь – то сюда принесешь! – призывал он к себе мимо проходящих людей. – Никого не заставляю, пи-столет не наставляю!

Мы толпой пацанов неторопливо передвигались между рядами по вещевому рынку, который стоял на Казачьем, и, лениво мотая бошками, тихо переговаривались друг с другом. За последние два месяца нас уже тут каждая собака знала, и при каждой встрече барыги, терпевшие от нашей кодлы унижение, всякий раз опускали свой загнанный испуганный взгляд.

– Туман? – позади насмешливо окликнул меня Макс. – Мне идет? – с иронией поинтересовался, продемонстриро-

вав на своей харе круглые черные очки, которые дернул с одного из прилавков, вызвав бурный ржач всех парней.

– Ага. Очень. Вылитый Кот Базилио, – сыронизировал и вновь развернулся, пристально бегая глазами между рядами и их продавцами. – Убавьте звук... – повернулся к пацанам, которые повысили градус веселья.

– Все, все! – поднял руки Михася, все еще посмеиваясь на пару с Максом.

– Дай сюда! – раздраженно сдернул очки с рожи Кота, откинув их в толпу.

Секунда, и все безоговорочно уяснили, что сейчас лучше заткнуться и не злить меня еще больше.

– Здорово, Поляков, – криво усмехнулся, подойдя к одному барыге, которого только с прошлой недели взял в оборот и начал постепенно обкатывать. Нутром чую, что сегодня день икс, когда придется дать понять, что не стоит показывать мне зубы и разводить неумелый лохотрон.

– Туман, денег нет, – сразу принялся оправдываться ссыкло, тыкая в бок свою жену, пасущуюся в стороне от него, подсказывая, чтобы она сейчас съебалась от нас в темпе вальса. – Продаж нет... – беспомощно развел руками черноволосый верзила Глеб, лихорадочно бегая трусливыми зелеными глазами от меня к пацанам, остановившимся за моей спиной.

– Нет, говоришь? – бросил на терпилу внимательный

взгляд.

– Нету, – будто для достоверности мотнул своей пустой репой.

– А если найду? – язвительно передразнил его с улыбкой, решив для начала поиграться и принять его правила игры.

Но этот чмошник молча вывернул карманы спортивных трико фирмы адидаас, посчитав, что для меня это станет весомой отмазой.

– Ты че, смешной, что ли? – не выдержал Михася и вклинился в наш разговор. – Гони бабки, не юли, а то хуже будет!

– Спокойно, – выставил руку, не оборачиваясь к Михе. – Слышь, Поляков? А парни-то уже начинают нервничать, – покачнулся на пятках и засунул руки в карманы спортивки. – Что делать будем?

– Туман, говорю, денег нет. Забери что-то из товара, – показал он на разложенные шмотки на прилавке.

– На кой черт мне сдалось твое барахло? Глеб, я же вроде умею на русском изъясняться? Я тебе что сказал в нашу первую встречу? Готовь бабки! Мне нужны только бабки! Или ты решил поломаться?

– Да берега попутал дядя. Воткнуть его в асфальт, и дело с концом. Че мы тут разжевываем на пустом месте? – все-таки вышел из себя Михася, демонстративно разминая шею.

– Глеб, деньги! – склонил голову к плечу, сцепившись с ним взглядами.

– Их нет, – стоял на своем этот черт и исподлобья буравил меня злыми глазами.

– Мммм, – я устало издал невнятный звук, покрутив башкой в разные стороны. – Тебя все же глючит, приятель, – поморщившись, заключил неохотно себе под нос.

И так всегда... Пока не докажешь, что ты на что-то способен, пока не причинишь кому-то боль, хуй тебя кто-то услышит.

Неподалеку заприметил на асфальте обломок ржавой трубы, которая словно для меня тут завалилась.

– Ну давай иначе построим диалог, раз ты не втыкаешь, Поляков, – не спеша прошелся до находки, крепко перехватив трубу в руке.

– Нет... Пожалуйста... Ребята, вы что творите... – с паникой в глазах зашептала женушка Полякова, которая так и не свалила от нас. А в следующую секунду визгливо разоралась на весь рынок, до минимума сократив наше время. – Помогите! Милиция! АААА! Убивают!

– Закройте рот этой овце! – взбешенно глянул на пацанов, стоящих как стадо баранов.

Один приказ, и стая ломанулась к ней. Пацаны закрыли

бабе рот и поволокли внутрь палатки, схватив ее за ноги и туловище. Истошные вопли и крики окружающих заглушал издевательский веселый смех нашей группировки.

– Эту ты заказывал веселуху, Поляков? – обратился к френу, побежавшему к своей жене, пытаясь ей помочь.

Не успел он обернуться на мой голос, как я трубой нанес удар по голове, и словно в замедленной съемке башка верзилы откидывается назад, струйка крови изо рта вымазывает его одутловатую рожу, а выбитый зуб вылетает на асфальт.

Мало. Очень мало, чтобы чему-то его научить и отбить желание крыситься при виде меня.

Второй глухой удар. Третий. Даже ни на йоту не замешкался из-за того, что это туловище лежит на земле в незнакомке и мычит.

– Мммм, – шары закатились под сильные судороги маленького тела Полякова.

– Да, Глебушка. Да. Об этом я тебе и толковал. Ну теперь, дорогой, ты все знаешь. Повторится еще раз такая же ситуация, и ты больше никогда не поднимешься на ноги, – пригрозил, нависая над ним. – Лечись и скорее выздоравливай. А мы пока покатаем твою здоровую жену, – вскинул ехидно бровь и приподнял голову, направляя насмешливый взгляд в палатку, откуда доносился нечеловеческий женский вой и

громкие звуки рвоты. – Ладно, дам ей недельку на отдых, – имея в виду, что после изнасилования ей как-никак надо будет прийти в себя. Хотя, может, понравится, и еще сама прибежит к нашим, – похлопал терпилу по щекам и принялся шмонать его олимпийку. – Холодный расчет. Без обид. Ничего личного, Поляков. Кот? – последнее рявкнул в сторону.

– Что? – тут же раздался отрешенный голос позади меня.

Резко развернулся, наталкиваясь на друга со стеклянным взглядом.

– Быстро под шмотками осмотри прилавок на наличие бабок! – яростно прорычал, сцапав неживого в мясо Кота за шиворот.

Как же он заебал со своими месячными.

Спустя пару секунд в моих лапах уже была приличная сумма наличности.

– Сука. Нет у него зелени, – с неприязненным выражением хари перевел внимание на бездыханное тело и харкнул в его окровавленную рожу. – Нарядно жить не запретишь... – хмыкнув, пересчитал деньги и, удовлетворившись, свистнул пацанам. – Ходу! Менты на подходе! – рявкнул, и мы все, как один, сорвались с места, на ходу срывая пару брезентов с ларьков, пока гнали на всех парах с рынка.

Вот нажил себе еще одного врага за последние два месяца

– проскочила мимолетно в башке мысль, тут же затерявшись в ворохе нерешенных вопросов.

– Мать твою, ты вообще в своем уме?! – вскричал Макс, задыхаясь, когда мы толпой скрылись в одном из спальных районов. – Нужно было обязательно прибегать к этому методу? Непременно нужно было бабу насиловать? – зарычал он, обратившись к иронично посмеивающимся над ним пацанам. – А ты почему такой спокойный? – вновь крутанулся ко мне и вскинул непонимающе руки.

Я утомленно вздохнул, а пацаны недолго думая цыкнули и, раздраженно махнув рукой, двинулись от нас в сторону клуба.

– Мы, если что, в зале будем! – не оборачиваясь осведомил нас Михася, имея ввиду бокс-клуб, который выделил для нас Барин. Там и ринг, и груши, и довольно приличная свободная площадка для рукопашного боя, а в подвале скрытый мощный тир с боевым оружием. Все свободное время наша группировка обитала там, а для кого-то и вовсе зал служил временным жилищем.

– Может, ты ответишь мне? – вернул меня к его истерике Кот.

– Может и отвечу. Я знал, что все будет именно так.

– А предупредить нельзя было? Нельзя было поступить как-то иначе? Мы, сука, как звери! – окончательно своим умозаключением допек меня Макс.

– Нет, нельзя! – заорал на него и взял друга за химо. – Я

сам могу решить, как стоит делать! Хватит зудеть над ухом, – дернул его на себя, не разрывая наших бешеных неузнаваемых взглядов. – Да, мы звери! Да, мы творим беспредел! И да, я тебя об этом предупредил пару месяцев назад! Ты меня заебал уже! Завали ебало и работай! Или беги-и-и! – отшвырнул его от себя, повалив на асфальт, как псину. – Вали нахрен! Или прекрати после каждого дела, после каждой стычки ныть, как телка! Ты, сука, уже посмешище для всех наших.

– Наших? Давно они стали тебе свои? – со смешками поднялся Макс на ноги.

– Мы работаем вместе! – заорал на него. – Мы каждый день вместе плечом к плечу, – указательным пальцем тыкал в лоб Коту. – Да, они свои, наши! Называй как хочешь! Я не пою о дружбе, я говорю о другом. Если ты не сечешь фишку, то скройся с моих глаз и больше не появляйся в клубе. С Баринком я как-нибудь улажу твое оставшееся дерьмо! – отрывисто кинул слова и размашистым шагом пошел от него в ту сторону, где скрылись пацаны, чтобы не прописать другу двоечку.

– Будь честен с собой! Не прикрывайся никем, – вдогонку выкрикивал мне Макс. – Тебе это нравится, что бы ты ни говорил! Нравится, какой беспредел ты устраиваешь в городе! Тебе именно этого и не хватало все время!

– А я разве спорю?! – не выдержал и развернулся к нему, разводя руками. – Нравится! Очень! До того момента, пока

не вспоминаю, что мы ходим под Барином! Да! Да! Мне нравятся бабки! Мне нравится их вкус! Я кайфую от того, что меня в моем городе боятся! Мне нравится хорошо одеваться и иметь возможность покупать себе вкусную жвачку, на которую мои родители бы год копили и только могли бы облизываться. Мне нравится это чувство! Нравится! И я буду дальше работать. Буду отбирать и зарабатывать! У меня будет тачка, будет квартира и будет все то, что я захочу! А ты, сука, продолжай ныть дальше, и точно будешь сосать голый палец. Только потом не беги ко мне и не плачься, чтоб я тебя снова взял в группировку.

– А я не сказал, что я ухожу! – прищурился Кот и медленно пошел на меня.

– Я поставил тебе условие, Макс. Еще раз вот такое нытье, и я тебя собственноручно выпру. Ты слабое звено, к сожалению. Много доставляешь проблем.

– Даже так? – он насмешливо вскинул бровь, остановившись по левую руку от меня. – Я тебя не узнаю.

– Плевать. Думай что хочешь. Я все тебе сказал, – безразлично передернул плечами и, молча развернувшись, пошел в клуб.

Пусть уже наконец-то решит, что ему на самом деле нужно. Раз такой чистенький и благородный, то пусть пиздует на все четыре стороны.

Глава 14

Денис. 2 месяца спустя.

– Может, останешься с нами... – больше предложил, чем спросил у Витали, когда забрал из его рук последние сетки с двумя трехлитровыми банками разливного холодного жигулевского пива и сушеной соленой рыбой.

– Не, Туман... Сам знаешь правила... – вмиг пошел в отрицалово водитель Барина, передав мне все ништяки, пока остальные мои парни отдыхали в бане.

– Да не ссы. Если Барин отправил тебя к нам, значит, ему точно нет дела до того, где находится твоя жопа, – хмыкнул, удобнее перехватив в руках пенное, и в упор посмотрел на Виталию, загнанным взглядом бегающего от меня к дверям баньки.

– Нет, – окончательно решил и сделал шаг назад, будто пытаюсь не угодить на мой крючок, чем вызвал у меня широкую улыбку.

– Он не узнает, я не скажу, – продолжал уламывать, но в большей степени потешаться над двадцатипятилетним ломающимся мужиком.

– Он и без тебя все уже будет знать. У него глаза везде, да и со слухом в порядке. Не хочу завтра пиздюлей получать. У меня и так последнее китайское предупреждение, – конец фразы пробубнил и открыл водительскую дверцу своего бумера. – Сильно не калдырьте. Если Барин дал добро, это не

значит, что нужно нажираться. По своему опыту говорю, – усмехнулся мне, заглянув в глаза. – Я после своего загула две недели ходил с фарами под шарами благодаря пахану* (Барин). И с девочками поаккуратнее. Особенно ты, донжуан хуев, – открыто начал осуждать меня Виталья, прямым текстом сказав, позорник.

– Вас послушать, так ваш Барин господь Бог и Сатана в одном обличье.

– Это все, что тебе нужно знать, – издал Виталья нервный смешок и загрузился в тачку. – Давай, масти. Отдохните как следует. Пахан редко дает добро на такие выходные.

– Ага, – развернулся и пошел к пацанам в комнату отдыха. – У меня твой пахан уже в печенках сидит, – процедил еле слышно, бросив фразу в сердцах.

– ООО!! – загудели пацаны, увидев в моих руках еще банки жигулевского. – Че, Виталик не подписался? – заржал Михася, передав гитару Захару, который не имеет никаких проблем с голосом.

– Не, сука, слился. Я его и так поуламывал, и так, – поставил пиво на стол и одной ладонью провел нежно об другую, показывая, как я водилу пытался завалить на лопатки. – Но там броня стоит недетская. Лобешник расшибешь, – заржал с остальными пацанами и завалился на стул рядом с Максом, принявшимся кадрить одну из ночных бабочек.

– Я не удивлюсь, если он из-за угла будет подглядывать за нами, – неслышно шутканул Кот, накручивая на палец прядь волос бабы старше нас на пару лет.

Задумчиво усмехнулся под бурный ржач наших пацанов, пока от мыслей не отвлек Рыжий Ваня с моего района, которого я одним из первых позвал в группировку вместе с Михасей.

– Барин знает в подгонах толк, – поправил на бедрах длинное белое полотенце и посмотрел на меня исподлобья. – А че это он так расщедрился? А, Туман? Мы вроде все помним правила, и как-то не сильно сегодняшний вечер вписывается в них, – он показательно пробежался глазами по столу, где была накрыта поляна с алкашкой, на которую стояло категорическое табу.

– Рыжий, и мы иногда заслуживаем отдых... – откинулся на стуле и запрокинул голову, с удовольствием прикрыв глаза.

– Значит, заслужили? – последовал очередной вопрос мне.

Услышал, как в комнате звук убавился и даже тёлки притихли, и понял, что пацаны хотят узнать действительную причину, которая перетекла в заслугу и подарила нам всем кайфовый вечер.

– Да, – опустил голову и обвел всех внимательным взглядом с кривой улыбкой. – Мы в три раза увеличили сумму общака, – минутное молчание с выпученными на меня непонимающими глазами.

– Не понял, – оставил бабу Кот и подался ко мне. – Хочешь сказать, что это твоя идея сдирать бабок вдвое больше с терпил?

– Ага, – хохотнул и схватил копченую колбасу с тарелки, закидывая себе в рот.

Я знал, что Кот этим и ограничится. Больше и звука не издаст после нашего последнего срача пару месяцев назад. Мы все выяснили и закрыли тему, порешав на том, что друг со своим мнением больше не будет соваться ни к кому, безоговорочно выполняя все то, что потребуют от нас ситуация, я и Барин.

– А нас нельзя было предупредить, Туман? – на серьезе осведомился один из моих пацанов.

– А что бы это поменяло, Стриж? – медленно прожевал и только потом перевел спокойный взгляд на раздетого блондина с сидящей у него на коленях тёлкой.

– Теперь более-менее понятно, – после продолжительного молчания бахнул зараз стакан пива Михася. – Вот куда ему столько бабла? Выделил бы тачку нам, что ли...

– А это уже не твоя забота... – отозвался я. – Не парьтесь, – обратился ко всем. – Потерпим еще месяц, и попробую выбить три девятки.

Четверо из наших одновременно свистнули, и один из них радостно ударил по столу.

– Вот это я понимаю! Вот это заживем! – и тут же Захар подхватил веселье, резко и быстро заиграв на гитаре.

– Не читай нотаций мне – мама это ни к чему. Снова к друзьям я своим убегаю, что меня тянет сюда – я не знаю. Без музыки мне оставаться надолго нельзя. Музыка нас связала, тайною нашей стала. (*гр. Мираж*). – не успел запеть Цыганов, как три телки запищали от радости, вызвав ржач пацанов.

– Кончай сопли разводить! – возмутился я и под расстроенные вздохи баб швырнул в Захара полотенце.

– Но если есть в кармане пачка сигарет, – мгновенно перестроился, изменив свой голос на агрессивный, – значит, всё не так уж плохо на сегодняшний день (*с. Виктор Цой – пачка сигарет*).

– Задрал, ты можешь нормальное что-то сбачать? – выкрикнул Стриж.

– А помнишь школу, первый поцелуй? Я имя в парте твое вырезал. Стихи тебе писал, и на углу встречал. Что будет дальше, я тогда не знал. А дальше закружило, понесло, – и

парни все хором заорали, пока девки манерно закатывали глаза. – Путана, путана, путана. Огни отелей заманчиво горят. (с. *Шафутинский*).

– Короче, эта шарманка не прекратится, – Красицкий отчаявшись махнул на него рукой, но с радостной улыбкой.

– Дени-и-ис? – подошла ко мне одна из девочек, взяв за руку. – Пойдем со мной? – головой указывает на парилку, а вскоре не понимает, почему в комнате отдыха пацаны взорвались громopodobным ором.

Да, признаюсь, на данный момент меня волновало только общее дело и выхлоп с него. Бабы в мои планы никак не входили, поэтому я так до сих пор и не опробовал ни одну.

– Да не тарaxтите вы! – поднялся с места, скривившись на этих полудурков.

– Ну ты бы уже снял пробу, – завалился на спину Кот, захлебываясь хохотом.

– Я тебе рога сейчас пообломаю, – обманным маневром дернулся к нему, заставив друга выставить руки и еще больше заржать.

– Денис? – окликнула меня девчонка, стрельнув вновь в сторону другой комнаты глазами.

– Ну пошли... – закусил нижнюю губу и двинулся за ней

под дружный свист парней. Наклонил голову набок и прослеживал, как голые булки телочки аппетитно трутся друг об друга, неумолимо стимулируя мой член, спрятанный под полотенцем.

Ну такую не грех опробовать.

Глава 15

Почти год спустя. 1991 год. Денису 16 лет.

– Мат, завтра без опозданий, – выйдя из черной девятки возле своего подъезда, я нагнулся к переднему водительскому окну и мрачно исподлобья взглянул на Матвея, давая всем своим видом понять: если и сегодня не успеет вовремя, то точно получит от меня пизды. – Мне без разницы, где ты шароёбишься по ночам. Утром ты должен быть у меня вовремя. Я доступно изъясняюсь? – немного выпрямился и уперся правой рукой в дверцу тачки.

– Ясно, Туман, – тряхнул гривой мой человек и кинул виноватый взгляд в лобовуху. – Помню, что завтра решаем с Ларионовым.

– Ну тогда масти, – немедля громко ударил раскрытой ладонью по крыше автомобиля и отступил на шаг назад.

Недолго думая, Матвей ударил по газам и, визгнув покрышками, стремительно сорвался с места. Пара мгновений, и во дворе образовалась мертвая тишина, переплетающаяся с крошечной чернотой ночи.

– Ццц... – цокнул от скребущего ноющего чувства в груди и, сплюнув в кусты палисадника, не спеша развернулся к своему подъезду. Нехотя побрел домой, чтобы выслушать очередную порцию дерьма, но в последний момент позади себя услышал короткие шаги и шепот.

Я, тормознув, напрягся и резким нервным движением обернулся через плечо, внимательно сканируя прищуром доступную для взгляда местность. Но из-за глубокой непроглядной ночи нихера не было видно, поэтому пришлось склонить голову к плечу и обратиться в слух.

Да не может быть такого, что показалось. Но на деле стояла гробовая тишина и даже холодный предвесенний ветер стих.

Поднял глаза и вновь обвел ближайший периметр территории возле себя.

Ни звука.

Беззвучно сделал вперед шаг, неторопливо второй, на третьем в медленном темпе засвистел прокручивающуюся в башке мелодию песни, которая играла в тачке, пока Матвей вез меня домой с очередного решившегося в нашу пользу дела.

Вышел на дорогу во дворе перед своим подъездом и завертел башкой, тихо посвистывая себе под нос.

Все-таки, похоже, тебя глючит, Туман. Но оно и неудивительно... Давай, одупляйся и ползи до койки.

Глубоко вдохнул в себя всё ещё морозный воздух и, в по-

следний раз оставив свой взгляд в крошечной тьме, уверенно отправился домой. Не успел схватиться за ручку деревянной двери подъезда, как позади меня снова раздался звук, но уже намного ближе, а если быть точным, то почти вплоты.

– Получай, сука... – с издёвкой, с чувством превосходства прорычала какая-то падаль мне в ухо.

А я стоял на ногах и молча втыкал застывшим взглядом в одну точку, поскольку хоть мозг медленно и отключался, но я ясно ощутил растекающийся тяжелым свинцом холод в своей левой бочине.

Быстрые удары острого лезвия небольшого ножа входили в плоть глухо как по маслу.

– Сдохни, тварь, – продолжали мне нашептывать и наносить ножевые. – Ты будешь долго гнить в вонючей могиле. Тебя уже через месяц все забудут. Последнее слово за мной, но никак не за тобой.

А я в этот момент чувствую, как собственная горячая кровь потекла по пояснице, пропитывая водолазку с кожанкой и джинсы. В глазах задвоилось, нечеткая картинка запрыгала, словно наш телевизор «Рекорд» вышел из строя, а ноги, как бы мне ни было противно, непроизвольно задрожали и подогнулись в коленях.

– Вот и ты превратился в дерьмо, – с презрением выплюнули над головой и насмешливо подтолкнули в плечо, помогая быстрее свалиться на примерзший асфальт возле подъездной двери, чтобы насладиться своим успехом.

Завалился на спину и расфокусированным пьяным взглядом уставился в ночное небо, чувствуя, как подо мной образовывается нехилая лужа крови.

Раз...

Два...

Три... с какого-то хрена я начал отсчитывать секунды до того, как провалюсь под землю и уже навряд ли вернусь обратно.

– Удачи на той стороне.

Слышу, как хрип вырывается из собственного вздутого горла, ощущаю, как безмерный холод сковывает путами все тело, как мозг превращается в месиво бесполезной жижи, но, несмотря на все это, не смог не взглянуть в глаза тому, кто решился так близко приблизиться и мочкануть меня.

Пернатый...

Птичьев, нависая надо мной, хищно улыбается, словно он выиграл джекпот всей своей жизни, и подмигивает, прежде чем я заторможенно прикрываю свинцовые веки и проваливаюсь в ледяную потустороннюю бездну с последними мыслями: неужели так быстро?

Глава 16

Денис. Незадолго до происшествия

Я засучил рукав черной водолазки, зайдя в прокуренный кабак, и мельком стрельнул взглядом исподлобья в сторону бара, где нас с Рыжим мгновенно приметил Аркаша, по сов-

местительству богатый буратино данного заведения под названием «Сказка».

– Вовремя мы... – буркнул как бы между делом себе под нос заёбанный Ваня, имея в виду хозяина ресторана, и взглянул на циферблат своих часов, задерживая два пальца на кожаном ремешке.

– Засчитан плюстик в его копилку, – равнодушно хмыкнул, продолжая закатывать второй рукав. – Жрать уже хочется, – вспомнил, что только с утра удалось похавать, прежде чем отправиться обкатывать терпил на наших точках.

– Так давай здесь и упадем, – безучастно отозвался мне в тон Рыжий, когда подошли к бару, встав напротив дойной коровы.

– В Каширский поедем, – взглянул на приятеля, безмолвно напоминая, что нужно отожравшейся туше нести общак. – Там и пожрем. Аркаша, деньги, – без пауз обратился к хозяину заведения.

– Денис, может, в кабинет пройдем? – забегал маленькими глазками и низенького роста мужик с пивным животом.

– Нет. Времени нет. Давай без расшаркивания.

Сказочный буратино пожал растерявшись плечами и положил перед нами на отполированную барную стойку сверток с наличностью.

– Аркаша, я не пересчитываю. Но если узнаю, что тут не хватает, ты у меня перейдешь на двойной тариф, – лишка накинул обсосу, подавшись ближе к нему, чтобы не было со-

мнений, что из-за музыки он мог меня не расслышал.

– Денис, обижаешь. Не первый день вместе работаем, – заискивающе заулыбался ишак и приподнял руки, словно провинился передо мной.

– Погнали, – обратился к рядом стоящему парню, который уже заметил в зале живой аксессуар с длинными ногами, прячущимися под монашеской юбкой.

– Уверен, что мы торопимся? – не отрывая взгляда от телки, с тоской в голосе обратился ко мне Рыжий.

В ответ на вопрос саданул пацана по плечу, этим выпадом дословно все объясняя.

– Жаль, – удрученно вздохнул, но поплелся за мной.

Стоило выйти на свежий воздух, оставив позади себя кабак, принялся выискивать нашу черную девятку.

– Я же сказал, чтобы он не парковался, – сквозь зубы процедил, начиная психовать на Матвея.

– погоди ты, – плечом толкнул меня Ваня, привлекая внимание, чтоб в следующий момент гривой указать в нужном направлении.

– Не понял... – нахмурился, завидев понурого Кота с Михасей, надвигающихся на нас. – Вы какими судьбами тут? По оговорке где должны сейчас быть? – неуверенно поинтересовался у пацанов, уже считая, что у меня крыша начала плавиться.

– Туман... – с какого-то хуя выбрал оправдывающийся тон Михася.

Кто-кто, но только не этот человек станет так обращаться или вести разговор. Пресмыкаться. Лыстить. Покорно смотреть мне прямо в глаза.

Захотелось моментально брезгливо скривиться и сплунуть в сторону.

Легким прищуром покосился на друга и рассмотрел то же самое в голубых глазах, уже подозревая, что они оба где-то крупно обосрались.

– Там... это... – продолжил невнятную речь Кот.

– Сука, а можно не жевать?! Можно побыстрее выложить суть?! Или капать мне на мозги вам больше нравится? – громко рявкнул на них около входа в кабак.

– Птичьев накрыл игровой зал, – Михася все же решился первым.

Пристально вглядывался в пацанов, чувствуя после фразы Михи, как холод разлился внутри, прокатываясь с ног до головы.

– И? Мне что с этого? У нас с ним территории разные, – плотно сжал кулаки и зубы и, никак при этом не дрогнув лицом, парировал в ответ.

– Наш, – вынес приговор Макс. – Мы приехали, но Марат сказал, что Птица уже все отобрал. Шмон там навел. Немного помял Марата и его людей.

Отрешенно вслушивался в слова друга, прикрыв глаза, в которых вспыхнул неконтролируемый огонь ненависти. Да и не удалось скрыть тихого ироничного смешка под монотон-

ную неразборчивую речь уже обоих моих парней.

Выпускаю сухой воздух через разомкнутые губы и неслышно интересуюсь, медленно приоткрыв затуманенные глаза:

– У него окончательно начал котел протекать? – приподнял издевательски бровь, ощущая, как пальцы закололо и сводит от тонкого льда, покрывающего все нутро.

Молчат. Все трое молчат, зная, что одно неверное слово или движение, и я сорву все тормоза.

Дергаю губами в подобии усмешки и круто разворачиваюсь к подъехавшей черной сигналящей тачке.

– Куда? – неуверенно кинул вопрос в спину Кот, но, не дождавшись ответа, продолжил. – Туман, запрещено пересекаться!

– Да меня как-то не колышет. Он ведь пасётся на нашей территории, – тяжелой поступью чеканил шаг, прокручивая в башке, как откручу ишачью голову.

– Туман... – выругался Михася, когда я залез в тачку, не обратив на их треп внимания.

– Мат, на зеленку* (наз. района), – захлопнул за собой дверь.

– В смысле? – глянул на меня Матвей через зеркало заднего вида, хмуря брови.

– Ты вдруг оглох? – вглядываясь в нашего водилу, наклонил голову к плечу в тот момент, когда пацаны молча загрузились к нам в девятку.

Четверо переглянулись и уже спустя пару секунд мы тронулись с места на чужую территорию.

– У меня с собой только нож, – нарушил молчание Кот.

– У меня кулаки, – задумчиво хмыкнул Михася, всматриваясь в боковое окно.

А у меня ПМ, но я решил промолчать, зная, что сам без чьей-либо помощи прижму жало собачонке, которая до сих пор не может прекратить тявкать на меня. Сраный год продолжается наша с ним свистопляска. Фраер все не может угомониться и оставить меня в покое. Не может простить Барину, что его задвинули на задние ряды, загородив мной. Не может забыть, что Центральной скосил половину его территории и отдал моей группировке. Ну что он против целой системы? Против Барина? Легче полаять на меня, при любом удобном случае вставляя палки в колеса. Он как болезненный геморрой, который не лечится, как сгнивший зуб в воюющей пасти, на который нет бабок, чтобы вырвать. Нарыв, с которым ты рано или поздно смиряешься, приспосабливаешься и живешь с ним. Вот и эта падаль, как больная опухоль. Рано или поздно напоминает о себе, вставая поперек горла. Вот Только сегодня он перегнул палку.

Вся наша система – как черная непроглядная вода, в которой каждый из нас барахтается, желая словить рыбу покрупнее, пожирнее, зубастее. Даже мои пацаны. Все хотят высокого положения, статуса, бабла.

За последний год наша группировка зеленых щеглов

нехило поднялась, расширилась, стала выдрессированной армией. К нам было престижно попасть не только отбросам, но и интеллигенции. Многие хотели быть с нами, а кто не хотел, то сценарий для него уже был расписан от и до. Будут третировать, не дадут жизни, спокойно учиться, станут не только требовать деньги с этого обсоса, но и с его родичей, поэтому мы и вербовали школьников, чтобы по окончании с ними не было никакой кабалы.

И Птичьев бесился. Приходил в бешенство, как только слышал о нас. Скрипел зубами, оттого как Барин расшаркивается перед нами. У нас положение, тачки, бабки, телки, к одному бокс-клубу добавились еще два зала и одна квартира, где любой из нас может периодически останавливаться, пережидая терки дома. Нас Барин превозносил, пока мы приносили ему внушительную сумму, а Птичьева с каждым месяцем затапывал, урезал в расходах, отбирал территорию, благоразумно отдавая ее нам. И я бы его ненавидел, если бы пребывал в той же заднице, что и он. Вот только не быть этому никогда. Наши два котла, которые варят абсолютно поразному. Проще говоря, у Птицы мозг с гулькин хер. А стайка завистливых гиен будет всегда. Не Птица, так другой на горизонте нарисуеться. Дело времени. И каждый будет желать устранить конкурента. Я не трогал этого фраера только потому, что он человек Барина. Всё еще его человек. Если прикоснусь, то голову мне снесут, хоть он и дерьмо, хоть и нет от него здравого толку. Он человек Барина, и этим все сказано.

– Туман, держи себя в руках, – не оборачиваясь ко мне, предупредил Кот, стоило подъехать к залу, где ошивалась стая пернатого.

– Топотишь за него, Макс? – презрительно потянул оскал.

– Шлифуй базар, – психанул Кот и вылетел из тачки.

Напряженно усмехнулся и отдал указание парням:

– Матвей и Ваня, сидите тут. Нас троих будет достаточно.

– Ты в курсе, сколько их там? – тут же вызверился на меня

Рыжий.

– Сидите, – коротко отчеканил еще раз им в глаза и вышел из тачки под забористый мат распсиховавшегося Вани.

Ровным и уверенным тяжелым шагом первым пересек порог чужого зала. За мной пацаны: Кот шел позади справа, Михася – слева. Тотчас гомон веселого гогота затух, стоило всей коdle пернатого увидеть нас.

– Какого хрена? – раздался грубый голос, в котором сквозило полное недоумение какого-то черта.

Я сразу увидел нужного мне довольного фрэера, раскачивающегося на стуле за столом, где пацаны перекидывались в карты. Не спеша приблизился к Птице и остановился поодаль, внимательно вглядываясь в счастливое хлебало, которое ненароком обещало треснуть от широкой мерзкой улыбки.

– Какие люди-и-и, – протянул клоун. – Чем обязан? Чай, а может, коф-э-э-э? – заржал он, все так же качаясь на стуле. Если он и был еще расслаблен, то парням его уже явно не до

веселья, хотя мы были в значительном минусе.

– Ну, Дэн, ну чего ты такой грустный? А может, у тебя что-то случилось? Может, ты за помощью пришел? – он резко нормально сел на стуле и развел в стороны руками, чем заставил моих парней позади напрячься.

– Деньги, – только и сказал ему, боясь кинуться раньше времени на этого утырка.

– О-о-о, – в очередной раз загоготала эта лошадь. – Денег все хотят. Сколько тебе? Я одолжу. Я нежадный, – последнее произнес с наигранным укором, глядя на меня исподлобья. – Мы все-таки вращаемся в одной команде.

Пиздабол. Всю жизнь презирал таких сук.

– Ты долго будешь выплевывать фуфло в пространство? – заиграл желваками и прищурился на него. – Я сказал, деньги. Все!

– Так я спрашиваю! – воскликнуло чучело и подскочило с места. – Сколько?!

Я впервые за весь день хищно улыбнулся, словно перед прыжком, заставив барана стереть с лица противную полуулыбочку.

– Ты че мне ссышь в уши? – сделал шаг к нему, простимулировав своим движением его парней. Те приблизились ко мне, но, встретившись с моим внимательным безразличным прямым взглядом, отступили на один шаг. – Я тебе отвечаю, Птичьев, – плавно перевел все внимание на дятла. – Я тебя здесь положу сейчас. Не посмотрю ни на что. Ни чей ты че-

ловек, ни кто за тобой сейчас тут стоит. Нету тела – нету дела... – ослабился ядовито, вглядываясь в него пронизывающе. – Гони бабки, которые ты пригрел с моей территории. Я считаю до трех... – на этих словах полез за пояс, вытаскивая свой ПМ.

– Смеешь приходить ко мне, Туман? На моей земле вести со мной так разговор?

– Ты че-то попутал, меля... – нагнулся к нему, держа заряженный ствол в руках. – Это ты решил ступить на мой район. Ты решил погреть лапы с чужой прибыли. Это твои бабки?

– А тебя когда это интересовало? Разве не ты чужое грабастаешь?

– Я беру свое! – зарычал на него, сжимая шершавыми поддрагивающими пальцами холодную сталь ствола. – Вздумал лечить меня?! Это мой доход! Моя территория! Моя зарплата! Мои люди! А ты – отребье, которое перешло мне сейчас дорогу. И я при любом раскладе заберу свое.

Минутное молчание глаза в глаза, и Птичьев выдвигает ящик стола и кидает передо мной конверт с деньгами.

– Чтобы духу твоего не было на моем районе. Я тебе в следующий раз головешку тупую оторву. И на заметку, пернатый... – мельком охватил людей, стоявших возле Птицы. – Ты трусливая псина, которая трясется за место под солнцем, но даже твои люди неподвластны тебе, что уж говорить о тебе самом. Я бы за этот шаг, – навел ствол на его шавок, – своих бы затоптал. Последнее слово всегда будет за мной. Смирись

уже и может жизнь твоя станет проще, – весело хмыкнул в зеленые глаза, наполненные ненавистью и не прощаясь развернулся в сторону выхода под оглушительное эхо тишины.

Кто ж знал, что этот индивид уже ночью не просто перегнет палку, а переступит черту дозволенного... Может быть, в эту секунду я бы не разговоры вел, а сделал то, зачем изначально ехал сюда.

Глава 17

Денис. Вечер следующего дня после происшествия

Толком ничего не осознав, поморщился от гула шагов в ушах и, собравшись с силами, с трудом попытался разлепить свинцовые веки, на которые, казалось, взгромоздили по гире. Вмиг почувствовал, как в затылке и в висках набатом отбивает молоток, не щадя и без того дурную башку, пока я щурил слезящиеся шары, стараясь хоть на чем-нибудь сфокусировать пьяный замыленный взгляд. Пасть и глотка пересохли, онемевшие губы слиплись, не давая возможности хотя бы сглотнуть склизкий ком, застрявший где-то в районе гортани.

Куда меня черт занес?

Мозг упорно отказывался работать, пока я не обвел глазами, раздражая сильнее глазницу, обстановку вокруг, и только после этого понимание медленно закралось глубоко в сознание, приступив противно соскребать мозги.

Сука... Боль... Дичайшая боль почему-то во всем немощном теле, поскольку даже дернуть пальцем не могу. Думал,

когда примечал не только облупившиеся голубые стены палаты, но и вздувшуюся белую краску на деревянных больших окнах, за которыми виднелся один непроглядный мрак, белый психоделический побеленный потолок, а также слышал раздражающие тяжелые из стороны в сторону шаги бати по палате.

– Получай, сука... Сдохни, тварь... Последнее слово за мной, но никак не за тобой... Удачи на той стороне.

– Ты превратился в дерьмо...

Птичьев...

Зажмурился, прокручивая события накануне перед своим подъездом, тонущие в кроваво-красной огненной вспышке жжения и нехватки воздуха.

Птичьев...

Сука, ты даже замочить с одного раза меня не смог. Убогая мразь.

– Пить... – покорёженный хрип вырвался из глотки, привлекая к себе мать и отца, который, к слову, резко застыл на месте возле белой металлической койки, а матушка оторвалась от разглядываний пейзажа за окном и бессмысленных всхлипываний.

– Боже! Денис! – воскликнула мать и, разрыдавшись, побежала к графину с водой, стоявшему на прикроватной тумбе. – Нет, не шевелись. Пока нельзя, сынок. Слава Богу, ты пришел в себя! – скулила рядом со мной женщина в длинной коричневой юбке и клетчатой теплой кофте с воротом,

вызывая в башке скачкообразные волны ломоты. Трясущимися руками наливала воду в граненый стакан, неаккуратно разливая ту на пол. – Я помогу, помогу... – поднесла воду к губам, пытаясь придержать меня за голову, которая по ощущениям явно была пробита.

Пока пил или, вернее сказать, смачивал губы, скрестил взгляд с батиным, и тотчас инстинктивно почувствовал, что тот желает сломать меня, задавить. Он, глядя на меня, выдохнул, снабжая воздух вырывающейся яростью, и резко гаркнул на всю палату так, что чуть не лопнули перепонки:

– Пришел в себя, сучонок?! Догулялся?!

Многозначительно глянул на него, никак не впечатлившись суровым тоном, и мать решила тут же миролюбиво вмешаться в разговор.

– Андрей, я тебя умоляю, не здесь и не сейчас... Он же только в себя пришел.

– Пусть говорит, – с трудом прокрутил языком. – Зачем откладывать разговор. Днем раньше, днем позже, – прохрипел я и закашлялся.

Меня посетило ощущение, что у раскрасневшегося отца сейчас от злости перекосятся морда.

– Ты еще после всего шутишь, поганец? – ледяным тоном переспросил батя, ощерив верхнюю губу в зверином оскале. – Считаешь, надурил меня? Замылил глаза своими байками про работу? Да кому ты нужен?

– Ты меня с собой равняешь, что ли? – хмыкнул оцени-

вающе и пытливо посмотрел на него со смесью презрения и безразличия.

– Дени-и-ис... – мать удрученно прикрыла ладонями лицо, тем самым пытаясь пристыдить за то, что я посмел намекнуть на нынешнюю работу отца.

– Да, я работаю на Богдановском рынке, – мгновенно окрысился батя. – Я не сижу дома! Я пытаюсь любым способом добыть деньги для своей семьи! – пробасил вновь на всю палату и схватился за железку на койке.

Работать? Продавать поношенное шмотье и книги – это означает работать? Или, может, по ночам охранять за копейки богом забытый завод, который каждый день растаскивают на металл. Но батя ведь честный, бывший полковник ВДВ, он лучше руку себе по локоть отгрызет, чем положит в карман чужое.

Я иронично заломил бровь и усмехнулся, столкнувшись со знакомым презрением и разочарованием в идентичных глазах напротив. Даже в такой обстановке и при таких обстоятельствах мы давили друг друга, не могли спокойно поговорить, как обычно это и бывает, нам не хватает места, когда мы оба находимся на одной территории.

– Ты думаешь, я не понимаю, с кем ты шоркаешься? Шифруешься? Не знаю, что происходит в нашем городе? – он с психу сдернул с себя белый халат, оставаясь в сером узорчатом свитере. – Или я, по-твоему, дурак, который не понимает, сколько на сегодняшний день зарабатывает охранник?

Ты тупая малолетка, которая решила, что умнее своего отца, прожившего жизнь? И это последствия твоей безмозгой головы! – тычет в меня пальцем и басом орет. – Во что ты ввязался? Я говорил тебе, если узнаю, что полез в криминал, то вышвырну тебя из дому? Это благо тебя ударили в левый бок! В левый! А если бы в правый, то труп! Труп, ты это понимаешь, сучонок?! Семь ножевых! – подскочил ко мне и схватил за горло, но мать, взвизгнув, вцепилась в отца и вновь завывала.

– Отпусти его, отпусти. Он ведь под капельницей. Только себя пришел! Андрей, я молю тебя, не трожь его.

– Что тут происходит?! – вломились к нам медсестра с врачом. – Вы что творите?! – подбежал врач и начал чем-то светить мне в глаза.

– Откажись от всего, что себе напридумывал! Я теперь тебя за порог дома не выпущу! Прижму тебе жало, – продолжал разъяренный батя, чуть ли не плюясь.

– Все на выход! – бескомпромиссно указал на дверь доктор.

– Мне не всрались твои нотации, – в ответ нагло парирую отцу развязным тоном и закрываю глаза.

– Пошли, Надежда... Ничего с ним не случится. Живее всех живых. Зря только сопли на кулак наматывала.

Усмехнулся про себя и понял, что даже за живое не задел. Безразличие, переплетающееся с холодом внутри. Абсолютный штиль. Вроде родные люди, а на деле как будто впервые

их встретил.

Громкий хлопок двери подтвердил, что я остался наедине с врачами.

– Давно я тут? – разлепил глаза и уставился на худощавого мужика в круглых очках, который мерил мой пульс и смотрел на свои часы.

– Со вчерашней ночи. Пару часов назад вас перевезли из операционной в палату. Семь ножевых. Либо вы сильный человек, либо вас уж очень кто-то любит сверху. Удары пришлись в пустоту, почки не задеты. Кровотечение остановили, зашили, от наркоза отходите и поэтому сейчас чувствуете боль. Под утро, через пару часов вколем обезболивающее. Друг ваш успел вовремя. Не забудьте потом его при встрече поблагодарить, – оторвался от меня врач и мельком стрельнул взглядом на медсестру, сворачивающую капельницу. – Светлана, закончили?

– Да.

– Какой друг? – задал вопрос и натолкнулся на внимательный взгляд.

– Вам виднее. Он вас обнаружил около подъезда.

Кот. Он еще отирался с Михасей и Стрижом, когда я отправился с Матвеем домой.

Больше ни слова не говоря смежил веки, проваливаясь в беспокойный поверхностный сон. Чувство лихорадки все время не отпускало, поэтому я так и не понял, то ли мне пришло, то ли врач еще произнес, что придется потратить

пару месяцев на восстановление.

А утром, еще когда толком не рассвело, в палате загорелся противный свет и с видом хозяина положения в палату прошел следак, усаживаясь на пустующую рядом со мной кровать.

Я удивлен, как он еще из-за нас не наступил на рюмку. Сколько ж мы у него крови попили. Так и хотелось растянуть предвкушающую улыбку на всю морду, да только вдруг решил поиграть по нашему с ним сценарию.

– Вы кто? – серьезно начал я, чем в первые секунды удивил красного, заставив на время проглотить язык и потеряться.

Сука, жаль, что под рукой камеры нет.

– Туманов, я не понял, у тебя биполярка вместо ножевых? Решил вдруг прикинуться дурачком?

– А... – чуть помедлив, поменял тон на насмешливый, но отстраненный. – Я вас не сразу признал, товарищ следователь Ветров. Встать не могу пока.

– Рот закрой свой, – резко сквозь зубы выкинул фразу, прервав меня. – И давай по делу. Кто и за что?! – приготовил ручку, чтобы записать мою болтовню на альбомный лист, заранее достав из папки.

– Я ябедничать не привык. Меня не так воспитали, – хмыкнул про себя, подумав, что это воспитание я привил себе сам. Братишка младший бы тут уже обосрался и все вывалил как на духу.

Ага, залупу*(мужской половой орган) ему длинную и воющую, а не правду.

– Ты игратья удумал? – рывкнул на меня.

– А вы ко мне еще не привыкли? – огорченно вздохнул и зажмурился из-за раскалывающей башки и дикой боли в боку.

Да, из-за сотрудничества с Бариним Ветров теперь не скоро слезет с меня. Но даже за год он так и не накопал на меня по серьезке. Так, мелкая хулиганка... Я со своими людьми сразу всем терпилам закрывал пасти, а самые разговорчивые расплачивались особо жестоко. Ну или их семьи расплачивались за косяки стукачей. А сверху после меня подчищал Барин или его брат из органов – Алмазов, – уж точно не знаю. Туда нам вход был закрыт. Мне достаточно, что я жил спокойно и в ментуре за год побывал всего лишь дважды.

– Кто тебя прессанул, Туманов? А то только вы, да вы, а тут я прям удивился.

– Очень рад, что смог вас поразить, – хмыкнул и раскрыл опухшие глаза, сталкиваясь с его пристальными, холодного голубого оттенка. – А что, есть что-то на меня? Я просто не понимаю, за кого вы говорите. Мысли, извините, не читаю. Надеюсь, это не наказуемо законом?

– Ну, если будете и дальше данью обкладывать, то мало что найдется. Но рано или поздно, поверь, я докопаюсь.

– Это вы сейчас намекаете на свою доблестную милицию? – рассмеялся через силу, пытаясь отвлечься от боли в

теле.

– Смейся, Туманов. Вижу, первая ответка тебе уже прилетела? – наигранно хрюкнул красный.

– Так я не знаю, за что. Шел себе спокойно домой. Открыл подъезд, а потом все-е-е. Темнота. Открыл глаза...

– И опять мы возвращаемся к нашим баранам. Да, Туман? Снова очнулся и гипс?

– Почти. Только у меня, оказывается, дырка в боку. И очень... – выгнул голову, затылком сильнее упираясь в подушку.

Бля-я-ядь...

– Ооо, по твою душу...

Вовремя зашла медсестра, неся в руках маленький полукруглый металлический поднос.

– Нужно сделать укол обезболивающего.

Да коли ты уже быстрее! Иначе я точно сейчас откинусь.

– Ветров, я все сказал. Добавить нечего, – смотрел, как баба вводит в вену лекарство.

– Значит, не скажешь?

– Нечего. Все что помню, изложил устно.

– Как выйдешь, я жду тебя в отделе.

– Найдите его! – неожиданно воскликнул, обрадовавшись, что поясница начала мгновенно неметь. – И посадите! Эти сволочи должны сидеть за решеткой! – перешел на клоунаду, заставив Ветрова сжать челюсти и поморщиться. – Долбиться в десна не будем! Не такие мы и друзья.

– Туманов! – следак круто развернулся ко мне, когда оказался уже у двери. – Не выводи меня! – рыкнул, направив на меня папку.

Но и на этом посещения не закончились. День только начался, я более-менее поспал после укола, а когда очухался под громкий стук капель проливного дождя об стекло окна, ко мне заявился Кот, да не один...

В груди раннее незнакомое чувство взорвалось, дробя на осколки кости и потроха в мясо. А может, это, все же, сердце, Туман? Все еще живое сердце, которое начинает биться рядом с этой сумасшедшей. С девочкой, которая не похожа ни на одну другую. Девочка, с которой тепло, уютно, хорошо и сердце с каждым ударом бьется быстрее, как ни с кем другим.

Взглянул испепеляюще на Кота, пока Прищепка, как ошпаренная, залетела в палату, подбежав к окну, и безмолвно передал, что этот баран редкостный долбоёб.

Кот развел руками, мол, говоря, что он в этой ситуации был бессилен и ничего не смог сделать.

Девчонка, встав к нам спиной, сложила руки на груди, плялилась в окно и громко пыхтела, как паровоз.

– Ульян? – осторожно позвал ее, зная, что и этот взрыв неминуем.

– Кретин! – завизжала Прищепка, развернувшись к нам с красными опухшими глазами и рубанула ребром ладони воздух.

Смотрелось это, конечно, комично, но я не рискнул давить лыбу, пока она пребывала в таком состоянии.

– Ты! Ты! – на каждого из нас тыкала пальцем и орала, казалось, на все отделение. – Сволочи!

– Замолчи! – гаркнул на нее впервые, ненароком напрягая бочину, чтобы ее истерика пошла на сход, но не тут-то было, только себе хуже сделал.

Она-то от неожиданности на секунды замолчала, а после продолжила выплевывать все, что приходило в ее светлую, но дурную голову.

– Ох, я тебе сейчас замолчу. Я та-а-ак сейчас замолчу! – орала на меня девчонка, напрягая горло.

– Мда... зря, – вклинился в нашу увлекательную беседу Кот и решил пройти до деревянного стула, который скромно стоял в углу палаты около двери.

– Где вы все время пропадаете? Вас нет ни днем, ни ночью! Какая такая работа? Что за секреты?! Почему с тобой это все случилось? Считаете, я совсем дремучий лес?! Дура, по-вашему, да?! – дрогнул за все время ее голос и на мгновение стал тише. – А если бы не Макс? Кто это сделал? Никто же из наших жильцов не валялся у подъезда в луже собственной крови! Я... Я... Я когда узнаю, я убью его! – резко прекратила кричать, но не тише, чем орала, заревела навзрыд и со скоростью света сорвалась из палаты.

– Уля? – сиплым голосом окликнул ее, но ту хер в чем переубедишь. – Ты зачем ее привез? – глянул на Кота через

время.

– Думаешь, у меня был выбор? Ты хоть представляешь, какую истерику она дома закатила? Весь дом стоял на ушах, когда я тебя обнаружил. Она услышала, когда я в квартиру забежал и скорую вызвал. Ломанулась за мной. Мне не до нее было. Мне бы тебе бок зажать и кровь остановить.

– Ты один был? Без пацанов?

– Один. Мои к твоим побежали, оповестили. В скорой уже ты со своими поехал. А девчонка как с ума сошла.

– Ты сюда как добрался? – перевел на него сосредоточенный взгляд.

– Туман, я не идиот, – шепотом заметил Кот. – Своим ходом.

– Кот, не свети ее. С кем бы ты ни был. Ни с Михасей, ни со Стрижом, ни тем более с Матвеем. Барин знает все. Но он не знает... – не закончил фразу о том, что никто не знает, как мы с ней привязаны друг к другу.

– Ты поэтому, что ли, отгородился от нее?

– Мы постоянно на деле, – холодно отчеканил и закрыл эту тему.

– Кто это сделал? – перешел к делу Макс.

– Я не видел...

Пристально посмотрели с Котом друг другу в глаза и больше ничего не сказали.

– Сегодня тебя переведут в одноместную палату. Барин все знает. Ты ни в чем не будешь нуждаться. Он быстро по-

ставит тебя на ноги.

– Ну да, пахать-то нужно, – безрадостно усмехнулся.

– Я пошел. Еще к басурманину ехать. Будь он неладен.

– Кот? – позвал его, когда тот собирался оставить меня одного.

– Да? – обернулся ко мне друг с опухшими глазами и залегшими под ними тенями.

– Спасибо тебе. Если бы не ты, я б уже откинулся.

Кот хмыкнул и, весело подмигнув мне, молча развернулся и закрыл дверь с той стороны.

Смежил веки и тяжело выдохнул, возвращаясь мыслями к девчонке, но минуты не прошло, как Прищепка снова заскочила ко мне в палату вся в слезах.

– Ну че ты вот реवेशь? Все же обошлось... – потянул правый уголок губ и протянул ей руку.

Уля пуще прежнего заплакала и кинулась ко мне, цепляясь за шею, хватая за лицо, щеки, нос, трогала короткий ежик волос, обмазывала меня слезами, целовала куда попадет и, захлебываясь, рыдала.

– Я... – начала заикаться она. – Я... тттак испугалась. Так сильно.

– Я верю, мелкая. Успокойся. Теперь все хорошо.

– Я как там тебя увидела на холодном асфальте, всего в крови, и ее так было много. Оче-е-ень. Там до сих пор следы. Чертова кровь не смывается. Я, понимаешь... понимаешь, даже не почувствовала. Тогда же, год назад, все почув-

ствовала. А сейчас... Как могла. А потом такой холодный, нет, жгу-у-учий страх, что я тебя навсегда потеряла, Денис. Я же... Я же... – всхлипывала, заикалась, гладила меня. – Если бы не Макс. Я же могла потерять тебя. Я же сама бы умерла. Я бы не смогла без тебя.

– Ульяна? – громче обычного постарался ее вернуть, схватив за руку. – Даже не смей так думать. Ты поняла меня?! – рывкнул на нее, резко взбесившись, что она даже мысль допускает об этом.

– Я испугалась.

– Все закончилось, – большим пальцем вытер слезу на ее щеке, а после провел по носу и светлой бровке, следом зарываясь в копну волос, завязанных в растрепанный хвост.

– Ты обещал всегда быть со мной. Помнишь? Но ты целыми днями где-то пропадаешь. Меня избегаешь. Я же чувствую, Денис. Тебя чувствую. В чем дело? Мы всегда были втроем, были рядом. Говорил, не оставишь меня, а сам там... там... на асфальте. И если бы не Макс... – впилась в мою руку и своими ярко-голубыми глазами с изумрудным ободком по кайме гипнотизировала мои.

– Все, все, – завел руку ей за шею и подтащил Прищепку ближе к себе. – Ульян, просто работа. Так получилось. Но я всегда рядом с тобой. Я никогда не забывал о тебе, – и, понимая свои следующие слова и какую боль ей нанесу, выдавил с трудом. – Ты всегда будешь моей мелкой, – сжал зубы и зажмурился, когда она застыла в моих тисках, уткнувшись

мне мокрым носом в шею.

Истерический смешок вырвался из ее горла. Болезненный. Сломленный.

– Помни о своем обещании, Кудрявый, – прошептала она и, нежно поцеловав меня в щеку, тихо покинула палату.

– Сука! – ударил костяшками по облупленной стене, разбивая их в мясо. – Мммм, – промычал, когда после удара онемело лицо и рот наполнился обильной слюной от боли в боку.

Прости... Это для твоего же блага. Я о тебе думаю. Всегда о тебе...

Глава 18

Денис. 2 недели спустя

Я из своей комнаты лупатил в окно на наш убогий спальный серый двор, который в данный момент пустовал из-за гнетущей сырой погоды. Картинка луж, месива грязи, голых деревьев и ебучего ледяного ветра навеивала и без того скверные мысли, усугубляя собственное мерзкое настроение.

Тяжело выдохнул и сильнее сжал пальцами деревянный подоконник, повесив вниз голову.

Это клиника... Собственный дом оказался еще хуже, чем больничка, Туман. А дом ли он мне? Был ли когда-нибудь? Разве тут мое место? Я себя ощущаю проще и на расслабоне с совершенно посторонними мне людьми.

Резко оттолкнулся и развернулся к двери, натыкаясь на утырка-братца, который сидел на своем диване и губами безмолвно читал ноты в тетради.

Чмырь...

Скривился и время погода отклонился назад, задирая левую руку вверх, и потянулся вбок, болезненно морщась. Место пореза и шов до сих пор не давали покоя. Тянуло. Ныло. А иногда мерещилось, что в нем вновь изящно прокручивают заточку.

Ну ничего... Я с этой крысы, мутившей исподтишка дела, еще не так спрошу. Летай, пока можешь, пернатый.

Пребывая в мыслях, уже в сотый раз не спеша прошелся по комнате от окна до двери и обратно. Внимательнее приглядевшись и прищурившись, дернул в сторону белый тюль, заметив, что во двор заехал новый мерс. Знакомый. Знаю, что мурло прикупил его пару месяцев назад.

Еле уловимо наклонил голову к правому плечу и заложил руки в карманы спортивных штанов, наблюдая, как новенькая тачка припарковалась около моего подъезда.

Ну и? Какой дальше сценарий?

Усмехнулся вслух, не обращая внимания ни на что, кроме происходящего на улице под моими окнами.

Примерно спустя пару минут Виталья вышел из тачки, оглядываясь по сторонам, пока не задрал голову вверх прямым к моему окну, сталкиваясь со мной взглядами.

Смотрим и не даем друг другу никаких сигналов. Без слов

и действий понимаем, кто и что хочет в данный момент.

Вытаскиваю руку из штанов и молча выставляю пятерню, намекая ему, что понадобится минут пять. Уже предвкушаю скандал дома, поскольку личная охрана в виде отца якобы контролирует, по его мнению, ситуацию надо мной.

Надзиратель хуев. Его невидимая удавка на шее с каждым днем затягивается сильнее, не давая возможности даже спокойно поспать.

Виталья махнул головой в сторону и загрузился в тачку, тут же ударяя по тапку и выезжая со двора.

Прикрыл глаза и вздохнул, разминая при этом шею. Готовился к пиздецу, который начнется с минуты на минуту, слыша доносившийся до нас грозный бас бати.

Обернулся через плечо и обвел комнату. Выхватил взглядом свою черную ветровку на замке и пошел к ней.

Но кто бы мог подумать, что утырок подаст голос, подливая масла в топку.

– Отец же дома. Куда ты? Он не выпустит тебя, – беззаботно обратился ко мне Никитос, явно затерявшись в своих нотах.

А так как я стоял рядом с ним и натягивал плащевку, без труда выкинул резко руку и схватил его за горло, нагибаясь к его перепуганному до чертиков лицу.

– Завали ебальник. Еще бы я тебя не ставил в известность о своих передвижениях. И пока я пребываю в таком настроении, лучше не заговаривай со мной, если не хочешь полу-

читать пизды, – слабо дал ему по уху, глядя в бегающие трусливые глаза, и отошел от него.

Впился взглядом в свой матрас на кровати, задумчиво нащупывая в кармане ветровки пачку сигарет, и скупно проговорил оленю:

– Вышел отсюда. И пока я не уйду, чтобы не заходил.

Чмошник пулей вылетел из комнаты, закрыв за собой дверь, а я, не теряя времени, подошел к своей койке и поднял матрас, наталкиваясь взглядом на долларовые купюры в трех пачках и ПМ. Схватил ствол и заложил за пояс, а когда открыл дверь комнаты, чуть было не столкнулся с отцом нос к носу.

Вот бляди-и-ина!

Не получилось, Туман, выйти незаметно. Ну хоть успел взять ствол и не засветить бабки.

Из комнаты родителей выглядывал перепуганный горе-брат.

– Я тебе, сука, голову откручу, но отучу стучать, чмо ты недоразвитое, – и мне мгновенно прилетает отцовский подзатыльник.

Если он херачит, то от всей души.

– Ты как с братом со своим говоришь? На лыжи уже встал? Забыл уже наш разговор? Ты не выйдешь никуда. Пшел обратно в комнату.

– Отойди и дай мне пройти, – исподлобья недобро зыркнул на него, от всей души желая сейчас пару раз ему вьебать.

– Ты еще глазами на меня будешь стрелять? Крыситься. Зубы показывать? Я тебе сейчас их все разом выбью, – схватил меня за шкуру, припечатывая к стене.

– Батя, не вынуждай... – процедил ему в бешеные глаза, но не закончил фразу, так как мать выбежала из ванной и кинулась нас разнимать.

– Господи, я даже помыться спокойно не могу. Да сколько это уже будет продолжаться! Отпусти его, Андрей. Он еще не восстановился толком. Да хватит, – последнее проорала она, когда отец хотел меня швырнуть в комнату, но я резко выкинул вверх руку, блокируя его правую и выворачивая её с захватом.

– Я сказал, отойди и не вынуждай меня применять силу, – прорычал ему в рожу и оттолкнул от себя, но на этом он не успокоился и кинулся на всех парах ко мне, а мать, предугадав, загородила меня и повисла на бате.

Презрительно скривился и пошел на выход, слыша вслед маты в свой адрес.

– Этот выблядок совсем отбился от рук! Ты что, не слышишь, что он уходит?!

– Да пусть идет. Он толком даже не одет. Дай ты ему хоть воздухом подышать! Что ты взбеленился. Он сейчас вернется.

– Как вернется, так три шкуры с него спущу. Скотина малолетняя. Взял за моду огрызаться с теми, кто его вырастил. Хлопнул входной дверью и рванул вниз по лестнице. Толь-

ко вылетев на улицу, остановился, чтобы отдышаться. Потер устало переносицу и нащупал в кармане сигареты – как оказалось, осталась последняя. Заложив её в уголок губ, медленно смял пачку в руке и отшвырнул в сторону.

– Ебучее дерьмо.

Неторопливо шоркая тапками по грязному асфальту, побрел к тачке, стоявшей на выезде из двора. Запах мокрой земли забивался в ноздри, а пронизывающий ледяной ветер пробирал до костей.

Виталья стоял возле мерса и смолил сигарету, пока я свою просто держал во рту.

– Дай прикурить, – раздраженно процедил.

– Че, все так херово? – с долей участия решил, как всегда, проникнуться ко мне водила Барина. – Так и меряетесь хуями? – но подмечая мое безразличное непроницаемое ебало, водила решил подойти с другого края. – Ты на взводе. Туман... – попытался словить на себе фокус моих глаз. – Не пыли. Пара фраз, и тебя понесет.

– Сука, все пытаются меня учить... – надменно хмыкнул и выкинул недокуренную сигарету в лужу. – Как же я, блядь, дорос-то до своих лет?! – начал на него гавкать, понимая, что Барин нас слышит из машины.

– Сядь ко мне. Долго мне тебя еще ждать? – припустил с заднего сидения стекло центральной и попытался меня приосмирить одним холодным взглядом.

Но когда я оказался рядом с ним на заднем сидении, оба

не спешили заводить разговор. Он лазил в бумагах, а я слепо пялился застывшим взглядом в окно.

– Как ты? Как здоровье?

– А-а-а-а на-а-а-астроение хуевое у ме-е-е-е-ня, – пропел с наигранной веселостью и повернулся к Барину, смотрящему в котлы. Выражение мое его никак не смутило, а Виталя, сидя уже за рулем, кинул на меня быстрый предостерегающий взгляд в зеркало заднего вида.

– Расскажи-ка мне, что произошло, – спустя еще пару минут подал голос Владислав Владимирович.

– А я откуда знаю? – пожал плечами.

– Денис, я, по-твоему, в шутки с тобой играю? – отложил на переднее сидение документы и уставился неприязненным взглядом на меня. – С ментами-то все понятно. Я лично видел твои показания. А теперь тебя спрашиваю я. Кто?!

– Не, мне не трудно повторить, Владислав Владимирович. Я не помню. Я никого не видел. Все произошло со спины. Молча и тихо. Я даже одуплиться не успел, – проговорил в прищуренные глаза центровому спокойным ровным тоном, напоминающим безжизненный.

– Значит, ты решил выбрать ложь? Ты же понимаешь, что я скоро все узнаю? Я сейчас скажу своим рыть, и они нароют. Все. От и до. Ты даже сам будешь поражен информацией. Может, даже той, о которой не догадывался.

– Ищите... – отклонился на сидение, удобно упираясь головой с закрытыми глазами. – Мне самому интересно.

Если Барин сейчас мне поверит, то время у меня будет. А там – море по колено. На месте, как обычно, ориентируюсь.

– Тебе интересно... – медленно проговорил он сбоку, будто пробуя на вкус слова.

Чувствовал, как висок жжет от его прямого агрессивного взгляда.

– Я не раз тебе говорил, Денис, что ты фартовый малый. И последняя ситуация тому доказательство. Но я тебя сколько раз просил не соваться в то, что тебя пока не должно волновать? Я тебе даю установку, но ты же все делаешь по-своему! Ты зарабатываешь хорошие по нашим меркам бабки. Куда ты еще хапаешь? Ты ни квартиру не покупаешь, ни тачку. Хотя нахера они тебе нужны?! Я же вам дал все, сколько ты просил. Так какого черта ты хапаешь?! Ты что, блядь, за год не утолил свою жадность? – его тон набирал ядовитую для моей головы тональность.

Раскрыл глаза и удивленно глянул на него.

– Не на-до ме-ня ле-чить, – по слогам процедил, когда отклонился вперед от спинки и больно сцепил чешущиеся руки, не обращая внимания на то, как гневно затрепетали широкие крылья носа Барина. – Вы попилили территорию, выделили для меня и моих людей определенное число терпил, указали на точки и сказали: работай! – начал выходить из себя, пропуская мимо ушей покашливания Витали. – И я работаю! Не вы! А я! Я несу вам бабки по первому требованию! Бабки, которые отбираю я! Потому что я знаю за них все.

Сколько, когда, где. Знаю, сколько можно наварить сегодня, когда ебануть и где все провернуть. Не надо меня учить, как делать дела! До сегодняшнего дня вам все нравилось, Владислав Владимирович! Особенно суммы. Или не вы мне изначально сказали, что я должен подчинить всех этих трусливых мразей без вашей помощи? Я должен устанавливать в своей группировке правила! Меня должны бояться! Моих людей – обходить! Ваши слова? И все так, как вы хотели! Так в чем же претензия?! Что-то опять не так? Или это не я в три раза увеличил вашу прибыль по своим точкам?! За один сраный год! И попрекать меня машиной, залом, квартирой не нужно. Этого мы своими силами добились!

– Попустись, Денис Андреевич, – с прищуром жестко от-рикошетил Барин. – Ты не забыл, с кем сидишь? На кого голос повышаешь? Если я захочу, то ты быстро всего лишишься, и не посмотрю, какую прибыль ты несешь. Не отпустило тебя, что ли, до сих пор? Не пришел еще в себя?

Я растер руки и отвернулся от него.

– Вот так. Дыши глубже и думай, с кем можно так говорить. Я долго играть с тобой не буду.

Замолчали и, похоже, оба решили успокоиться.

– Я не имею ничего против. Ты хорошо выполняешь свою работу, – заговорил центральной, когда понял, что остыл, даже голос его стал мягче. – Но потерять я бы тебя не хотел. Я сказал только, что это мог сделать тот, кому ты изо дня в день переходишь дорогу. Ты ведь им даже житья спокойного

не даешь. Даже мои взрослые мужики в этом плане все понимают и в другом городе мутят дела иначе. Ты же, словно воли не знал, денег не видел. Пускай год на прежнем обсопе посидят. Успокоятся. Всего, что с тобой случилось, стоило ожидать. Ты не в сказку попал.

– Я в курсе, – оглянулся на него со всей серьезностью. – Я отчет отдаю всему. И то, что меня завтра завалить могут, тоже понимаю. Мне элементарные вещи разжевывать не нужно.

Он тяжело вздохнул и устало потер переносицу.

– Не выходит у нас сегодня разговор.

– Я сразу сказал, настроение у меня хуевое.

– Ладно, – очнулся он и полез к себе в карман черных классических брюк. – Вот. Это ключи от хаты. Твоей, – протянул мне связку, на которой висело два маленьких ключа. – Я ее снял лично для тебя пока на год, там посмотрим. Вот тебе адрес, – передал аккуратно сложенную бумажку. – Нанял врачей и медсестру. Тебе нужно восстанавливаться, вижу, еще хромаешь и за бок держишься, – вложил мне в руку содержимое и наставительно посмотрел в глаза. – Как я понял, домой их к тебе я не смогу отправить. Денис... – замолчал он. – Наверное, пора переезжать. Ты все равно не сможешь долго скрывать от них, кем ты являешься. Думаю, батя твой и так обо всем догадывается. В ближайшее время работы прибавится, и тогда тебя будут многие знать в лицо. У меня все, – так же резко, как и начал, замолчал и потянулся

к бумагам на переднем сидении.

– До встречи, – открыл дверь тачки и вылез наружу.

– Выздоравливай. Я жду тебя.

Машина скрылась из виду, и только тогда я задрал голову к затянутому небу и, хмыкнув, поплелся домой.

Мать вашу, что за день? Ну хули... Раз делать, так до конца. Тем более, мне самому не улыбается жить с ними под одной крышей. Когда-то должен был прийти всему этому конец.

Глава 19

Денис

Хлопнул входной дверью и, скинув грязные тапки, немедленно прошел к себе в комнату, напрямик к шконке. Не обращая внимания на мелкого сучонка, который, похоже, только зашел в комнату и при виде меня забился в угол возле своего дивана, вытащил из-под матраса ключи от девятки, припаркованной в соседнем дворе, и бабки. И именно в тот момент, когда я распределял пачки зелени в карманы своей плащевки и трико, забежала заплаканная мать, да так и застыла с открытым ртом на пару с братцем, у которого в данный миг шары чуть не выпадали из орбит.

– Эт...тто... чч..чтоо... – пока матушка пыталась обрести дар речи, прожигая потерянными взглядом мои набитые наличностью карманы, в комнату забрел отец, держа в руках офицерский ремень с большой железной бляшкой.

– Жалею, что слишком поздно взялся за тебя. Жалею, что упустил и не лупил тебя, как батя – твоего дружка. Такого же уголовника, как и ты. Ну ничего... Никогда не поздно начать, – последнее проорал во всю глотку и, толкнув в плечо окаменевшую на месте мать, двинулся на меня.

А я, дабы избежать драки, переворота квартиры и долгих объяснений, не глядя на отца резко вынимаю из-за пояса ствол и направляю на него.

Замерли все, и воцарилась долгожданная мертвая тишина.

Мать с полными слез глазами будто бы проснулась и зажала крепко двумя ладонями себе рот, словно боясь издать любой звук, а тем более вопли рыданий. Братишка медленно сполз по стеночке и закрыл голову руками. И только батя прищуренно изучал ствол и пару раз незнакомо стрельнул в меня глазами.

Это приговор. Для нас... Для всех. Для нашей семьи. Ничего уже не будет, как прежде, лучше, хуже. Будет никак. Я одним движением стер все махом.

– Не изучай, – хрипло произнес я, обратившись отрешенно к нему. – Он настоящий... – сделал паузу, ожидая от него хоть слова, но он, кроме своего брезгливого взгляда, так ничем меня и не наградил. – Я ухожу, – и вот тут впервые за все время мать быстро замотала головой, протестуя, а батя шагнул ко мне.

Уверенные и отточенные движения. Курок, спуск... Неза-

медлительный оглушительный выстрел и раскатистый панический крик матери.

– Я не шучу, – с невозмутимостью осведомил отца безэмоциональным тоном. – На первый раз осечка. На второй уже гарантировать не могу.

– В отца родного выстрелишь? – иронично заломил кустистую бровь, подкрепив холодной усмешкой.

Вот сейчас как никогда была заметна его выправка и подготовка. Только такие моменты, как совместная с ним стрельба, давали мне понять, кто он на самом деле. Он военный, он боец, но никак не вонючий торгаш на бичевском рынке.

– Если потребуется... Я уйду. Больше вас не побеспокою. И ты меня не тронешь.

– Долго не пришлось ждать, как я и говорил тебе, Надежда.

– Нет, нет... – зашептала мать с закрытым лицом. – Андрей, я его не отпущу. Не выпущу отсюда. Не дай ему уйти. У него... у него... полные карманы денег... долларов, – она то быстро шептала, то замолкала, будто бы стыдно, будто не верит, что перед ней ее сын. Отец, казалось, внимательно слушал жену, хоть и пристально впился в мое лицо, словно ища в нем все доказательства. – Что нужно сделать за такие деньги? Я не понимаю... не понимаю... – мать находилась в бреду, а может, шоковая ситуация на нее так подействовала.

– Я был прав... – медленно заключил батя. – Лимита ты

позорная. Связался с криминалом... – состряпал он гримасу отвращения, кривя тонкие губы. – Какая разница, быть безвольной игрушкой на побегушках, шестеркой, если такие бабки платят. Да? Границ совсем не видим.

– Мне все равно, что ты думаешь. Ты давно не играешь никакой роли в моей жизни.

– Если ты сейчас переступишь порог, то ты больше мне не сын. Забудешь о своей семье. Останешься сиротой.

– Это твой выбор. Я переживу, – опустил ствол, но не отвел своих глаз от его перекошенного лица, по которому мимолетом пробежала судорога.

Отец уничижительно хмыкнул, откинул ремень и молча вышел из комнаты, а я, успев до этого забрать для себя все необходимое, пошел в коридор на выход.

– Нет, я не пущу-у-у! – отчаянно завывала мать и кинулась за мной. – Не смей! Бесстыжий! Как ты смеешь говорить такие вещи! – орала рядом со мной матушка и хлестко била ладонью по лицу и плечам, а когда я нагнулся, чтобы натянуть кроссы, она начала хватать меня за капюшон ветровки, тормошить, бить по спине, выкидывать мою обувь на кухню. – Не-е-е-ет, я сказала! Не-е-ет! Ни за что! Я не пущу! Андрей? Андрей? Ты вот так его отпустишь? Он же мой сын! Наш! Я рожала, растила, люби-и-и-ла-а-а, – последнее мать прорыдала, еле выговорив.

– Выпусти, – на выдохе попросил и плавно перевел на нее стеклянный взгляд.

– Да очнись! – заорала на меня. – Кто ты? Ты видишь, что перед тобой мать?! – отвесила мне громкую пощечину. – Что ты за человек такой?! Ну не уходи-и-и! Я не хочу тебя терять! – упала она на колени и схватила меня за ноги, рыдая навзрыд.

– Уйди, – насильно расцепил ее руки и рванул к двери.

– Сволочь! – дико редела она, когда я побежал вниз по лестничному пролету. – Подонок! Не сме-е-ей! А-а-андре-е-й! А-а-а-а... – на весь подъезд раздавались истошные крики раненного зверя.

Но, достигнув первого этажа, расслышал только, как громкоподобно захлопнулась наша дверь, а в ушах все еще гулко звенел удар металла.

Выбежал из квартиры, задыхаясь, и бессознательно навернул пару кругов у подъезда.

Черт...

Одной рукой больно провел по отросшим вьющимся волосам, различая эхо плачущей матери и хлопок двери.

– Блядь! Бля-я-ядь! – приглушенно зарычал и сорвался с места к девятке, стоящей неподалеку.

– Дени-и-и-с?! – окликнул надсадный тонкий голос, который в данный миг хотел бы слышать меньше всего.

Остолбенел и не спешил оглядываться. Слышал позади себя загнанное громкое дыхание, с какой-то стати прокатывающееся ледяной дрожью по моему хребту.

– Иди домой, – не оборачиваясь, зажмурился и тихо по-

просил ее.

Порывисто дышит, напряженно, издавая глухой хрип.

– Я никуда не пойду... А ты, Денис? Ты куда? – передо мной встает светловолосая девочка с пронзительно-голубыми глазами, в которых блестит завораживающий чистый хрусталь. – Уходишь? – издает шепотом помертвевшими губами. – Я слышала, как ругались. Как тетя Надя кричала.

– Ульяна, иди домой. Прошу... – сжал до скрипа зубы и попытался ее обогнуть, но девчонка резко обняла меня и задрала голову, как в детстве.

– Я пойду. Потом, – торопливо зашептала сбивчивым тоном. – А сейчас можно мне с тобой? Нет? – не дождавшись моего ответа, сама отвечала на вопросы и проникновенно заглядывала мне в глаза с доверием и безграничной любовью. – Ничего. Нет, правда, – бегала глазками по моему замершему безэмоциональному выражению лица. – Ты тогда скажи, куда ты переезжаешь? Я буду тебя навещать. Я готовить могу. Буду помогать тебе, Кудрявый. Ты только не бросай, Денис. Не сейчас. Можно я с тобой? Я просто хочу быть рядом, – жадно зажимает меня, но по ощущениям, будто режет без ножа грудную клетку. – Ты...

– Уходи... – перебил ее речь и закрыл глаза.

– Ты отказываешься? От всего? От меня? От дружбы? Да? Я же тебя больше не увижу... Ты уедешь сейчас, и я тебя больше не увижу... Разве ты сможешь? Денис? – потянулась ко мне теплой ручкой, чтобы коснуться щеки. – Я – нет...

Ты мне дорог. Я не хочу тебя терять. Я год тебя толком не видела. Ты вечно где-то пропадаешь, а сейчас что?

Сглотнул и решил рвать до конца.

– Отказываюсь. Смогу, – раскрыл глаза и равнодушно усмехнулся, впервые знакомя ее с незнакомцем. – Я изменился. Больше тебе нечего делать рядом со мной... А мне – с тобой, – сердце провалилось в пятки, когда невинные прозрачные слезы прочертили дорожки на милом круглом личике моей девочки. – Дружбы не может быть никакой, Ульяна, – убрал ее руки от себя. – Мне почти семнадцать, тебе двенадцать. Ты не смотришь на меня, как на друга, а я на тебя не могу взглянуть иначе, нежели как на младшую сестру. Иди... – киваю в сторону подъезда, но Прищепка онемела и безмолвно плачет, громко глотая слезы.

Вот теперь, Туман, за душой пустота. Ты уничтожил то главное, что тебе было дорого. Размозжил ту, которая сеяла в тебе свет и несла для тебя добро.

– Денис...

– Вали нахрен! – заорал и сорвался с места.

– Дени-и-ис?! – побежала за мной Прищепка, не желая сдаваться.

– Пошла отсюда! Уйди. Все! Нет Дениса! Вали-и-и! – орал на весь двор и указывал ей рукой в сторону.

– Я ненавижу тебя, – Уля вдруг резко перестала плакать и истерически засмеялась, заставив перекрыть дальнейший поток слов. – Ты трус, Туманов, – смеясь, с чувством вытер-

ла лицо от слез и ехидно взглянула мне в глаза своими заплаканными, красными. – Испугался меня. Чувств. Не знаю, понимаешь ли ты их. Мои, как оказалось, понимаешь, а свои – не знаю. Вообще не знаю, что крутится в твоей голове. Ты любишь меня, но, возможно, еще к этому мысленно сам не пришел. Но придешь... – усмехнулась как-то по-взрослому, заправляя длинные волосы за ухо. – Я тебе обещаю, ты будешь моим. Со мной будешь. Еще сто раз пожалеешь, что бросил, что сейчас со мной так обошелся. Будешь молить простить тебя, и тогда уже я подумаю, достоин ли ты этого. Я единственная, которая будет с тобой. Ты мой. Запомни это навсегда. А сейчас... – не спеша подплыла ко мне и прищурилась в глаза. – Ты вали! Беги, трус! Беги к своим жабам, которые могут тебе дать то, что не могу сейчас добавить я, – она круто развернулась и решила свалить, но не тут-то было.

Я выкинул руку и схватил ее за шею, подтягивая к себе. Уперлась спиной в мой живот и задыхается. Шершавыми пальцами почувствовал, как тоненькая венка на шее стремительно пульсирует, когда зарылся носом ей в волосы, прикрыв глаза.

На улице собачий холод, а от этой сумасшедшей пахнет летом, малиной... и домом, где мне всегда было хорошо.

– Все изменится. Пройдет время, вырастишь и забудешь. Вкусы поменяются. Ты еще маленькая.

– Думай, как хочешь. Если тебе так легче, я не против... считай так. Это не последняя наша встреча и разговор. Я все

сказала, – вырвалась из объятий и, не оборачиваясь, уверенно пошла домой, задрав голову кверху.

Закрыв глаза, обнажил зубы, напрягая вздувшиеся жилы на шее, и пытался успокоиться, не заорать на всю округу.

Вот и все... Нет больше к тебе ни единой ниточки. Этого ты и хотел. От нее ты шарахался почти целый год. А теперь и ее у тебя нет.

Усмехнулся ее уверенности, вспоминая монолог девчонки, с улыбкой на губах мотнул головой и, последний раз взглянув в окна родной квартиры, не спеша побрел к машине.

Глава 20

Полтора месяца спустя. Кот

– Здоров... Ну как ты? – завалился к Туману в квартиру, давая ему краба* (пожали руки).

– Заходи, – с безучастным выражением лица он кивает головой вглубь однушки, оставляя меня без ответа.

– Готов выйти в свет? – захлопнул дверь и, сбросив с себя кроссовки, выкрикнул другу вдогонку.

А друг ли...?

За год Туман стал абсолютно другим, уже не говоря о том, что за последние два месяца его восстановления я заново знакоплюсь с человеком, который стал для многих незнакомцем... как и моя сестра. К слову, это началось после того, как Дэн съехал от нас в новую, снятую Бариним квартиру.

Некогда веселая, задорная девчонка с каждым днем превращалась в овощ. Загибается на глазах, и никто из нашей семьи не понимает, как справиться с ситуацией, которая гложет нас каждый день. Ночные истерики, панические атаки, беспричинные слезы, дыхание в срыв, замыкание в себе – это состояние Ульяны на сегодняшний день.

В какой-то момент, когда свистопляска с ней только началась, я решил осторожно поделиться информацией с Туманом, попросить, чтобы съездил к ней, поговорил, отвлек. Но впервые за все время нашего с ним знакомства, после теплого отношения с его стороны к моей сестре, он просто холодно улыбнулся, сидя на своей кухне, и молча ушел. Я бы решил, что ему срать на нее, если бы тогда сразу покинул его хату, но мы весь день провели время вместе с пацанами, корректируя и разбирая вопросы по нашим точкам. И тогда-то к концу дня я понял, что ему далеко до равнодушия по отношению к липучке. Я не дурак и могу прочесть язык тела, вычислить порывистые нервные движения, обратить внимание на то, как на нервах он чаще срывается на мат, на то, что пачка сигарет, которая может лежать у него в кармане неделю целой, скурена в ноль за полдня.

Она ему дорога, но только со временем я догадался, что он решил вычеркнуть ее из своей жизни.

– Давно... Как будто сам не знаешь, – прошел мимо мрачный Туман и, не глядя на меня, сунул сушняк* (вода) в руки.

– Еще бы... – усмехнулся и отпил из горла холодной ми-

нералки. – Сидел два месяца дома и поебывал нехуевую медсестричку.

– Лизка огонь. Советую тебе опробовать, – сосредоточенный, появился в коридоре, накидывая на себя черную ветровку.

– Делишься? – удивился я. – А не заревнуешь? Ты с ней почти два месяца терся, – но Туман дал все понять одним косым взглядом исподлобья.

Да, какой раз убеждаюсь, что отношения и чувства чужды этому человеку.

Ну, если не брать во внимание сестру... Она единственная, кто мог вызвать в нем искреннюю улыбку, живые эмоции и проявление заботы.

– Кто приехал? – уже закрыв квартиру, поинтересовался Дэн.

– Собрал только наш костяк, – отпил снова глоток минералки и продолжил. – Человек пятнадцать. Остальные разбросаны по территориям. Ты так и не сказал, для чего собрал нас. Обкатывать едем нового терпилу или рамс?

– А ты не врубаешься? – только когда подошли к припаркованным жигулям возле его подъезда, он пристально заглянул мне в глаза и поделился своим внутренним холодом. Ощущение, словно из собственного тела слепили кусок бездушного ледяного металла.

– Пока не догнал, – ответил и взамен получил ядовитую усмешку.

Стоило Туману сесть в машину, в которой сидели Михася и Рыжий, я оглянулся в сторону ожидающих нас тачек и словил предчувствие, что не за горами во всей красе маячит жопа.

– Куда? – разобрал бас Михаси за рулем, когда открыл заднюю дверь и уселся рядом с Дэном.

– К петушне ебучей, – мы все в голос хохотнули от ответа, но так и не поняли Тумана, отстраненно глядевшего через стекло на свой подъезд.

– Та-а-ак... – довольно кивнул Михася. – А теперь скажи, кто это у нас?

Туман улыбнулся ровно и произнес то, что мгновенно стерло наши беззаботные улыбки:

– Михася, это Птица. Знаешь такого? – друг нагнулся к переднему сидению и хлопнул его по плечу. – Вижу, зна-а-аешь. Ну так вези! Хули мы еще не тронулись? Давай сразу к бывшему Покровскому собору, на Борисовский, – грубо кинул указания и вновь впился в боковое окно.

Все мы знали, чья там территория и кому принадлежит небольшой, но прибыльный рынок.

– Вот так номер, – до этого молчаливый Рыжий безрадостно хохотнул и серьезно взглянул на меня через зеркало заднего вида.

Еще два месяца назад, в тот день, когда на игровой наехал Птичьев, мы с пацанами поздно ночью обсуждали исход стрелки и не могли поверить, что Дэн тогда так просто вы-

шел из зала, не тронув пернатого.

– Дэн... Ты... – Михася пытался найти слова, пока я поджал недовольно губы и отвернулся от всех, не решаясь сказать все, что думаю по этому поводу. Прекрасно зная реакцию и ответку друга, решил благоразумно воздержаться от высказываний. – Не зря же с нами четыре тачки и столько людей. Ты же должен понимать, что за этими действиями незамедлительно последует. Ты не подумай, но в первую очередь твоя голова полетит. Мы в этой ситуации в минусе. Мы – залетные.

– Я знаю, Миха, знаю-ю. Ты, если не тянешь, выходи из тачки. Рыжий сядет за руль.

– Да блядь! – крикнул Михася и ударил по баранке. – Я говорю, нам пизда потом придет! Я не обосрался, но...

– А раз не обосрался, то поехали. Я заебался тут сидеть и видеть одну и ту же окрестность.

Пару месяцев назад Барин запретил Туману заниматься делами и настоял, чтобы тот не покидал пределов нового двора, пока полностью не восстановит прежнюю форму. А пока отсутствовал Туман, Барин поставил меня на его место.

– *Здравствуйте, Владислав Владимирович! Могу пройти?* – зашел в кабинет Барина, неожиданно вызвавшего меня к себе в Каширский.

Из нашей группировки Барин все дела вел исключительно с Денисом. Я лично его видел за все время один раз, и то, когда Дэн вышел с ним на парковку у ресторана.

Потому, когда Виталья приехал через неделю к нам в зал и сказал, что Барин назначил мне встречу, я, мягко сказать, был шокирован.

– Заходи, – без предисловий отозвался он, так и не подняв головы.

– Вызывали?

– Раз ты здесь, то полагается, что да, – и без пауз приступил к делу. – Пока Денис будет восстанавливаться, ты займешь его место. Все делаете так же по схеме, которую создал Туманов. Какие-то вопросы, недопонимания, проблемы – сразу едешь к нему и согласуешь с ним.

– Эээ... Да вроде все и так понятно. Не буду его лишний раз дергать. Мы с парнями уже...

– Ты не расслышал меня? – перебив, поднял на меня режущий взгляд исподлобья. – Я сказал, чуть что, едешь к Денису. Малейшая оплошность, и я вас всех накажу, – продолжал сверлить во мне дырку своей аурой, заставляя сожрать собственный язык.

– Я понял... – очень тихо отозвался и кивнул. – Могу идти?

– Да! – но, уже выходя из кабинета, словил краем уха, как он в задумчивости пробубнил. – Занимательно... И почему он выбрал... – а дальше я захлопнул дверь и отрезал нас друг от друга.

Спустя десять минут, когда молча мчали по проспекту, Туман нарушил тишину, вырывая меня из воспоминаний.

– Пассажир наш еще не ныкает по углам? – взглянул на каждого из нас, прожигая неприязненным взглядом.

– Нет, – я мотнул башкой.

– Хм, – хмыкнул друг. – Барин, сука, вычисляет... Жде-е-ет, значит... – разулыбался он жутко, как-то предвкушающе, зло.

– Что ты имеешь в виду? – задал вопрос Рыжий, оглядываясь через плечо к нам.

– А то, что голова того уже давно должна была полететь с плеч, не то, что свободно ходить и продолжать рубить бабки, – и последнее себе под нос. – Либо знает, либо догадывается, – цокнул Туман и, закрыв глаза, откинулся на сидение.

Мы с парнями переглянулись и недоуменно пожали плечами.

– За территорию ему никто не говорил, – я решил прояснить ситуацию. – Тот случай обошел его. Ни с нашей стороны, ни с его разговоров не было. Ты еще в тот день все замаял.

– Ты так думаешь, Кот? – прищуriv глаза, повернул ко мне голову Дэн.

– Ну в общем-то да...

– Красава, друг, – и хлопнул меня по плечу, наигранно широко улыбнувшись. Так и сквозило от него тем, что растерял он все человеческое.

Уже подъезжая к рынку на Борисовском, Туман наклонился вперед и, уперев локти в колени, начал приглушенно говорить:

– Залетаем и разносим рынок к ебням. Барыг не трогать, но товар и палатки сносим к хуям. У нас минут десять-пятнадцать, пока шнырь до пернатого не стоняет и не настучит о гостях. Зал тут у него рядом. Долго ждать не придется. Как все сделаете, загружаетесь в тачки и едете все на наш пустырь возле озера, – Дэн задумчиво глянул на циферблат из цветного металла, словно уже засек время. – Рыжий, ты на пустырь едешь в другой машине, со Стрижом. Кот, сядешь на переднее сидение, а ты, Михася, ко мне за компанию подсадишь чепуху. Пока будешь вести его по дороге, не оторви ему там ненароком ничего. Больно он мне нужен здоровый и невредимый. Это ясно? – спокойной поинтересовался у нас ровной интонацией.

– Без вопросов, – кто-то кивнул, кто-то промолчал, соглашаясь.

– На выход тогда. И сильно не хуеем. Времени мало, – отозвался Туман, возбужденно улыбаясь.

Не потому, что территория чужая, а потому что у него времени мало. Вот и пойми его. С какой стати в нем стало столько уверенности и сорвало все тормоза, мне так до сих пор и не ясно. Либо Барин вселяет в него нехилую решительность, либо друг такой отчаянный и плюет на того, кто сидит в верхушке всей нашей системы.

Друг... Друг, Макс? Ты так и не ответил на этот вопрос. Но как его правильнее задать? Может, вернее, друг ли я ему...? Стоял бы друг возле тела ближнего, истекающего

кровью, и не предпринимал ничего как минимум пару минут. Ведь ты, Макс, пялился на него во все глаза и отдавал отчет всему происходящему. Ты ведь задал себе вопрос: а стоит ли?

Вздрогнул, выйдя из тачки, и резко крутанулся на месте, когда раздались оглушительные выстрелы.

– Твою-ю-ю мать! – заорал я.

Оказалось, что Туман с улыбкой на губах поднял ПМ и спустил полмагазина в воздух, до чертиков пугая торговцев на базаре Птичьева.

– Съебались все, черти! – со свистом прорычал он, искажая до неузнаваемости свой голос. – Вперед, ребятки! – повернулся к нам и отвесил с раскинутыми в стороны руками поклон. – Все для вас! – впервые за долгое время кривлялся Туман под громогласный визг перепуганных до усрачки покупателей и продавцов. Казалось, только такие ситуации приносят ему чистый кайф.

– Ну ты красава! – загоготали пацаны и после указаний Михаси как звери разбрелись в гущу разбегающейся толпы.

Денис

После наведенного мной и моими пацанами шмона на рынке, довольный уселся в тачку, где уже на заднем сидении сидел Птичьев.

Михасе гуд!

– О-о-о! – округлил глаза и удивленно уставился на пере-

шуганного пернатого. – Друг! Здорова! Ты как тут оказался? – непонимающе обвел глазами своих пацанов, которые не придавали мне значения, а молча мчали жигуль к пустырю на отшибе за городом.

– Ублюдок, ты ответишь за этот кипиш. Я, сука, тебя до...

– Кучеряво базаришь, но... – не дав чепухе договорить, локтем со всей мощи бью его в челюсть и вторым в висок.

– Не прикончи его раньше времени, – гоготнул Михася.

– Да и хуй с этой нечестью.

– А удар мощный. Скучал, Туман?! – с восхищением и любопытством осведомился приятель.

– Не представляешь как, Миха... – с долей экстаза в голосе растянул слова, представляя не только пруд, к которому мы едем, но и продолжение вечера.

Глава 21

Денис. Пару часов спустя, после событий на пруду.
(читать 1 главу).

– Владислав Владимирович, я тут! – в хорошем расположении духа постучался в дверь и зашел внутрь, не дожидаясь приглашения папани, который, к слову, в своем кабинете оказался не один.

– Так что? – искоса просканировав меня, неслышно уточнил у Барина Хохол с бумагами в руках. – Мы решили?

– Да, Ренат, – с недовольной тяпкой* (лицо) буравил меня взглядом центральной, потеряв всякий интерес к рядом стоящему амбалу. – Свободен, – сурово отдал распоряжение Ба-

рин, дав мне без слов понять, что ему уже обо всем доложили.

Быстро, Туман. Значит, мурло все пробил и захочет перекрыть тебе кислород.

– Сядь! – жестко сказал он, когда мы остались в кабинете вдвоем.

– Сажусь! – насмешливо парирую и без головняков удобно разваливаюсь на диване, поскольку наперед просчитал все ходы.

– Хохмишь? – хмуро посмотрел мужик и отчетливо стиснул зубы до играющих желваков.

Он явно не такой реакции ожидал от меня.

– Нет, – с кривой улыбкой развел в стороны руки и пояснил. А то еще ненароком кинется, черт. – Не понимаю вашего настроения! Я вроде снова вернулся.

– Ты с какой стати решил, что тебе позволено решать вопросы с моими людьми? – встал из-за стола и подошел ближе ко мне, не разрывая контакта наших глаз. – Без моего ведома вывозить их за город, спрашивать с них, опускать, чморить? Просчитал, что после твоего поступка теперь этот чмошник даром никому не сдастся? – втирал Барин.

– А вы, Владислав Владимирович, рассчитывали на какой-то другой исход? – грязно улыбнулся и иронично повел бровью. – Вот только не говорите, что вы не догадывались, как эта гнида пару месяцев назад паслась на моей территории, – поморщился, заведомо осознавая, что он в тот же день

был в курсе всех событий. – Или вы, зная меня, рассчитывали, что я этому шакалу спущу все на тормозах? – наклонил голову набок, без страха смотря в упор на центрального. Пытался не выдать ни одной лишней эмоции, всем видом показать, что только в этом кроется наша с Пернатым проблема. Хотя, если быть до конца откровенным, мы оба с Бариним отдавали реальный отчет произошедшему. Отличие наше в том, что я вожу его за нос, а он пытается убедиться в подлинности своих подозрений, которые связаны с тем днем, когда Птица меня пырнул. – Не надо при любом удобном случае на меня быковать и стараться изо всех сил загнать в шерсть. Не нужно трогать моих людей. А уж тем более залетать на мою территорию и сосать бабки, которые принадлежат явно не этому гондону. Вы же не думаете, что после всего он соскочит с темы? Я же не ошибаюсь, правила для всех одинаковы и мы равны? Нет, если этой шмаре позволено больше, то, – поднимаю руки, будто бы извиняясь, – приношу свои...

– Не переигрывай, Денис, – тише, чем обычно, произнес Барин, оперевшись бедром об угол своего стола.

– А мне кажется, что вы что-то не договариваете, – взбесился я и, оторвавшись от спинки дивана, уперся локтями в колени.

– Я сказал тебе не перегибать, – сложил Барин руки на груди и с налетом пренебрежения прищурился на меня.

– Вы начали этот разговор. Давайте закончим... – подрываюсь на ноги. – Он еще два месяца назад за такие движения

должен был как минимум понести ответ, но чет я сегодня по нему ни хуя не увидел.

– И что? – усмехнулся с холодком. – Если ты чего-то там не разглядел, то удумал, что сам можешь его наказать? Без моего ведома? – разочарованным взглядом впился в мое ебало. – Это твои тараканы в голове. И ко мне они не имеют никакого отношения.

– Я объяснил, Владислав Владимирович. Я его слишком долго терпел.

– Да я наслышан о ваших терках, – констатировал и так очевидное. – Только все равно тебе это не дает никакого права. Ты сегодня первый день, как вернулся к делам. Обязан был! – впервые за все время разговора он пробасил во всю глотку. – Обязан! Слышишь? Доложить мне о своих планах! Прийти и сказать: так и так, мне нужна его голова. Ты че, думаешь, я бы тебе отказал? Но ты втихаря поехал на рынок, разьебашил его в пух и прах и увез теперь уже опущенного Вадима, об которого осталось только ноги вытереть, за город!

– Накажите! – перехватив у Барина инициативу, широко улыбнулся и раскинул руки. – Но, опережая вас, – пожимаю плечами, – я не считаю, что это проеб. Пусть знают, что я никогда и ничего не спускаю на тормозах. Он должен был тариться по углам, но, судя по всему, праздновал, что я пошел на корм червям. А я очень злопамятный. Со мной нельзя так.

– Пошел вон... – центральной устало развернулся и пошел

к своему креслу.

– Уже все, что ли? – не скрывая, ерничал.

– Ты лоханулся, Туманов. Еще одно такое движение, и ты у меня останешься голожопым. Я тебе гарантирую. С тобой так нельзя? – поднял на меня пронизывающий взгляд. – Я советую тебе со мной так не шутить. Не прыгай выше головы. Ненароком шею свернешь, – угроза в открытом виде.

– Я запомню, – кивнул и пошел на выход.

– Нет! – позади разбился фужер из-под виски, заставив притормозить. – Не запомнишь! – завопил он. – Ты будешь делать то, что я тебе сказал! А я сказал, чтобы такого больше не повторялось, иначе я тебе башку снесу! Лично!

Медленно развернулся к Барину и злобно впился в его ледяные бешеные глаза. Скидывая с себя маску беззаботности и дурачка, оголяя истинную личину.

– Я свободен?

– Иди... броди, – с неприязнью скривился центральной, разобрав ответ по моему ебалу.

Давать заоблачные обещания или расписывать сказки в его кабинете я не собирался. Мы с ним без труда оба секли фишку. А после сегодняшней ночи и вовсе отпадут все вопросы. Ведь не зря Барин столько времени топтался на месте, ожидая моих действий. Этот сукин сын не хуже просчитывал ходы, хоть, возможно, и имел уже все факты у себя на руках. Возможно, и эта ситуация была своего рода проверкой для меня. Сейчас наверняка об этом сказать невозможно.

но, покажет только время.

Четыре часа спустя. Ночь

Я пробил домашний адрес Птичьева и вот уже пару часов пас его в безлюдном дворе напротив сталинской хрущевки. Кромешная темень без проблем позволяла скрыться от назойливых глаз зверушек. Поэтому, когда Пернатый вышел из своего подъезда с уже загипсованной рукой и поплелся в сторону соседнего дома, возле которого стоял круглосуточный ларек, я на расслабоне побрел за ним, насвистывая про себя веселый и неизвестный мне мотив. Решив не провожать его, задержался возле высокого ветвистого дерева и терпеливо ожидал с неестественной улыбкой на губах, когда чертила подгребет ко мне.

Потребовалась пара минут, но, увы, чепуха не с первого раза заметил меня.

– Ты? – с сигаретой во рту резко крутанулся Птичьев на мой шорох позади.

– Я, Пернатый, я... – сбросил с себя капюшон, давая разглядеть себя в темноте.

– Ты какого... – зарычал и пугливо принялся озираться по сторонам. – Ты че тут делаешь? Мало тебе... Ты один? – откинул прикуренную сигарету и настороженно обвел мое лицо.

– Птица, остался последний урок.

– Нет, ты, сука, и так уже все сделал, что только можно! Я теперь нахуй никому не нужен! Даже собственные пацаны

отвернулись...

– Вот поэтому нам никто и не помешает теперь, – фыркнул, сбивая на секунду с толку черта, пока у него не обрисовалась вся картина в башке. – Я тебя отправил на парашу. Теперь ты даром никому не всрался. За исключением меня... – счастливо разулыбался и полез в карман трико за пером. – Я долго предвкушал этот момент. Последний урок, который, возможно, тебе пригодится на... – наигранно задумался, наслаждаясь обомлевшим видом шакала. – Как ты там мне сказал? На той стороне? – раскатисто засмеялся в тишине ночи, запрокинув голову. – Так вот... первый и последний раз, так и быть, я чему-то научу тебя, – пошел на Птичьева, мотающего неверяще головой. – Да ладно, Пернатый... Не я, так люди Барина тебя завтра завалят. Обещаю, я буду мягок.

На этих словах он будто приходит в себя, выставляет руку вперед, а вторую заводит назад за пояс, похоже, в желании достать ствол, но я был уже непозволительно близко к нему. Да и предугадывал с самого начала, что этот гондон засыт выйти из дома голым.

С захватом выкручиваю правую и без того сломанную руку и быстро всаживаю лезвие в печенку.

– Ммммм, – болезненно завыл мне в рожу, стиснув челюсть, и закатил судорожно зеленые глаза.

– Да, наверное, неприятно, Пернатый. Тем более, если я не ошибаюсь, то по моим меркам это должна быть печень, – насмешливо приговариваю и одновременно наношу удары в

одно и то же место. – Погодии-и-и, – зашептал. – Не уходи еще. Ра-а-ано, – неслышно гоготнул на его вид и, схватив за патлы, с чувством перерезал ему глотку. – Вот так... Покойся с миром и помни все, что я тебе показал, – прошептал ему в локатор и, скинув тело на асфальт, еще с минуту вглядывался, как животное с расширенными испуганными глазами борется за жизнь, издавая предсмертные хрипы.

С лукавым блеском во взгляде опустил на корточки и неторопливо обтер лезвие об толстовку чмыря, бившегося в конвульсиях.

– И так будет с каждой гнилью, которая захочет прыгнуть на меня, – процедил в остекленевшие замерзшие глаза.

Бесстрастно усмехнулся и, накинув капюшон на голову, как ни в чем не бывало бесшумно покинул одинокий, незнакомый мне двор.

Глава 22

1994 год. 3 года спустя. Ульяне 15 лет

Я неестественно замерла, прислонившись к холодной каменной кладке дома, не смея сделать шаг. Моя безликая фигура воровато выглядывала из-за угла девятиэтажного жилого дома, пока я силилась справиться с нахлынувшими подобно ледяной лавине чувствами и сморгнуть непрощенные слезы. Стоя под вечерним зимним небом с оранжевыми рощерками, в котором где-то глубоко скрывались яркие подглядывающие за мной звезды, я подсматривала за челове-

ком, безжалостно разбившим вдребезги три года назад мое сердце. За парнем, из-за которого я балансировала на грани ужаса, за любимым, приходившимся мне оплотом надежности и поддержки.

Смахнула пальцами слезы и крепче зажала между рук кожаную лямку от своей школьной сумки.

Когда-то мы были с ним самыми близкими друг другу людьми, а сейчас кроме мертвого равнодушия ничего не осталось.

С его стороны...

Ведь ты, Ульяна, так до сих пор и любишь его, ты так и чувствуешь многотонную гранитную плиту на сердце. Несмотря ни на что. Несмотря на то, что он в один момент решил навсегда вычеркнуть тебя из своей новой жизни, словно надоевшую пыльную игрушку.

Ты стоишь и льешь по нему слезы, а он лукаво улыбается другой, оттесняя к иномарке белобрысую лярву в мини-юбке и на высоких шпильках.

Протяни я руку, выйди из-за угла, перейди дорогу, и я бы вновь оказалась рядом с ним. Почувствовала доносящийся запах хвои от его губ, вдохнула серебристый морозный воздух, пропитанный родным и близким человеком, ощутила горечь на кончике языка, жар во всем теле и бешеное биение сердца... возможно, не только свое... возможно, биение двух сердец, которые должны быть вместе.

Денис... Мой Денис...

– Как же я скучаю... – на выдохе, неслышно прошептав, выпустила облачко пара изо рта.

Пальцами коснулась своих соленых губ и, зажмурившись, горько всхлипнула, когда Кудрявый нагнулся к выдре для того, чтоб ее поцеловать.

С какой силой я его люблю, с той же – всем сердцем ненавижу...

Хлопнула дверца автомобиля, заставив меня шире раскрыть глаза и заметить, что парочка скрылась в иномарке, а за ними и толпа со смазанными расплывчатыми лицами, которые все это время были рядом с ними, словно заботясь об их безопасности.

На всех парах машины сорвались с места одна за другой, давая мне возможность выйти из своего укрытия.

До конца не переварив произошедшее, смотрела вслед возмужавшему Туманову и повторяла про себя уже заученную за годы мантру: «Он твой, Ульяна, твой. Он будет только с тобой».

Но будет ли, Котова? Он про тебя уже давно забыл. Три года прошло, а ты его так ни разу и не видела.

Живем в одном городе, а он словно канул в небытие. Первая случайная встреча спустя столько времени, и то, если бы я не пошла на продленку, то хер бы встретила эту зазнавшуюся каланчу.

Негромко засмеялась и, запрокинув голову, принялась судорожно мотать ею из стороны в сторону.

– Подружка есть... Он счастлив. Улыбается ей. Дарит улыбку этому чучелу. На кой черт ты ему сдалась? Спустись, Котова, с небес на землю, – и пуще захохотала в голос, не обращая внимания на редких оборачивающихся прохожих.

Истерика переходила грани, и вместо заливистого смеха я уже на максималках выдавала крупные слезы, которые острыми иглами внутри кололи израненное в потроха сердце.

Где-то там, высоко над головой, звезды, знающие обо мне больше, чем мои родные, тихо перешептывались между собой, хмурое небо за считанные мгновения тускнело, а ледяной воздух до отказа забивал легкие, не позволяя сделать спасительный вдох.

– За что ты так со мной, Денис? – задумчиво прикоснулась подушечками пальцев к мокрой щеке, проводя ими вверх до слипшихся замерзших ресниц. – Отпустит ли меня когда-нибудь? – шепнула, находясь в прострации.

А ты все еще надеешься? Не будь идиоткой. Ничего не изменилось спустя три года. Ни в первый год, когда ты похудела на фоне нервного истощения и стала жалким подобием прежней себя. Ни сейчас, когда жизнь течет своим чередом, а ты все еще находишься в той точке, где тебя оставил Туманов.

Упала плечом на стенку дома, прокручивая в голове бессонные ночи, нескончаемые слезы, скверные мысли, страшные сны, дорогие воспоминания, связанные с ним.

Как можно откреститься, разлюбить, когда только от од-

ной мысли выкручивает тело, ломает, бьет крупная дрожь? Когда просыпаешься среди ночи, а он лежит напротив тебя, пристально с теплом смотрит в глаза и искренне с трепетом расплывается в улыбке. И ты уже не понимаешь, где сон, а где реальность. Плевать на все, но только бы словить этот момент и подольше задержаться в нем... с ним...

Мои родители круглыми сутками судачат над ухом, пытаясь себе вернуть некогда веселую девочку. А его... а его родные делают вид, что незнакомы со мной. Отец, который за последнее время очень сильно сдал, упирался взглядом в землю и молча кивал головой, а мать демонстративно отворачивалась от меня, делая вид, что не заметила. Двери дома Дениса закрылись для меня навсегда. Казалось, что его родителям от одного взгляда на меня было больно. Словно я ненароком ассоциировалась с их старшим сыном. Хотя я ничем не отличаюсь от них. И я лишилась самого близкого человека.

– Сволочь ты, Кудрявый... – перебрала онемевшими губами. – Вранье все... Не стало легче. Не разлюбила.

Спустя пару минут краем глаза заметила, что рядом со мной поравнялась черная машина. Я подняла расфокусированный взгляд и наткнулась на крупного лысого парня на вид лет девятнадцати-двадцати, сидящего за рулем и сально разглядывающего меня с ног до головы.

– Сколько? – хриплый скользкий голос зазвенел в ушах.

– Что – сколько? – нахмурилась, а когда поняла, то с гру-

бой резкостью ответила. – Вы ошиблись, – сквозь зубы выдала и понеслась вдоль освещенной дороги.

Вот же черт, угораздило.

Скривилась. Будь они неладны, братки, людишки, которые сейчас считают, что мир должен принадлежать только им.

– А ты куда сквозанула? Мы еще не договорили, – нагнал меня тот парень.

– Я неясно объяснила? – остановилась резко и посмотрела ему прямо в горящие предвкушением глаза. Оказалось, что он в машине был не один. Рядом на пассажирском сидел брюнет такого же возраста с коротким ежиком волос и закушенной губой.

Еще толком ничего не поняв, на каком-то подсознании скукожилась от страха. Вот так, впервые на незнакомых людей. Так, что холод просочился внутрь и сердце замедлило ход, покрываясь инеем.

Мамочки...

Сжала зубы и, пока от меня не ожидают резких движений, сорвалась с места в сторону дворов, где наверняка должны быть люди. Но и десяти метров не успела пробежать, как один из шкафов схватил меня за руку.

– Я буду кричать! – завизжала, яростно вырываясь из захвата.

– Да кричи сколько влезет, – абсолютно спокойно произнес лысый парень и, больно схватив меня за шею, повел к

той злосчастной машине.

Весь его отталкивающий вид кричал о том, что никто ему сейчас не помешает усадить меня в автомобиль.

– Помоги... – пыталась заорать на округу, но из-за лапы на горле, вырвался хрип.

– Да не бузи. Выедем тебя в лучшем виде. Еще спасибо скажешь, сучка.

Слезы застилали глаза, и из-за этого я не могла толком разобрать, куда приходятся мои удары. Била его по рылу, царапалась, вырывалась, пока он со всей силы не ударил меня по лицу, завалив на обочину дороги возле машины.

– Ну нахера... – услышала усталый вздох откуда-то сбоку.

– Тварь лицо мне расцарапала. Ну мне все равно это не помешает тебя сегодня расчехлить. Слышь, дырка? – нагнулся ко мне лысый, грубо хватая за щеки.

– Ничтожество, – выдавливаю из последних сил. – Сдохни, мразь, – после сказанного харкаю кровью в его рожу.

– Не ты одна этого хочешь, – фыркает сволочь и, не обращая внимания на мой злобный смех, наматывает растрепавшиеся волосы на кулак, чтобы дернуть вверх, затаскивая меня таким образом в чужой салон. – Толстый, сядь за руль, – его слова утонули в моем крике. – А я пока с этой дикой кошечкой поразвлекаюсь.

Обессиленная, я не могла поверить, что это происходит со мной на самом деле.

– Нет, – заорала, взяв волю в кулак. – Нет, мразь! Не трожь

меня! – брыкалась, лягалась ногами по туше лысого, когда он затащил меня в машину.

– Слышь, Толстый, а сегодня будет веселуха, – загоготал он, и последнее, что я словила, это как ничтожество замахнулось на меня ребром мощной ладони.

– К нам на дачу?

– Ну да, все уже там. Мmmm, какие сисечки...

Широко раскрыв рот, проваливалась в бездонную пропасть, так и не увидев проблеска надежды... света...

Глава 23

1994 год. Денису 20 лет

– Ну че так долго? – стоило мне выйти из тачки, как из загородного дома навстречу выбежали Михася с Рыжим. – Наши уже давно все тут, – с улыбкой возмущенно басил Михася, указывая на дом рукой.

– Да я в курсе, – закрыл водительскую дверцу и обернулся к пацанам. – Я отправил их к вам, а сам решил наведаться к Димону.

– Бля-я-я, – закатил глаза Рыжий и мученически запрокинул голову. – Мы работаем с ним три года. Зря скатался и сжег бенз.

– Да погоди-погоди, – ладошкой остановил Ваню Михася. – Ну и че там? Без тебя пошло все по пизде?

Губы расплылись в усмешке от этих двух опездолов.

– Да все как обычно. Машины окрасили солидолом и из пульверизаторов нанесли желтую краску. Номера чистые, не

подкопаешься. Но перед делом стоило еще раз все перепроверить и обсудить, – пожал плечами и поравнялся с ними, стреляя у Рыжего сигарету.

– Желтый? Че за говно? – скривился Миха. – И я на этом дерьме завтра должен ехать?

– Те че? Один день роль сыграет? – сделал затяжку и с ехидцей взглянул на кривляющегося пацана. Сейчас хуй скажешь, что он может быть серьезным и в любой момент служить кому-то крепкой опорой. – Завтра ночью пригонишь ее в гараж к Тихону, и он тебе вернет былой блеск. Не очкуй, – последний раз втянул в легкие сигаретный дым и направился к дому.

– Когда ты уже булки расслабишь? – задал вопрос Рыжий, нагнав нас с Михой. – Все уже давно поняли, что ты у Барина на особом положении. Квартиры, – начал искажать голос, передразнивая меня с Михасей, – дачи, баньки, тачки, клубы и залы, гулянки, – дал пять гогочущему Михе.

– Вань, потому и дает, что работаю. Пока мы несем ему золотые яйца, он будет нас осыпать бабками. Поверь, он в любой момент может нам перекрыть кислород. А гулянки... Так мы не нажираемся, – серьезно посмотрел на каждого.

– Я бы не сказал, – Рыжий что-то нечленораздельно буркнул себе под нос, боясь вывести меня из себя.

– Опять? – сжал зубы и, прищурившись, стянул с себя зимние ботинки.

– Опять, Дэн. Калдырит он нехило. Ты бы поговорил с

ним, что ли. Может, че случилось у него?

– Я бы уже давно это знал, – сквозь зубы процедил и прошел в гостиную, где расположилась вся приближенная к нам кодла со своими телками.

– Наконец-то! Мы думали, ты уже где-то ненароком обосрался! – заржало зверье, увидев меня.

– Щас отолью, – усмехнулся.

– Денис? – окликнула Маша, которую пацаны подогнали мне на сегодняшней вечер.

– Посиди, – кивнул на диван, стоящий около большого стола. – Сейчас подойду, – обвел взглядом ее худые ножки, затянутые в черный капрон, представляя, как скоро закину их себе на шею.

Бухать не имел желания, а вот сесть пожрать и провести ночь с толком для расслабона – имело место быть.

Возле толчка вытащил член из джинсов и мыслями унесся к Коту, вспомнив разговор с пацанами. Как назло Макс забухал. Не вовремя! На носу тема с хатой Ларионова, а этот в очередной раз вдрызг, и оправдывай его, сука, как хочешь перед Бариним. Кот из всего окружения был лучшим при выносе хат. Кто-то его даже прозвал пылесосом. Все что надо и не надо незаметно сметал с поверхностей, набивая до отвала карманы золотом, бабками, драгоценностями, оружием. И, судя по всему, завтра придется решать дела без него, а после держать ответ перед центровым: почему я снова где-то проебал своего человека. Хотя за четыре года мы нехило

высосали город в свою пользу. Барину грех тыкать нас рожей в дерьмо. Тот, по слухам, приобрел не одну недвижимость за границей и думает в скором времени отсюда съебаться.

– Денис? – когда я появился в поле зрения народа, телка окликнула меня, чтобы позвать к себе.

Свернул к ней, слыша вслед издевательские насмешки все того же Михаси и Рыжего. Резко схватил со стола яблоко и, обернувшись, запулил в одного из них.

Оба пассажира заржали как лошади.

– Ты голоден? – прошептала мне на ухо и рукой накрыла паховую область, поигрывая пальцами на ширинке.

– Еще как. Только дай сначала пожру, – искривил уголок губ и потянулся к домашней картошке с мясом на столе. – Кто готовил? – посмеиваясь, стрельнул глазами в Стрижа.

– Пошли на хрен! – тут же взбесился он, чем раззадорил всех присутствующих. – Сами будете хавку себе готовить. Заебали!

– Угомонись, – насмешливо пробубнил, прожевывая еду. – Все по высшему разряду, – тем более редко удавалось пожрать чего-то домашнего.

С набитым ртом задрал голову кверху, услышав приглушенный крик на втором этаже и тупой удар об пол.

– Толстый с Осей приехали минут за десять до тебя, – объяснил Шмелев, когда словил мое настороженное выражение лица.

– Опять с бабой? – скривился и засунул очередную ложку

с хавкой в рот.

И какой интерес ебать телок против их воли? Но заморочки эти ни меня, ни работы нашей не касаются, а значит, и дела до этого мне быть не должно.

– Угу... – потеряв ко мне интерес, заторможенно ответил Шмель, когда на горизонте замаячили вываливающиеся сиськи живого аксессуара на вечер.

– Денис, давай и мы поднимемся? – намертво прилипла к моей руке Маша, пытаясь засунуть язык мне в рот.

– Так не терпится? – хмыкнул, щупая ее за тонкую талию и ножки.

– Хочу, Денис. Нам пора... – обвила руками шею, касаясь полными губами моих.

Неожиданно застыл в ее крепких тисках и распахнул глаза.

Почему?

Почувствовал... Подсознание сработало быстрее чуйки.

– Что? – испугавшись, отклонилась телка.

– А ну закрыли все пасть! – внезапно заорал на весь зал, заставив девчонку слететь с меня испуганной птичкой.

В гостиной резко стих гомон всех присутствующих. Вопросительные и непонимающие взгляды обратились на меня.

– Нет. Пожалуйста! Помогите! Mamochka-a-a-a!

Я не понял, как сорвался с места и перемахнул через накрытый стол, сметая тарелки с едой, распугивая народ. Несся на второй этаж по лестнице, пока шум со стремительной

скоростью отдалялся от меня. Ни собственных шагов, ни загнанного неровного дыхания, ни отдаленного звука чужих голосов. Только прерывистое биение собственного сердца.

Мне показалось... Показалось...

Без разбора выбиваю ногой каждую дверь на втором, пока не обнаруживаю причину своей дикой паники.

– Ты че? – Толстый обернулся на забежавшего меня в тот момент, когда Ося нанес последний удар в дыхалку хрупкой девочке в отключке.

– Проклятая малолетка. Все зубы выбью, но выебу тебя. Так даже сосать лучше будешь, – развернулся расцарапанный Ося, прикладывая покрасневшие костяшки правой руки к губам. – Ты че? Сильно шумели? – задрал непонимающе бровь и обратился ко мне, пока я пялился в его рыло расширенными глазами.

Слова не мог вымолвить, будто язык онемел. Шевельнуться не было сил, словно окоченел. Душа корчилась впервые от такой боли, проваливалась в живот, крючилась от неверия, от картинки, которую видели мои глаза.

Закрой... и я следую внутреннему зову.

Закрываю глаза...

Подожди. Совсем немного. Ты увидишь, что это не она. Очень похожа... но не она. Она где-то там... вдали от тебя: живет, смеется, беззаботно общается с семьей.

Пора...

Открываю глаза и в этот же миг погибаю вместе со своей

прогнившей душой. Душа, которая оживает каждый раз рядом с этой девчонкой. Девочка, дающая почувствовать иную силу, другую сторону медали этой жизни, незнакомую мне.

Она же только сегодня выходила из подъезда в смешной шапке и в ярких вязаных варежках. Улыбалась чему-то своему, затерявшись в своих мечтах.

В ушах ее звонкий смех. Земля под ногами горит. Темень сгущается перед глазами. А я так и стою... молчу, боюсь сделать шаг.

– Дэн? – с опаской позвал Толстый.

Медленно поднимаю глаза и неторопливо обвожу комнату, намеренно не беря в расфокусированный фокус место, где стоит кровать.

Оборачиваюсь, словно желаю смыться из этой комнаты, но на самом деле пытаюсь выискать нужную для себя вещь.

Наткнулся на нахмуренного Михасю в дверях, Рыжего, резко опустившего взгляд в пол, пацанов, сохраняющих тишину и непонимающих, что происходит.

Выхватил ТТ* (пистолет Тульский-Токарев), заложенный за резинку спортивных штанов Михи, и пьяной походкой подгрел к нему.

Без эмоций беру холодный ствол в руки и, проверив полный магазин, спускаю предохранитель и поворачиваюсь к обалдевшему Осе.

– Ту-уу-маа... – запинаясь, не успевает выговорить, когда я спускаю в него полмагазина.

Чем ближе подходил, тем яростнее нажимал на спусковой крючок. И только когда эта мразь окончательно сдохла, я услышал первый собственный вздох, который получилось сделать за все это время.

Не опуская ТТ, оглянулся через плечо к Толстому. Испуганный до чертиков, вжался в стену и бежит потерянным взглядом от меня к ТТ и от ствола к пацанам, так и стоящим молча на входе.

– Я не понимаю... Туман... За что? Объясни... Что сделал? – сбивался с мысли, заикался, но все же пытался выяснить причину.

– Не нужно было так, – не узнал свой глухой осипший голос, словно был болен тубиком. – Она маленькая... она чистая...

– Я не знал, Туман... – замотал головой Толстый, докумекав, что я знаком с девчонкой. – Если бы знали... Мы ее не тронули. И никогда... Да никогда бы.

Оглянулся мельком на окровавленную Ульяну с разбитым лицом, растрепанными грязными волосами, в разорванной одежде и белье. Темные следы побоев уже начали в полной мере проявляться в разных участках на нежном молочном теле, соизмеримом с хрустальной дорогой статуэткой.

– Не успели.

Не оборачиваясь, с прищуром глядя на нее, выпускаю оставшуюся обойму в тело, от которого больше нет толка.

Загасил и второго.

Где-то в коридоре, а может, на первом этаже оглушительно отбивала секундная стрелка настенных часов, пока я не нарушил молчание.

– Где Кот, Михася? – равнодушно посмотрел на приятеля, который, кажется, догадался о моем внутреннем состоянии. Застывшим взглядом смотрел прямо мне в глаза, опасаясь произнести хоть слово.

– Дальше по коридору. Он в отключке.

– Расход. Этих двух вывезти в лес. Сейчас, – немного подумав, безэмоционально глянул на пацанов. – Отрубить руки.

– Что? – за все время Рыжий впервые поднял опешивший взгляд.

– Не закапывать их с руками. Отрубить и бросить в отдельную яму, – монотонно произнес, словно обсуждая погоду.

Не поверив своим ушам, парни с округлившимися глазами изумленно переглянулись друг с другом. А я в этот момент приблизился к Ульяне и начал закутывать её в покрывало.

– Мммм, – будучи в отключке, девочка издала болезненный стон.

Рухнул рядом с ней на кровать и, уперевшись локтями в колени, схватился руками за голову с обеих сторон.

Как ее отсюда вывезти? Как сделать так, чтобы ничего не поняла?

– Кота сюда... – пробубнил, но мои услышали.

Нагнулся к мелкой и, опустошенно прикрыв глаза, уткнулся в ее лоб своим.

– Я тебя не сберег. Моя вина, – поцеловал в скулу, оставляя на губах след ее крови.

– Че за херня...? – пьяного Кота затолкали к нам в комнату. – Туман, какого черта. Я так спал, – затуманенными шарами пытался сконцентрироваться на мне, но получалось у него с трудом.

Стоял, мялся, посмеивался, никуда не видел и в итоге потирал опухшее ебло.

– Вышли все, кроме Михаси и Рыжего, – поднялся с кровати и твердым шагом подошел к другу.

– Че? – посмеиваясь, поднял голову на меня. – Ну выпил, да, да! Имею право, между проч... – невнятно жевал, пока я не уебал его в первый раз.

Откинулся к стене и растерянно сполз по ней.

– Ты охуел, брат? – начал воскресать и одупляться Макс.

Оказавшись снова рядом с ним, рассеянно схватил за грудки и поднял на уровень с собой для очередного удара, а вскоре, уже не заморачиваясь, начал лупить ногами куда придется: в рожу, в корпус, по ногам.

Пацаны не разнимали. Отдавали отчет, что чревато, если коснутся.

– Сука, скажи, что-о-о, – прохрипел Кот и, откашливаясь, сплюнул кровь на пол.

– Смотри, – левой рукой сцапал его за шею и потащил, как шавку, к сестре. – Пока ты бухой спал в соседней комнате, ее чуть не изнасиловали.

И только сейчас к нему пришло озарение. Он оглянулся, заметив тела и окровавленную Ульяну без сознания.

– Вывези ее. Скажешь, что... – замешкался. – На улице нашел. Придумай что-нибудь.

– Если она узнает... – испуганный Кот мигом протрезвел и уставился трусливым взглядом на меня. Хотя мой, предполагаю, был не лучше. – Не простит меня... Нас.

– Вывези ее. Налепи ей все что можно и нельзя. Скажи, привезли к дому в беспамятстве. У прохожих просила помощи, назвала адрес. Сильный стресс блокирует память, – резко обернулся к молчаливым парням с опущенными головами. – Вы... – обратился к ним. – Увезете их. Если хоть одна собака узнает за нее, я ни на что не посмотрю, всех завалю.

– Понятно, Туман, – кивнули и оба сквозанули от нас.

– Я поеду за вами, – подошел к Максиму, схватив его за плечо. – Останешься у своих. Я завтра приеду.

Он только кивал, казалось, не отдавая отчета ни единому слову. Смотрел стеклянными глазами на Ульяну и грыз разбитые губы, будто бы желая сделать себе больнее.

– Обещаю, с ней все будет хорошо, – тихо сказал и пошел к мелкой, чтобы через мгновение взвалить ее на руки.

– Ммм, – вырвался болезненный стон, вызвав по телу табунов омерзительных мурашек.

Крепче перехватил девчонку и, одной рукой зарывшись в длинные волнистые локоны, с прикрытыми глазами вдохнул в себя позабытый мной запах.

– Прости, девочка моя...

Глава 24

Денис

Нажал на дверной звонок и с заминкой криво покосился в сторону лестничной площадки, которая вела наверх, прямоком к квартире родителей.

Три года прошло, а внутри и не ёкает. Будто и не жил тут отродясь. Безликие серые стены, немытые стекла подъезда, душный запах сырости с корнем вырвали из меня все чувства и воспоминания, связанные с этим местом.

Всю ночь просидел в машине и не мог поверить в то, что эта местность когда-то служила мне родным домом.

Выдохнул сквозь зубы и, раздраженно размяв шею, нажал очередной раз на звонок, начиная уже выходить из себя.

Еле дождался, пока мать Котовых покинет квартиру, чтобы незаметно заскочить к ним в хату.

Немного погодя все же раздался звук открываемого замка и передо мной настезь распахнулась входная дверь, во всей красе демонстрируя разбитое ебало друга.

– Ты, наконец, пригнал невъебенную тушу? – сыренизировал и зашел внутрь, обходя притихшего Макса. – Кумарит еще? – убавил голос и повернулся к нему полубоком. – Я не понял, – свел брови к переносице и, сделав шаг вперед к

Коту, жестко схватил его за челюсть. – Ты где, сука, успел нажраться? Ты же дома был все это время! – от ярости, расползающейся внутри, как чернота, сильнее впился пальцами в насмехающуюся рожу.

– Туман, да я хапнул вчера... Ульянка... У Гены там нашел шкалик, – вымолвил бессвязно заплетающимся языком.

– Ты че лепишь мне? Хочешь сказать, от одной чекушки тебя так развезло?

– Ну я не спал толком... – пожал плечами и вяло откинул мою руку от себя. – Это... Времени немного. Мать в гастронном на углу ушла.

– Она у себя? – кивнул в сторону комнаты мелкой.

– Да, – на тяжелом вздохе он прижал ладонь к лицу.

– Что с родителями?

– Они на панике. А легенда та же, – Макс оттолкнулся от стены и подошел ко мне впритык.

– Что насчет твоей рожи?

– Объяснил, что закусился. Тормоза съехали, когда увидел, в каком состоянии Ульяну привезли. Без разбору накинулся. Наплел, что столкнулись лицом к лицу с водилой. Я домой, а тут сестру заносят в подъезд.

– Как она? – перебил, подмечая, что время на исходе.

– Шлет всех и никого видеть не хочет.

– Я видел из машины, врач приезжал.

– Осмотрел, обработал. Выписал мази, таблетки, – затуманенным взглядом Макс посмотрел в сторону комнаты, где

находилась девчонка.

– Чтобы сейчас ни происходило, не реагируй! – не спеша стянул с себя ботинки. – Я хочу ее увезти. На время. Придумай отмазу для матери.

– Ты рехнулся, Туман? Куда везти? Она с кровати не встанет. Мать весь дом на уши поднимет, если ее не обнаружит, – остановил меня за плечо, когда я захотел пройти вглубь хаты.

– Я попросил? – оглянулся через плечо и жестко осадил взглядом. – Сочиняй дальше легенды. Сделай так, чтобы твои ее поменьше дергали.

– Куда ты ее?

– В тир, – забив на недовольную рожу Макса, пошел к Ульяне.

Один раз постучал в дверь и, не дожидаясь разрешения, зашел в светлую комнату.

– Пошел вон! – стоило остановиться в дверном проеме, как из-под одеяла раздался приглушенный голос маленькой девочки, свернувшейся на кровати в клубочек.

Сглотнул, осознавая, что реакция на меня сейчас не заставит себя долго ждать.

– Привет, стрекоза, – ровно произнес, подходя к письменному лаковому столу возле стены.

Ульяна

– Привет, стрекоза, – раздался до боли любимый голос.

Зажмурилась под теплым одеялом, а рука, которая была просунута между согнутых коленей, незаметно больно впи-

лась в голень.

Это шутка такая?

Громко засмеялась про себя, посчитав, что подсознание сегодня изощренно играет со мной в жесткие игры.

Помотала головой с неприятной улыбкой на губах и с тяжелым вздохом откинула от себя одеяло, для того чтоб развеять призрачный морок.

Вот только... Ульяна, это не твое воображение... Он здесь.

Денис в черной болоньевой куртке, в черной кофте на замке и в джинсах цвета как вся его одежда, присел на край стола. На задворках отметила, что в ней он был вчера, когда я встретила его возле дороги. Вчера он был недосыгаем для меня, а сегодня мой Кудрявый со мной в одной квартире, на расстоянии вытянутой руки.

Так растерялась, что не сразу поняла, как вылупила на него глаза, но отметила, как Денис пристально и серьезно заглядывает в них.

Я, онемевшая, лежу на кровати, но чувствую расплзающуюся слабость в ногах, бешеную радость, теплыми лучиками разбегающуюся в солнечном сплетении, и неутихающую тупую боль в сердце.

Угрюмо отвела взгляд на залитое солнечным светом окно, когда былой восторг поутих.

Проклятый день. Мой внешний вид. И он...

Недолго поразмыслив, мрачно усмехнулась и села на кро-

вати.

– Ты какого черта приперся сюда? – медленно подняла взгляд исподлобья, натываясь на его темные внимательные сканирующие глаза.

Сжала кулаки и всеми силами постаралась не выдать глубоко затаившейся внутри радости от встречи спустя длительное время.

– Носу не казал три года, а тут появился... – чем-то расшемили его мои слова, поскольку уголки притягательных...

Грязных! Грязных, Ульяна, губ! Он вчера ту марамойку целовал на твоих глазах, а сейчас тянет губы в улыбке.

ТЬфу! Кобелина!

Чем дольше мы смотрели друг на друга, тем неумолимее я заводилась и все события сегодняшней ночи безвозвратно испарялись из моей памяти. Слово этот кретин – Туманыч – вновь затуманивал мне мозги и очищал их от всей шелухи.

Не-е-ет, так не выйдет! Не было три года, а теперь появился и творишь в моей башке, что хочешь?

Яростно наклонила голову к плечу и, возмущенно складывая руки на груди, поднялась на ноги, а точнее, стояла на кровати на своих двоих.

От пронизательного взгляда Дениса нервы натягивались до предела. Но его насмешливо приподнятая бровь говорила о том, что тем самым выше парня я не стала.

– Друг настучал? – и только сейчас кто-то меня тюкнул по темечку, дав осознать, что я перед Денисом в данный миг

слабая... ничтожная.

Не дожدهшься, сволочь. Даже в такой ситуации...

– Стукач! – заорала на весь дом, вызвав широкую улыбку громилы напротив.

Господи, Котова, как он возмужал...

– Ненавижу тебя! Ты – стукач! Слышал, Максюша? – перековеркала его имя, зная, как он по сей день бесится из-за этого.

– Я задала вопрос, че прищкандыбал? – язвительно спросила. – Катись к черту! – гневно выдала, если не зарычала на него. – Тебя тут никто не ждал! – мерзко заулыбалась. – Я уж точно! Даже не скучала и не вспоминала, – легко спрыгнула с кровати, но почувствовала адскую боль во всем теле. – Вот смотрю сейчас на тебя и думаю, что я в тебе тогда нашла?! – обвела его медленным надменным взглядом. – Ты ж уже пень трухлявый. Жалеть прискакал? Так не нужна мне твоя жалость. Засунь ее себе в жопу, – желчно выплюнула, чувствуя, как начинают гореть глаза от невыплаканных слез. – Или тебе экшена захотелось? А может, тебе скучно стало в твоей новой жизни? Дешевки уже не удовлетворяют?

И на этом я выдохлась. Денис все это время мрачнел, белел и, о чудо, багровел от злости, но все еще сохранял молчание, словно давал мне выплеснуть на него всю ярость, скопившуюся за эти годы. Смотрел в упор в глаза своими расширенными, сияясь, похоже, просверлить во мне дыру.

Не, ну точно он кретинизмом болен. От души захотелось

подойти к нему и заехать по огрубевшей роже.

– Ты помолчать пришел? Или как? В любом случае мне неинтересно, – выставила руку и досадно поморщилась.

Разговор в одного. Не этого я ожидала.

Неосознанно поправила волосы, чтоб скрыть с двух сторон пол-лица, и в этот момент неожиданно Денис пошел на меня, а я, чего-то дико испугавшись, споткнулась об свою же ногу, когда попятилась от него. С расширенными глазами прилипла к стене возле окна и выставила предупреждающе руку.

– Не смей! Не приближайся ко мне и не трожь! – словила его тяжелый прищур, но он резко оборвал мою речь, когда с трудом прислонился своим лбом к моему и открыл глаза, миг обезоруживая и гася негативный всплеск.

Боже, глаза... Шоколадные, темные, сконцентрированные на мне. На одной мне. Если приглядеться, можно разглядеть миллион завораживающих янтарных кристалликов в его роговице. А еще... чрезмерную жестокость, которой не было три года назад.

Изменился. Но это не значит, что я разлюбила. Я им дышу. Я с ним хочу на всю жизнь. С ним мое сердце навсегда... Неужели ты слеп, Денис? Так глуп, чтобы размениваться на мелочи?

– Я очень скучал по тебе, – двумя руками заключил в плен мое лицо и зарылся пальцами в волосы. – Так не хватало... Смеха, глаз, голоса и твоего бессмысленного треп. Такая

красивая. Не смей никогда прятаться от меня, – отводит волосы от лица и осторожно заводит их за уши. – Я никогда не видел девочки красивее тебя. Тебе никак не нужно подчеркивать свою внешность. Не нужно стесняться, как ты выглядишь сейчас. Даже сейчас красивая... нежная... ранимая... трогательная, Ульянов.

Громко заплакала, а он прислонил голову к своей шее и закинул меня к себе на руки.

– Я не забывал, Ульянов. Я для тебя хотел как лучше.

– Ты не отпустишь теперь? Не бросишь меня? – сильнее обвила его руками и ногами, растирая слезы об его кофту.

– Съездишь со мной в одно место? Хочу... кое-что показать и кое-чему тебя научить, – усмехнулся незнакомо и больнее прижал к себе, будто помимо меня пытался со мной срастись.

Я молчала, а он ждал ответа.

– Мама твоя скоро придет. Тебя не отпустит, меня метлой из хаты погонит. Че делать будем?

– Там очень интересно? – положила голову на его плечо и вдыхала горьковатый аромат.

– Там будет поучительно.

– С тобой?

– А то... – хмыкнул и поставил меня на ноги, не забыв поцеловать в макушку. – Одевайся. Я жду, – подмигнул мне и, задержавшись рядом на мгновение, покинул комнату.

Денис

Обернулся на мелкую, когда вышли из подъезда, и заметил, как опустила ниже голову, снова стараясь прикрыть волосами круглое личико.

Заиграл желваками и завел руку ей за шею, подтягивая к себе.

– Сколько тебе говорить, чтобы ты перестала трогать баб? Ульянов, уже взрослая, а все неймётся. В драки суешься, – прижал к себе, разряжая обстановку и отвлекая ее.

Неуверенно хохотнула и обвила мой торс.

– Это ты их еще не видел, – грустно заметила, а я счастливо улыбнулся, понимая, насколько она права.

Да, девочка моя... Они дохлые трупы. И так будет с каждым, кто посмеет тронуть тебя.

Прикрыл глаза и зарылся носом в волосы на ее макушке.

Не соврал. Скучал. И понял это не в тот момент, когда стоял в ее комнате, а в те минуты, когда хотелось от тоски сгрызть собственный язык, наблюдая за ней издалека в течение трех лет.

Ульяна

– Денис? – раздался обескураженный голос рядом с нами.

Туманыч молниеносно от меня оторвался, с какой-то стати пряча за свою спину.

Растерянно воззрилась на него, раскрыв рот.

– Ты чего? – отклонилась от Кудрявого и посмотрела на Никиту. – Привет.

– Здравствуй, – перебросил на меня загнанный взгляд, а

вскоре вернул его к своему старшему брату. – Я... думал, вы не общаетесь, – пробубнил и опустил глаза по той причине, что Денис чересчур неприязненно смотрел на него.

Никогда не понимала, почему у них такие отношения. Братья ведь. Родные. Не представляю, чтобы я обращалась так с Максом или он относился так ко мне. Хоть он и жаловался на меня, уставал, но я всегда чувствовала его любовь и поддержку.

– Ты заходил домой? – поудобнее перехватил скрипку в руках и косо бросил на Дениса обвинительный взгляд, поскольку тот снова принялся играть в молчанку.

Аккуратно дернула его за рукав, но он не придал этому значения.

– Отец... Ты знаешь за него? – все то же молчание, а я напрыглась, зная, что Никита сейчас закончит свою неуверенную речь. – У него инсульт был... Может, ты зайдешь...

– А ты все музыкой занимаешься? – соизволил с брезгливостью ответить Кудрявый. – Иди работай. Бабки зарабатывай, а не транжирь, – выхватил футляр из рук Никиты и с неуёмной дурью выкинул его в палисадник.

– Что ты сделал?! – дрожащим голосом закричал его брат, срываясь на панику.

– Пошли, – схватил меня за руку, когда Никита побежал к выброшенной скрипке.

– Зачем ты так грубо? – прошептала, но он пропустил мимо ушей, отчетливо скрипя зубами. – Это твоя? – удивления

не было в моем тоне, когда мы подошли к машине, которую я видела вчера.

– Моя. Садись рядом, – вновь расслабленно улыбнулся, словно и не виделся с братом, не слышал за отца.

– Ты изменился, – пальцами коснулась холодного стекла, увидев, как Денис прикуривает сигарету.

Он хмыкнул, глубоко втягивая дым табака, но промолчал. Запрокинула голову к ясному зимнему небу, где кружила стая воронья, наводя в душе какую-то смуту.

– Ульян, поехали, – открыл дверцу машины Денис.

Ульяна... И за все время никакого долбанного прозвища «Прищепка».

– Да, да, – кивнула и напоследок повернула голову в сторону нашего подъезда, где, оказывается, застыла мать Дениса – тетя Надя, – обводя своего сына жадным истосковавшимся взглядом. – Дэн... – прошептала в тишину.

А когда перевела взгляд на молчаливого Дениса, ожидая, что и он видит свою мать, наткнулась на свору вооруженных до зубов людей в погонах, масках и с автоматами наперевес, бегущих прямо на нас.

Денис круто разворачивается на меня, и мое сердце вываливается к ногам.

Они по его душу.

Взгляд. Сколько взгляд может нам сказать... Почему именно его взгляд я без проблем могла прочесть? Почему ко мне он всегда был открыт? Почему сейчас он так режуще

смотрит и просит прощения? Словно подставил, словно жалеет, что встретился, что снова во что-то меня втянул.

За что мне его прощать? Я просто люблю тебя, Денис...

– Не смей соваться ко мне! – грубо приказал, четко отчеканив по слогам.

Слезы покатались по щекам в тот момент, когда к нам подбежало человек десять, а со стороны раздался пронзительный визг:

– Де-е-енис! Сыно-о-ок! Что вы творите-е-е?!

– Мордой в землю! – двое человек из ОМОНа уложили Дениса лицом в снег, а остальные залетели в машину, наспех потроша ее изнутри, словно изверги. – Руки за спину! Ноги на ширине плеч! – истошно орали на всю округу. И только когда Дениса ударили прикладом между лопаток, я сорвалась к нему с места.

– Сволочи, оставьте его в покое! – закричала на них.

– Не лезь, я сказал! – взревел Кудрявый, пугая меня до вздыбленных волос.

– Голову вниз, сука! – в очередной раз ему влетело автоматом по моей вине.

– Ироды проклятые! – спотыкаясь, подоспела к нам тетя Надя. – Отпустите его! Что вы творите! Что он сделал?! – визжала она и желала прорваться к Денису.

– Де-е-енис?! – завыла и я, ломанувшись в гущу, но последнее, что прорычал Дэн, было «не лезь».

– Встал! Пошел! Глаза вниз! – ОМОН кричал, заковывая

его в наручники, и повел к рядом стоящей газели, которой пять минут назад еще и в помине не было.

Что же это?

Я стояла потерянная, со слезами на глазах, крепко зажимая себе рот. Смотрела, как уводят Дениса, насильно закидывая в машину с мигалками, будто он особо опасный преступник.

Денис. 4 часа спустя

Потрепанный, вышел из мусарни и первое, что сделал – закурил сигарету. В зону моей видимости попали две знакомые тачки. Одна принадлежит Барину, другая – Михасе. И оба по мою душу.

Не торопясь докурил и в скверном настроении дотронулся кончиком языка до разбитой нижней губы.

Ну что, сейчас пепел посыплется с неба, Туман? И как я предполагал, так оно и случилось. Но только даже в этот момент я не мог представить, в какую задницу скоро угожу.

Всем когда-то приходится платить по счетам. У меня это случилось в мои двадцать...

Молча нырнул в тачку Барина и повернулся к окну, за которым повалил снег. Ожидал криков, брани, угроз, но в салоне царила мертвая тишина, которая оседала тяжелым грузом внутри. Чуйка, указывающая на полный пиздец. И снова все как обычно: понурый Виталя за рулем и мы с Бариним на заднем сидении, отвернутые друг от друга.

– Ненавижу, когда из меня делают дурака, – тихо приня-

ся отчитывать меня центральной.

– Я чего не припоминаю таких моментов.

– Тебе лучше сейчас помолчать... – заключил еще тише.

Мы оба замолчали на неопределенное время, пока Барин снова не решил подать лишенный эмоций голос.

– Своим людям я даю шанс только два раза. Тебе же... А на твоём счету их как минимум четыре.

– Озвучите? – отклонился на сидение и посмотрел внимательно на него.

– Первый твой косяк: когда я спросил, кто тебя пырнул – ты выбрал ложь. Второй – когда без моего ведома опрокинул нашего человека и той же ночью зарезал его. Третий – ночная расправа с нашими людьми на даче, следствием чего стало твоё сегодняшнее жесткое задержание, которое встало мне в нехилую цифру. Четвертый – твоё отношение ко мне. Ты в хуй собачий не ставишь меня. Для тебя мое слово – пустой звук. Ты неуправляемый, Денис, и, к моему сожалению, не оправдал моих ожиданий. Все же ты молод и еще очень глуп, – четко все по делу.

– Я так понимаю, больше не с вами? – холодно уточнил, даже не стараясь идти в отказ.

– Ты с нами. Но я тебя по всем пунктам один раз особо жестко накажу. Это будет последним предупреждением.

Я удивленно вскинул брови, не замечая боли на лице.

– И что я должен буду сделать? – усмехнулся с каменной маской.

– Ты... Ты должен уладить некоторые вопросы по поставке оружия. Я дам тебе координаты своего человека, – чуть погодя ответил и за все время разговора впервые посмотрел мне в глаза.

С таким я еще не сталкивался, поэтому сначала недоумевал и молча смотрел на хладнокровного Барина.

– Я так понимаю, мне нужно уехать из города?

– Ты отправишься добровольцем в Грозный. И это мы провернем через нашего человека.

В подсознании всплыли слова Кота «хапнул». Нет, Макс, это я сейчас хаваю настоящую парашу, а скоро и месить ее буду.

– Какие поставки, Владислав Владимирович, если вы отправляете меня на смерть? – хохотнул и с иронией в глазах устало зажал переносицу.

Жизнь – суровая штука... И на тебе она, Туман, сейчас вдоволь отыграется.

– Ты поедешь, будешь воевать и заодно решишь все наши вопросы. Завтра к тебе приедет мой человек, отдаст координаты и все на того, с кем ты встретишься в Чечне. И еще... – приоткрыл он окно со своей стороны, запуская морозный воздух. – Не дай бог, Денис, ты смеешься из города. Найдут, и сам знаешь, что с тобой сделают. Сиди на жопе ровно, пока не отправят первым рейсом. И насчет твоего друга...

– А он что сделал? – напрягся рядом с этим гондоном.

– Он слишком слаб для нас. До сих пор не понимаю, что

ты в нем нашел, что связывало тебя с ним.

– Так выгоните, и дело с концом.

– Так не выйдет. В нашем случае есть только два пути. Первый... Я уберу его...

– Нет... – перебив, замотал головой и разулыбался. – Иначе...

– Закрой рот! Я ставлю условия, не ты! – крикнул на меня Барин. – Угрожать вздумал?! Что ты мне? Я сейчас быстро могу передумать. Не выводи меня! – гаркнул, подавшись ко мне. – Второй! – после паузы заголосил во все горло. – Его, как и тебя, я отправлю в ссылку, только по этапу.

– Ходку хотите накинуть на него? – с яростью в глазах отрицательно замотал головой.

– Пускай его там воспитают. Я разных людей там повидал, вот и посмотрим, чего он стоит.

– Отправьте со мной. В Грозный, – по-человечески решил его попросить. – Ведь мы немало сделали для вас.

– Я сказал, мне нужно его воспитать. Иначе он мне в команде не нужен. Выйдет толк – хорошо, – утвердительно кивнул. – Останется. А нет, то хотя бы будет жив. Я и так слишком добр к вам!

– Но опущенный черт, – в немом смехе завибрировал грудной клеткой.

Пидор вонючий.

– А это зависит от него. Смотря как он себя там поставит.

– Что за тюрьма?

– Белый лебедь.

Закрыв глаза и бесшумно выдохнул. Судорожно. С опаской. И за долгое время впервые со страхом. Толком еще не разобрав, за кого из нас больше.

Это были последние слова в этот день и последний разговор в этом году.

Вот так по щелчку жизнь снова сделала новый оборот, преподнеся урок, который запомнится мне навсегда.